К 100 летию со дня рождения Героя Социалистического Труда генерал-полковника артиллерии Юрия Всеволодовича Вотинцева посвящается…

У каждого из нас свой долг и своя ответственность перед Родиной.
Но военные люди ощущают их особенно остро, для них эти понятия составляют не только смысл службы, но и во многом – определенный смысл жизни.

Президент Российской Федерации
Владимир Путин

ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ – РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ

К 100-летию со дня рождения Ю.В. Вотинцева

МОСКВА
2019

ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ – РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ – Москва, 2019. – 368 с.: ил.

Редакционная коллегия:
В.М. Смирнов (председатель),
В.П. Панченко (заместитель председателя),
В.А. Байкин, В.П. Богомолов, А.И. Дедов,
В.А. Никитин, А.Ф. Поздеев,
В.П. Сологуб, А.И. Суслов

Книга посвящена Герою Социалистического Труда, первому Командующему Войсками противоракетной и противокосмической обороны Войск ПВО страны генералу-полковнику артиллерии Юрию Всеволодовичу Вотинцеву.

В основу изложения книги взяты подлинники статей и воспоминаний Ю.В. Вотинцева, опубликованных в разные годы, воспоминания родственников, сослуживцев с кем вместе создавались новые системы вооружения, воинские части Ракетно-космической обороны страны.

Опыт решения проблем возникающих при создании сложнейших систем XX века, каковыми были, безусловно, системы, входящие в РКО, представляет серьезный не только исторический, но и практический интерес для нынешнего поколения защитников Отечества.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Автор–составитель А.Ф. Поздеев

© Редакционная коллегия, 2019

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА СМИРНОВА В.М. 15

ВОТИНЦЕВЫ – ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ
ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА 25

НА СЛУЖБУ В РККА 28

НА ФРОНТЕ 34

ВОЙНА В КОРЕЕ 59

В ВОЙСКАХ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ 63

ПРОТИВОРАКЕТНЫЙ ЩИТ СТРАНЫ 87

СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О РАКЕТНОМ НАПАДЕНИИ 169

СИСТЕМА ПРОТИВОКОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ 302

АРБИТР В ПОСЛЕДНЕЙ ИНСТАНЦИИ 308

ЭЛИТА ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА 311

С ПЕРВОГО КОЛЫШКА 313

УПРАВЛЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОЙСКА РКО 321

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 332

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ 338

ФОТОГАЛЕРЕЯ 347

Командующий
Космическими войсками –
заместитель
главнокомандующего
Воздушно-космическими
силами генерал-полковник
А.В. Головко

Уважаемые товарищи!

23 октября 2019 года исполняется 100 лет со дня рождения генерал-полковника артиллерии Юрия Всеволодовича Вотинцева. С его именем связано создание и развитие в Вооруженных Силах в 60 годах прошлого столетия нового рода войск – Противоракетной и противокосмической обороны. Это событие стало ответом на возникшие новые угрозы безопасности нашего государства. Развитие этих средств отмечено выдающимися научными открытиями, оригинальными конструкторскими решениями, беспримерными успехами трудовых коллективов оборонной промышленности, военных строителей и ратными подвигами солдат и офицеров Советской Армии.

В таком сложном, и постоянно изменяющемся процессе создания новых средств защиты в космосе и из космоса, Юрию Всеволодовичу Вотинцеву, назначенному первым Командующим войсками ПРО и ПКО, пришлось жить и работать многие годы, добиваясь наиболее оптимальных и эффективных решений при их разработке и создании.

Вторым важнейшим направлением служебной деятельности Ю.В. Вотинцева, при формировании войск Ракетно-космической обороны страны, являлась подготовка войск и организация успешного боевого применения созданных средств.

С этими и другими многочисленными задачами, вытекающими из должностных обязанностей, Ю.В. Вотинцев успешно справлялся, о чем свидетельствует присвоение ему почетного звания Героя Социалистического Труда СССР.

Этому способствовали его личные качества, такие как природный ум, феноменальная память и высочайшая работоспособность.

О том, как создавались системы Ракетно-космической обороны, какова их роль в обеспечении обороноспособности и стратегической безопасности Родины и рассказывается в воспоминаниях Юрия Всеволодовича Вотинцева, его сослуживцев, представителей науки и промышленности.

В настоящее время космические войска в составе Воздушно-космических сил Российской Федерации сохраняют бесценный опыт воинов ракетно-космической обороны, гордятся подвигом первопроходцев, с честью выполняют воинский долг и продолжают боевые традиции старшего поколения.

ВОТИНЦЕВ
Юрий Всеволодович

(23.10.1919–29.11.2005)

Герой Социалистического Труда,
Командующий 12-й отдельной армией
Войск противовоздушной обороны СССР,
Командующий Войсками противоракетной
и противокосмической обороны –
член Военного совета Войск ПВО страны,
Генерал-полковник артиллерии

Родился 23 октября 1919 года в Ташкенте.

Его отец – Всеволод Дмитриевич Вотинцев, потомственный семиреченский казак, был Председателем Туркестанского Центрального исполнительного комитета и погиб во время Ташкентского мятежа в январе 1919 года (захвачен и расстрелян мятежными частями).

В 1936 году Юрий Вотинцев окончил 8 классов средней школы в г. Ленинграде. В этом же году вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и был принят на учебу в 1-е Краснознаменное Ленинградское артиллерийское училище.

В середине 1938 года в ходе реорганизации военных учебных заведений был переведен в Сумское артиллерийское училище, окончил его в октябре 1938 года.

С 1938 года командир взвода Тбилисского горно-артиллерийского училища, с 1940 года – помощник командира батареи – преподаватель, затем командир батареи Пензенского артиллерийского минометного училища.

В декабре 1942 года Ю.В. Вотинцев назначен Командиром минометного дивизиона 295 минометного полка.

В марте 1943 года в составе полка прибыл в Действующую армию на Воронежский фронт, в составе 71-й гвардейской стрелковой дивизии, 6-й гвардейской армии. Участник Курской битвы.

В августе 1943 года назначен Начальником штаба 295-го минометного полка и ему было присвоено воинское звание капитан.

В октябре 1943 года полк был переброшен на 1-й Прибалтийский фронт, где принимал участие в Невельской и зимней Витебской наступательных операциях.

С февраля 1944 года Ю.В. Вотинцев – заместитель командира 151-го гвардейского артполка 71-й гвардейской стрелковой дивизии, повышен в воинском звании до майора. С мая 1944 года – начальник штаба артиллерии, с июня – командующий артиллерией 90-й гвардейской стрелковой дивизии.

В декабре 1944 года получил тяжёлую контузию. После излечения был возвращён в Пензенское артиллерийско-минометное училище и назначен на должность Командира учебного дивизиона.

За подвиги на фронте ВОВ награжден тремя орденами и дважды досрочно повышен в звании.

В 1947 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе с золотой медалью. С декабря 1947 года майор Ю.В. Вотинцев – Начальник оперативного отделения штаба артиллерии 5-й армии в Приморском военном округе.

С декабря 1948 года – подполковник Ю.В. Вотинцев – Начальник оперативного отдела штаба артиллерии Приморского военного округа. В ходе Корейской войны 1950-1953 годах неоднократно выезжал в Корею и Китай для организации подготовки артиллеристов армий этих стран в боевых условиях.

С октября 1953 года полковник Ю.В. Вотинцев – Командующий артиллерией, 2-й танковой дивизии в Дальневосточном военном округе.

В 1955 году окончил Военную академию Генерального штаба с золотой медалью и был назначен в Войска ПВО страны на должность заместителя командующего по боевой подготовке 1 А (ОН), особого назначения Московского округа ПВО.

В 1958 году ему присвоено воинское звание генерал-майор артиллерии.

С 1959 года – Командир Туркестанского корпуса Войск ПВО, затем на базе которого была в 1963 году сформирована 12-я отдельная армия Войск ПВО страны. В звании генерала-лейтенанта артиллерии Ю.В. Вотинцев стал её Командующим.

В мае 1967 года Юрий Всеволодович назначен Командующим Войсками противоракетной и противокосмической обороны.

Юрий Всеволодович Вотинцев – один из организаторов ракетно-космической обороны страны. Под его руководством

созданы и поставлены на вооружение системы предупреждения о ракетном нападении, противоракетной и противокосмической обороны, центр контроля космического пространства.

В 1974 году Ю.В. Вотинцеву присвоено воинское звание генерал-полковник артиллерии. С августа 1986 года – в отставке.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1984 года «За выдающиеся заслуги в укреплении оборонного могущества Родины» генерал-полковнику артиллерии Вотинцеву Юрию Всеволодовичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Награжден: орденами Ленина, Красного Знамени (1943, 1956, 1967, 1974), Александра Невского (1944), Отечественной войны I степени (1943, 1985), Красной звезды, «Знак Почета» (1942, «За отличную организацию учебного процесса и заслуги в подготовке офицерских кадров для фронта») многими медалями. Именем Героя названа улица имени Ю.В. Вотинцева в поселке Кубинка.

В 2005 году, как и в любом другом в мире, естественно в России, произошло множество событий, хороших и не очень, важных для одних и совершенно незначительных для других. Некоторые из этих событий не оставляют в памяти никакого следа, другие запоминаются надолго.

Подводя итоги 2005-ого, нельзя не вспомнить о том, что в этом году, в Лондоне произошла серия терактов, массовых беспорядков во Франции и Австралии, кому-то запомнилась свадьба принца Чарльза, кто-то следил за судом над Майклом Джексоном, другие отметят громкие выборы в ряде стран. Беспокойно вела себя природа: затопила Новый Орлеан в США, землетрясение в Пакистане.

В России, с космодрома Байконур, стартовал космический корабль «Союз ТМА-6» – командир Сергей Крикалев, лидер КПРФ Генадий Зюганов назвал три главных события года: X съезд КПРФ, отрезвление населения относительно политики Владимира Путина и «Единой России» и ситуация на Украине.

Газета «Красная Звезда» от 1 декабря 2005 года напечатала некролог…

> *Министерство обороны РФ, Командование Космическими войсками, боевые друзья и товарищи с глубоким прискорбием извещают о смерти участника Великой Отечественной Войны, бывшего командующего Войсками ПРО и ПКО, видного военачальника, Героя Социалистического Труда генерала-полковника артиллерии в отставке Вотинцева Юрия Всеволодовича, умершего 29 ноября 2005 года и выражают соболезнование родным и близким покойного.*

В памяти всех, кто с ним служил, кто его знал Юрия Всеволодовича Вотинцева, останется ярким примером беззаветного патриотизма, верности воинскому долгу и делу защиты Отечества.

Командующий РКО
(1992–2001)
Генерал-полковник
В.М. Смирнов

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках книгу о жизни Героя Социалистического Труда, активного участника Великой Отечественной Войны генерал-полковника Юрия Всеволодовича Вотинцева, издаваемую в честь столетия со дня его рождения.

Вся его жизнь связана со служением Родине, защитой ее в рядах Вооруженных Сил с 1936 по 1986 гг. (ровно 50 лет). Весь род Вотинцевых по мужской линии-защитники Отечества: прадед, дед, отец Всеволод Дмитриевич на юго-восточных рубежах России, два сына председателя ЦИК Туркестана Всеволода Дмитриевича – Владимир и Юрий – активные участники Великой Отечественной Войны. Оба награждены боевыми орденами.

В 1945 году Юрий Всеволодович был направлен в Военную Академию им. Фрунзе сразу на второй курс. После ее окончания для прохождения службы выбрал Дальний Восток. В 1953 г. с должности командующего артиллерии 2 танковой дивизии направлен в Военную Академию Генерального Штаба. После ее окончания в 1955 г. был назначен – заместителем командующего Отдельной Зенитной армии ПВО по боевой подготовке.

На вооружение армии в это время поступают средства уникальнейшей зенитно-ракетной системы ПВО С-25, с задачей обеспечить безусловную противовоздушную оборону Москвы. Строительство системы ПВО С-25 – особый случай в практике создания сложных систем вооружения (до определенного времени без участия Министерства Обороны) созданным Правительством, Третьим Главным Управлением (ТГУ) с привлечением выдающихся конструкторов академической и военной науки, передовых научных и производственных предприятий страны и немецких специалистов.

Освоение новой, не знающей аналогов боевой техники, надежной ее эксплуатации и боевого применения потребовало интенсивной боевой подготовки личного состава, прежде всего офицерских кадров.

С 1959 по 1967 гг. Юрий Всеволодович – в должности командира Отдельного Туркестанского корпуса ПВО, затем Отдельной армии ПВО (развернута на базе корпуса), в труднейших географических, военных и политических условиях, проявил себя исключительно грамотным, волевым организатором ПВО на южном направлении страны, твердым командующим, умелым воспитателем.

В 50-е и 60-е гг. получают развитие атомное оружие, средства его доставки практически во все точки земного шара, начинается активное освоение космического пространства. Центральным Комитетом КПСС, Правительством принимаются решения о создании средств стратегической обороны (противоракетной, противокосмической, противоспутниковой, разведки космического пространства), обосновываются направления создания систем вооружения по программам... Потребовалась революция в развитии вычислительных средств, связи, навигации, средств передачи данных, технологий хранения, обработки данных, автоматических систем

управления, в двигателестроении, радиотехнике, тактике и стратегии их боевого применения в целом.

ЦК КПСС, Правительство ставят задачи, сроки, основные характеристики систем вооружения. Заказчик – Министерство обороны, исполнители: Министерство обороны, Министерство Общего машиностроения, Министерства Радиотехнической промышленности, Среднего машиностроения, Министерство гражданской авиации, Академия наук СССР. В Министерстве обороны создание этих систем вооружения было поручено войскам ПВО страны. К середине 60-х гг. был построен ряд объектов противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, противокосмической обороны (ПРО, СПРН, СККП, ПКО).

По инициативе Главнокомандующего Войск ПВО маршала Батицкого Павла Федоровича в 1967 г. был создан новый род войск: противоракетной и противокосмической обороны (ПРО и ПКО, с 1993 г. – РКО) и командующим был назначен генерал-лейтенант Юрий Всеволодович Вотинцев. К сожалению, мало сведений, воспоминаний, материалов о жизни Юрия Всеволодовича в довоенный, да и в послевоенный период. Дневников Юрий Всеволодович не вел, он не был публичной (в теперешнем понимании) личностью, к тому же секретность службы в войсках ПВО, особенно периода, связанного с созданием, становлением, развитием и боевым применением систем вооружения рода войск ПРО и ПКО этому не способствовала (если точнее, исключалась). Пожалуй, самыми первыми честными материалами являются его воспоминания «Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы» (Военно-исторический журнал, №8, 9, 10, 11 1993 г.). Это – классика.

Несомненно, главным этапом его жизни, службы, трудов является создание системы РКО как части стратегической обороны, достойно выполняющей, наряду со стратегическими

ядерными силами, поставленные задачи сдерживания агрессора и предотвращения мировой войны в течение более 50 лет.

Даже в 90-е годы, когда страна, армия стремительно разваливались, система РКО (до 1997 г. в составе ВПВО, затем – РВСН) сохранила свой состав и боеготовность. И в настоящее время системы вооружения РКО развиваются, наращивают количественный состав средств, качество и эффективность стратегической обороны страны.

Значимость личности Юрия Всеволодовича, его роль в создании систем вооружения (СПРН, ПРО, СККП), становлении рода войск, обеспечении эффективности боевого применения, определении направления развития я смог осознать только после долгих лет службы в войсках ПРО и ПКО с 1971 по 2001 гг. на должностях, от начальника штаба подразделения до командующего армией СПРН и командующего войсками рода войск.

Я был третьим и последним командующим войсками РКО. В 2001-м году, в период масштабных «реорганизаций» Вооруженных Сил, РВСН преобразованы в род войск, создан новый род войск – Космические Войска, в составе бывших родов Военно-Космических Сил и Ракетно-Космической Обороны. В возрасте 61 года уволен в запас по достижению предельного срока службы.

После окончания Радиотехнического училища, в 1960–1966 гг. проходил службу в Уральской армии ПВО, в Орском радиотехническом полку, дислоцирующемся на территории, Оренбургской, Актюбинской, Гурьевской областей на стыке зон ответственности Уральской и Ташкентской армий ПВО. Там впервые и услышал о генерале Ю.В. Вотинцеве в связи с нарушениями воздушных границ самолетами-разведчиками U-2 и другими самолетами с территории Ирана и жестких мер, предпринимаемыми 12-й ОА ПВО (Ташкентская

армия ПВО). В 1966–1971-м гг., обучаясь на образованном в 1966 г. факультете ПРО и ПКО Военно-командной академии войск ПВО (город Калинин), увидел Юрия Всеволодовича на встрече командующего ПРО и ПКО со слушателями факультета. Поражала собранность, четко сформулированная речь, когда он без конспекта характеризовал состояние войск, задачи факультета и слушателей.

После окончания Военной академии, проходя службу в 3 ОА СПРН (ОН), неоднократно встречался с ним при работе Юрия Всеволодовича в войсках, проводимых им сборах, учениях, научных конференциях, государственных комиссиях по приему вооружения вплоть до его увольнения в 1986 г. Продолжались встречи и после окончания службы Юрия Всеволодовича, но значительно реже: на юбилеях, выпусках курсантов Кубинского Командного училища.

Возвращаясь к роли Юрия Всеволодовича в создании, руководстве, развитии войск ПРО и ПКО, нельзя забывать, что сложнейшие системы вооружения ПРО, СПРН, СККП объективно созданы решениями и при постоянном внимании ЦК КПСС, Правительства, Министерства Обороны усилиями всего государства, промышленности и науки. Генеральным заказчиком, организатором выступали Министерство Обороны, ВПВО страны, главнокомандующие ВПВО маршал П.Ф. Батицкий, маршал авиации Колдунов Александр Иванович, Главкомат ВПВО, а Юрий Всеволодович, выполняя волю Правительства, Министерства Обороны, стал основной частью механизма создания нового рода войск, решающего стратегические задачи:

– Постоянной глобальной разведки стартов баллистических ракет, оценки опасности ракетно-космической обстановки и доведения ее до руководства государства и Министерства Обороны с высочайшей достоверностью и достаточным временем оповещения;

– Разведки космического пространства, каталогизации космических объектов, их идентификации, признаков деятельности в космосе, из космоса, оценки опасности деятельности космических систем противника, осуществление противокосмической обороны;

– Решение задачи стратегической противоракетной обороны Москвы и Московского промышленного района.

Задачи для Вооруженных Сил новые, требовали создания средств дальнего обнаружения (радиолокационного, оптического, радиотехнического в разных диапазонах волн), новых вычислительных средств, систем передачи данных в разных средах, систем обработки данных, автоматических систем управления и нескольких десятков крупных объектов на Земле с энергопотреблением каждого из них от 2-х до 40 МВт и вся эта техника должна работать в системе единого времени, с точностью привязки в доли микросекунд, работать в условиях помех, круглосуточно, ежегодно, с плановым отключением не более 3-5 суток в году. Средства (комплексы) вооружения располагаются по периметру и на территории всей страны, функционируют автономно на расстоянии от сотен, до десяти тысяч км до командных пунктов, промышленных предприятий, городов.

Юрий Всеволодович в кратчайшие сроки подобрал управление Рода из опытных генералов, офицеров войск ПВО, имеющих опыт создания сложных зенитно-ракетных систем (С-25 и др.), военных полигонов, 1-й, 12-й ОА ПВО; четко определил обязанности и порядок их выполнения. Это были инициативные, высокопрофессиональные военные инженеры с высочайшим чувством ответственности, желанием и способностями к повышению своего уровня подготовки и обучению подчиненных, умением эффективно работать со специалистами Главкомата, Генерального Штаба, с заказчиками, военными институтами, разработчиками. Отличительной

особенностью управления командующего было наличие в нем и во всех частях рода войск отделов боевых алгоритмов и программ.

Наличие 1-го Управления и Школы младших специалистов, высокая, подчеркнуто генеральская требовательность к подчиненным и коллегам из научных, промышленных и строительных организаций хорошо сочеталась в нем с желанием и умением учиться, добираться до сути технических проблем и вопросов, понимать необходимость компромиссов, искать совместные пути преодоления многих неизбежных, непредсказуемых трудностей. По общему мнению, он был близок к образцовому эталону высокого военачальника, ответственного за создание, эксплуатацию и боевое применение современнейших, сложнейших по функции и исполнению технических систем. Он совсем не стеснялся, несмотря на высоту своего ранга, учиться, старался дойти до самой сути. Такую манеру поведения прививал и своим подчиненным. Стремление знать и понимать все не только по докладам, а главным образом по собственным впечатлениям постоянно влекло его на создаваемые и несущие боевое дежурство объекты, к живому общению со своими подчиненными, строителями, монтажниками и разработчиками. Каждое его посещение (работа на объекте) было для командиров и всех участников создания и эксплуатации объектов сложнейшим экзаменом, школой и примером объективной оценки состояния дел, определением направлений устранения текущих и возникающих проблем, импульсом к движению вперед.

Особенностью функционирования Рода войск являлось то, что в его состав входило специальное «Управление по вводу в строй объектов РКО» численностью до 300 человек во главе с генерал-лейтенантом М.М. Коломнец, которое решало задачи от выбора позиции создаваемого объекта (на территории всего СССР), формирования группы

строящегося объекта, приема и хранения оборудования, участия в его монтаже, контроля и приема строительных работ, формирования воинской части на этапах ее развития, участие в настройке и наладке оборудования, проведение испытаний, организация эксплуатации оборудования, подготовки боевых расчетов, постановки на боевое дежурство и передачи готового объекта в объединение (соединения) РКО.

Управление, по существу, функционировало параллельно под контролем заказчика (4-е ГУМО, ГИУ) в тесном взаимодействии со Спецстроем Министерства Обороны.

Высокая ответственность за достоверность выдаваемой на оповещаемые командные пункты информации в условиях постоянного функционирования средств в режиме боевого дежурства, требования постоянной готовности всех средств к немедленному применению обусловили особый ритм, порядок службы, эксплуатации, ремонта вооружения, организации всех видов обеспечения, воспитания личного состава, самостоятельности объектов в условиях большой удаленности от командных пунктов. И во всем этом большая заслуга генерала-полковника Вотинцева. Он этим жил, боролся и уход со службы перенес тяжело, а последующий распад СССР, Вооруженных Сил – очень тяжело, долгое время состоял в рядах Коммунистической Партии Российской Федерации, активно участвовал в ветеранском движении.

Юрий Всеволодович очень любил армейскую службу начиная с внешнего вида, армейских ритуалов, внутреннего порядка, добивался высочайшего профессионализма всего личного состава.

Постоянно руководил им же созданным Учебным Центром (поселок Кубинка), где для войск РКО готовились младшие специалисты, прапорщики, проводилась переподготовка офицеров по новым образцам вооружения, новым

специальностям (особенно, специалистов отделов боевых алгоритмов и программ, ремонтников).

Вспоминаю случай, когда Юрий Всеволодович, при работе на одном из объектов после подведения итогов работы присутствовал на концерте самодеятельности. Одним из основных выступающих был оркестр духовых инструментов, в составе около 30 человек. Оркестр исполнял марши, классическую музыку. Юрий Всеволодович даже прослезился, поблагодарил исполнителей, наградил руководителя и некоторых солистов. Кстати, во всех частях рода войск были внештатные оркестры.

Юрий Всеволодович с большим вниманием и уважением относился к офицерам и всем военнослужащим. Обращение – только по Уставу, спрос – строгий, без личного унижения, мата от него никто не слышал, хотя, я уверен, он его знал. А его знаменитое: «Вас следует расстрелять. И не закапывать», звучало не так уж часто. В обращении собран, точен, сосредоточен на главном, лирические отступления допускались крайне редко. Был очень скромен, не терпел излишеств, подношений. (Зная о реакции Юрия Всеволодовича на попытки вручить, передать где-нибудь на Камчатке сверток с икрой, или рыбой, никто этого и не пытался делать). В то же время, Юрий Всеволодович был азартным человеком, особенно это проявлялось при игре в шахматы, которые он любил (и играл достаточно хорошо) и преферанс, во время длительных перелетов. Личных дач и машины не имел, других любимых занятий, кроме службы, он не знал. Это отмечают и его родственники. Юрий Всеволодович очень любил жену, детей. Заботился и помогал родственникам.

Юрий Всеволодович пользовался большим уважением и доверием руководства Министерства Обороны, Генерального Штаба, войск ПВО, руководства республик Средней Азии, где он служил, генеральных конструкторов, представителей

промышленности, создателей систем вооружения РКО, офицеров и всех военнослужащих рода войск. Воспитал несколько десятков командующих, командиров соединений, сотни командиров частей, тысячи военных инженеров. Является ярким образцом выдающегося военачальника, боевого генерала, организатора, высочайшего профессионала, гражданина, человека высоких моральных и человеческих качеств.

ВОТИНЦЕВЫ – ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

Память... Для кого-то она – бремя. Для меня же, выходца из старого казачьего рода, как и для большинства не забывающих своих корней – путеводная звезда.

В царствовании Александра II часть Донского казачьего войска во главе с атаманом – моим прадедом – была направлена на защиту восточных рубежей империи, на границу с Китаем. Казаками была заложена в 1854 году крепость. Решением императора Николая I она получила название Верный, здесь же было основано 19 станиц. С 1867 года Верный стал административным центром Семиреченской области. Из уст в уста, от поколения к поколению передавались легенды о мужестве, бесстрашии и воинском мастерстве казачества. Мой прадед погиб в одном из боев, порубленный шашками. Его останки были захоронены в казачьей бурке, в крепости Верный.

Председатель Туркестанского ЦИК В.Д. Вотинцев

Сын атамана, мой дед Дмитрий Вотинцев, будучи в чине подполковника, унаследовал атаманскую булаву и возглавил Семиреченское казачье войско. Умер он рано, в 1897 году, оставив четверых детей.

Мой отец, Всеволод Дмитриевич, был определен на учебу за счет государства в Ташкентский кадетский корпус, который в 1911 году закончил по первому разряду

с наградой. В том же году поступил в Петербургский политехнический институт имени Петра Великого и вступил в партию большевиков.

До 1917 года отец активно участвовал в революционной работе в Петрограде. В ноябре по поручению ЦК партии он был направлен в Ташкент для оказания помощи в укреплении Советской власти в Туркестане.

Находившийся в плотном конце фронтов, Туркестан был полностью отрезан от России. Англичане в иранском городе Мешхеде, непосредственно у границ Туркестана, основали Британскую военную миссию. Возглавлял ее опытный разведчик генерал У. Маллесон. Отсюда координировались действия многочисленной агентуры. В Ташкенте появились известные агенты ведущих разведок стран запада: Ф.М. Бэйли, Блэкер, Джунковский, П. Этертов и другие. В конце 1917 года империалисты Антанты и США создали подпольный белогвардейский шпионско-диверсионный центр – «Туркестанскую военную организацию» (ТВО) из бывших офицеров и генералов царской армии.

Наверное, мало кому известно о позорнейшем факте в истории борьбы этих «патриотов за великую и неделимую» – подписании в 1918 году договора, по которому они обязались передать Туркестан под английский протекторат сроком на 55 лет. Взамен, Маллесон обещал контрреволюционерам 100 млн. рублей, 16 горных орудий, 40 пулеметов, 25 тыс. винтовок и соответствующее количество боеприпасов.

Заговорщики вынуждены были торопиться – обстановка на фронтах предвещала неминуемое объединение Туркестана с центральной Россией, все реальнее становилась угроза разоблачения. Белогвардейско-эссеровский мятеж, непосредственными организаторами которого были Ф.М. Бэйли и американский консул в Ташкенте Р. Тредуэлл, начался вечером 18 января 1919 года. Военный комиссар

республики, бывший белый офицер, участник заговора Осипов, якобы для экстренного совещания, вызвал по телефону в расположение 2-го Сибирского полка членов правительства Туркестана и других ответственных советских и партийных работников. Обеспокоенные тревожным положением в городе, не подозревая измены, вместе с отцом представителем ТуркЦИКа к предателю приехали А.Н. Малков – нарком внутренних дел, В.Д. Фигельский – председатель Совнаркома, В.Н. Финкельштейн – первый заместитель председателя Ташкентского совета. Все они и вместе с ними еще семь комиссаров: С.П. Гордеев, Е.П. Дубицкий, М.С. Качуринер, А.Я. Першин, М.Н. Троцкий, А.В. Червяков, Г.И. Лугин, были захвачены заговорщиками и в ту же ночь и зверски убиты.

Многонациональными вооруженными дружинами рабочих и дехкан мятежники были разгромлены.

Памятник 14 туркестанским комиссарам. Ташкент

НА СЛУЖБУ В РККА

Обстановка в Ташкенте оставалась сложной. И после гибели отца, наша семья была вынуждена уехать в Ленинград.

В Ленинграде, вслед за старшим братом Владимиром, я поступил в артиллерийское училище имени Красного Октября.

Так начиналась служба Юрия Всеволодовича Вотинцева – одного из четвертого поколения Вотинцевых по защите Отечества.

...В июне 1938 года нас, около 30 хорошо успевающих курсантов, активных комсомольцев, перевели в Сумское артиллерийское училище. В октябре 1938 года в числе 12 курсантов Ю.В. Вотинцев был досрочно выпущен по 1-му разряду с присвоением звания лейтенанта и назначен командиром взвода в Тбилисское горно-артиллерийское училище.

Юра с мамой Анастасией Александровной и страшим братом Владимиром в музее артиллерийского училища. Ленинград, 1936

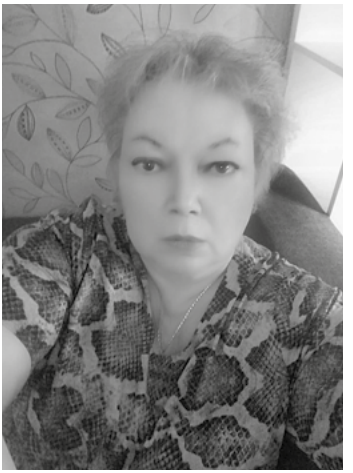
Лейтенант Ю.В. Вотинцев. 1938

Начальник училища полковник Евдокимов был немало удивлен появлением 19-летнего лейтенанта, да еще имеющего всего двухгодичную подготовку. Мне предстояло принять взвод, прибывший из Московского училища имени Верховного Совета РСФСР. Все курсанты до поступления в училище были сверхсрочниками, младшими командирами. Прежним их взводным по училищу в Москве был сын легендарного начдива В.И. Чапаева – Александр.

В Тбилисском училище принципы командирской чести не декларировались. Никто не восклицал «честь имею», но жили и служили так, что никому не давали повода для нареканий. По сей день образцом командира-офицера, военного профессионала, наблюдательного педагога по воспитанию нашего героя повествования остается бывший училищный комбат капитан, а ныне полковник в отставке В.Т. Багдасарян. Близко узнав его, я понял, что на деле означает выражение «военная косточка».

Вспоминает дочь Ю.В. Вотинцева – Марина Юрьевна.

...Мой папа сделал себя сам и всего добился сам. Насколько я знаю, так получилось, что в середине двадцатых годов он, будучи еще совсем маленьким мальчиком, со старшим братом буквально беспризорничал во Владивостоке, потом нашлась их семья в Петрограде, мальчиков привезли домой, а вскоре они были зачислены в военное училище.



В 1940-м году родители познакомились в Тбилиси, поженились и прожили счастливо более 60 лет вместе. Отец не любил вспоминать о войне. Говорил только, что это тяжелейший горький труд. Если и рассказывал, то о людях, с кем его свела судьба на фронте. Так, отцу довелось командовать подразделением, в котором были заключенные из рыбинской пересыльной тюрьмы. Здоровые мужики в возрасте, заслоняя его спиной, говорили: «Вперед не лезь, нам уж все равно, а тебе еще детей растить».

После контузии папа преподавал в военном училище, заболел туберкулезом, и его вновь отправили на фронт, чтобы в тылу не умер с голода, так он и продолжил воевать, имея 12 очагов туберкулеза в легких.

Отец всегда с особой теплотой и любовью вспоминал, какие посылки получал из дома. Конечно, там было все, что мама могла насобирать, но обязательно лежала кружевная салфеточка с вилкой, ножом и, например, букетиком засушенных цветов. Вот эту теплоту и нежность друг к другу родители пронесли через всю свою жизнь.

А затем была Великая Победа, две академии, которые отец закончил с золотой медалью. После первой академии попросился на Дальний Восток, после второй – в Среднюю Азию. Мамочка всегда была рядом.

Вообще я появилась на свет благодаря отцу и живу на этом свете только благодаря ему. Он меня спасал несколько раз. Я ведь поздний ребенок, у мамы было плохо со здоровьем, но отец настоял. Когда я родилась, мама была в очень тяжелом

состоянии. Папа страшно переживал, ему подсказали, что нужное для спасения лекарство можно достать только во Франции. Представьте себе, в отчаянии отец со всеми орденами и медалями напрямую пошел в Посольство Франции в Москве, добился аудиенции у посла и достал этот антибиотик. Можно только догадываться, чего это ему стоило!

Когда мы жили в Ташкенте, у нас на территории воинской части был свой дом на две квартиры. Нашими соседями были замечательные люди, семья Сандригайло, а потом Михайловские. По сути это была мазанка, построенная солдатами, с печным отоплением. За зиму мама кидала в топку тонну угля!

Родители старались никогда никого ничем не обременять. Когда мама лежала в госпитале, отец, занимая очень высокую должность, брал меня с собой на работу, потому что брат учился в университете и дома меня не с кем было оставить. Или забирал в командировку. Например, хорошо помню Мары.

Мы летели из Ташкента на военном самолете, внутри было дико жарко и сильно трясло. Когда самолет сел и открыли люк, я первая рванула к выходу. Выскочила, глотнула раскаленного воздуха и потеряла сознание. А папа в тот раз разбирался с медициной.

Дело в том, что почему-то в Среднюю Азию присылали служить ребят из Сибири. Они плохо переносили жару, никак не могли напиться, и дело заканчивалось водянкой.

Военные врачи приняли решение запретить солдатикам пить воду, им заваривали верблюжью колючку и разливали такой чай по фляжкам. А я во время этого совещания тихо сидела в углу и рисовала цветными карандашами, которыми офицеры пользовались для оформления штабных карт. В другой раз, когда ехали из одного гарнизона в другой, к нам на подножку пристроился маленький варан. Словом, детство у меня было очень необычное и интересное.

Жили мы очень дружно, у нас был большой сад, под виноградником ставились столы, собирались огромные компании, жарили шашлыки и танцевали. Как мои родители любили танцевать! В санаториях призы брали! И все бы хорошо, но в 1966 г. случилось страшное землетрясение. Первый толчок был в половине шестого утра. За несколько минут до него стали жутко выть собаки, но тогда мы еще не знали, что это означает. А потом наш глиняный домик развалился за одну минуту... Папа, как всегда, был в командировке, мой старший брат вынес меня из дома, потом помог выбраться маме. Сначала мы жили во дворе в палатке, но папа вернулся при первой возможности и привез с собой «кунг», куда мы перебрались. Я тяжело заболела, потому что было очень много инфекции. У меня друг за другом были скарлатина, корь, двустороннее воспаление легких, коклюш. Я умирала. Папа добился вызова из Москвы профессора Александровой, замечательного детского врача, которая буквально спасла меня. Она провела у моей кроватки несколько дней, вывела из кризиса. Так что, несмотря на занятость большими государственными делами, отец был всегда рядом. Я точно знала, что в нужную минуту он мне обязательно поможет и словом, и делом.

Отец был абсолютно не приспособлен к домашним делам. Всё всегда делала мама. Папа не знал, что где лежит, что сколько стоит, и его это не волновало. Увидев меня в короткой юбке, мог спросить: «В магазине ткань кончилась или денег не хватило???» Но при этом он мог быстро принять правильное решение. Например, как-то раз отцу пришлось одному остаться дома с маленькой внучкой. Дед заподозрил у Катюши стоматит, схватил ее в охапку, мгновенно выяснил, где у нас поблизости детская стоматологическая клиника, там всех построил и подравнял, выяснил ход лечения, купил лекарство и даже сам обрабатывал малышке ротик, пока я не пришла с работы. Я была просто изумлена.

Отец никогда не читал мне нотаций, никогда не кричал, я не слышала от него никаких грубостей, ни разу в жизни не слышала, чтобы он ругался матом. Но мог словом пригвоздить к стенке, а взглядом убить. Я это понимала и старалась не доводить до греха...

Папа мог в нужную минуту очень спокойно дать правильный совет. Помню, я пришла на свое первое место работы и попала в очень сложный коллектив. Многое мне не нравилось, я кипела праведным гневом, когда приходила домой, эмоционально рассказывала все отцу, а он в ответ говорил только одно: «Ну а ты работай...» Сначала меня это обескураживало, а потом я поняла, сколько сил и нервов трачу понапрасну в течение рабочего дня, а надо просто работать, не обращая внимания на то, что мешает. В результате совет отца мне здорово помог, я не участвовала в борьбе «кланов» и молча делала свое дело.

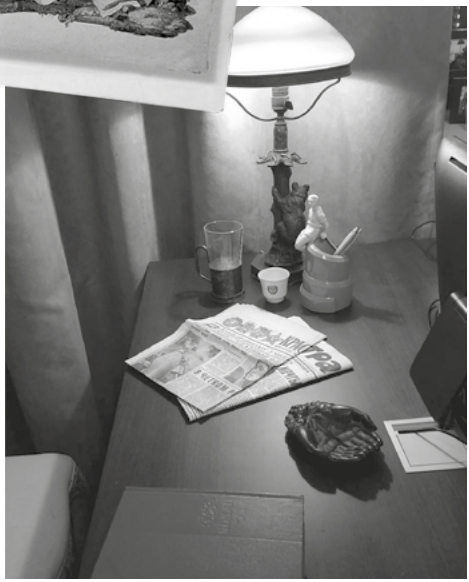
Удивительно было наблюдать за отношениями родителей, очень нежными и даже романтическими. Например, каждый день, собираясь обедать, они ставили на стол приборы, тарелки, клали салфеточки, обязательно цветочек в вазочке. Сев за стол и выпив для аппетита – исключительно из серебряной рюмки, которая принадлежала еще деду, отец включал радио, находил приятную музыку, и они продолжали трапезу. Это было так здорово!

Когда отец еще работал и был дома по выходным, к нам всегда приходили гости. Родители были очень хлебосольными людьми. Было весело и очень сердечно, много шуток, смеха, дым столбом, потому что отец всю жизнь курил одну сигарету за другой, обязательно пели песни, расписывали «пулечку». Еще отец очень любил играть в шахматы, но терпеть не мог проигрывать, бился до конца.

Вообще папа был очень щедрым и добрым человеком. Он мог отдать последнее, никогда не держался ни за какие

Семейная реликвия.
Кресло атамана казачьего отряда Дмитрия Вотинцева, середина XIX века (реставрировано дочерью в 2013 году)

Подстаканник, серебро.
Память об отце Д.В. Вотинцеве.
Ташкент, 1920



Рабочий стол Ю.В. Вотинцева. 2003

материальные блага. Ему не нужны были ни дачи, ни машины, ни квартиры. Отец довольствовался малым и, выйдя в отставку, жил очень скромно. Все накопления сгорели в 90-е годы, но его это не смущало. Мама умела сделать кулинарный шедевр из простой гречневой каши, так что жили мои любимые родители в старом районе, в обыкновенном доме, спокойно и с достоинством.

...С определенного момента отца стал очень волновать вопрос ухода из этой жизни. Он боялся только одного – пережить маму, ибо своего существования без нее просто не представлял. Он так и ушел первым, а мама пережила папу всего на два месяца. Так вот, он заранее позаботился о памятнике, сам его установил и оплатил. Там была уже похоронена бабушка, его мама, и отец предусмотрел место для себя и своей любимой жены. Главное – никого не обременять. Меня просил, чтобы никакого номенклатурного кладбища, никакой суеты. Вот такой он был человек... Вечная память! Я им очень горжусь.

Хочу закончить рассказ о своем отце, Герое Социалистического Труда генерал-полковнике Юрии Всеволодовиче Вотинцеве словами искренней благодарности и признательности Виктору Михайловичу Смирнову, Анатолию Филипповичу Поздееву и многим-многим ветеранам, за добрую память о Папе, как о человеке, руководителе, видном военноначальнике, одного из организаторов создания ракетно-космической обороны страны ■

С июля 1941 года до осени 1942 года – командир батареи во 2-м Пензенском артиллерийско-минометном училище. Четыре года командирского становления в коллективах училищ заложили фундамент командирского профессионализма будущего командующего, помогли на протяжении всей последующей службы ощущать

уверенность в своих силах и возможностях. Успешная работа в училище вознаграждена знаком «Отличник РККА» и орденом «Знак Почета».

Более 20 моих рапортов с просьбой направить на фронт остались без удовлетворения. Ему отвечали: «Вы нужны в училище для подготовки командиров-артиллеристов».

И все же в ноябре 1942 года старший лейтенант Ю.В. Вотинцев получил согласие начальника училища генерал-майора артиллерии С.Н. Капустина на направление в Действующую армию.

Вместе с Ю.В. Вотинцевым такое же согласие получили командиры батарей П.Т. Гитуляр и А.А. Буряков.

Юрий Всеволодович не любил рассказывать подробности об его участии в Великой Отечественной Войне.

Я, генерал-майор А.Ф. Поздеев, как руководитель патриотического клуба «Родина» Московской академии экономики и права пригласил Юрия Всеволодовича на заседание клуба, где он встретился со студентами. Встреча прошла очень интересно. Юрий Всеволодович в своих воспоминаниях привел очень много интересных фактов и примеров из личной военной биографии молодого офицера, командира минометного дивизиона. После очередной встречи я попросил генерал-полковника Ю.В. Вотинцева разрешить студентам, членам клуба, взять интервью, чтобы материалы беседы опубликовать в книге «Победители», в главе «Они защищали Родину». Что и было сделано. Так появились воспоминания Ю.В. Вотинцева о войне.

НА ФРОНТЕ

Суровая фронтовая Москва 1942 г. встретила нас лютой декабрьской стужей. В управлении кадров Московского военного округа все мы трое: Петр Терентьевич Гитуляр, Алексей Андреевич Буряков и я получили назначения на должности командиров дивизионов в 295-й минометный полк, который формировался в Рыбинске.

Размещался полк в бараках, на берегу Волги, оставленных строителями Рыбинского авиационного завода, основное оборудование которого было эвакуировано на восток.

Командир полка подполковник Синицын и заместитель по политической части майор Платонов определили нам дивизионы, исходя, видимо, из возраста: Петру Терентьевичу – 1-й дивизион, Алексею Андреевичу – 2-й, мне, помоложе, – 3-й.

На формирование и сколачивание полка отводилось 1,5 месяца. Помогал опыт, уже приобретенный в училище.

Дивизион состоял из трех батарей, по шесть 120-мм минометов в каждой, взвода разведки и взвода связи. Всего порядка 360 человек и 20 автомашин.

Командиры, сержанты и солдаты, имеющие боевой опыт, прибывали после излечения в госпиталях. Кроме того, получил 130 человек, условно-досрочно освобожденных из Рыбинской тюрьмы, имевших срок наказания 10 и более лет.

Комплектование, сколачивание дивизиона происходило быстро и организованно. Приходилось удивляться четкой работе всех довольствующих инстанций в это трудное военное время. Личный состав, обмундирование, материальная часть, транспорт и другие средства по табелю поступали точно в установленный графиком срок.

К февралю 1943 г. враг был отброшен от Москвы. Победоносный исход Сталинградской битвы внес решающий вклад

в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Мы все отчетливо понимали, что созданы условия для полного и окончательного разгрома врага, в достижение этой цели и нам предстояло вложить свой ратный труд.

Весь личный состав в едином порыве делал все возможное, чтобы приблизить день отправки на фронт.

Забегая вперед, справедливости ради, отмечу, что все бывшие заключенные в период формирования и в боях показали себя дисциплинированными и мужественными воинами. Мои, не скрою, серьезные опасения оказались совершенно беспочвенными. В конце февраля полк погрузился в эшелоны. В путь, на фронт!

При нашем следовании железнодорожные станции Узловую, Елец, Косторную немцы бомбили буквально каждый день. Разрушенные станции, искореженные паровозы и вагоны, сожженные и опустошенные деревни и села, встречные санитарные поезда с ранеными – вот таким был ближайший тыл фронта. Но уже всюду был виден героический труд советских людей. Железнодорожное полотно, мосты восстанавливались в считанные часы. Эшелоны с войсками, техникой, боеприпасами, горючим шли и шли на запад. С задержками, но без потерь дошел наш эшелон до станции выгрузки Старый Оскол.

Марш на 200 км в район Белгорода.

Полк становится армейским минометным полком 71-й гв. СД в составе 21-й армии Воронежского фронта.

21-я армия после окончания Сталинградской битвы была срочно выдвинута в район Белгорода.

4 марта немцы нанесли мощный удар по войскам Воронежского фронта в направлении Харькова и Белгорода. Противник вновь захватил Харьков и прорвался в Белгород.

Гвардейские сталинградские дивизии армии при поддержке авиации к исходу 18 марта упорной обороной

и контратаками остановили продвижение противника. Сорокакилометровая брешь прорыва была накрепко закрыта.

Наш полк развернулся на позициях северо-восточнее Белгорода, на стыке 67-й и 71-й гвардейских стрелковых дивизий. Дальность стрельбы 120-мм минометов составляла 5700 метров, поэтому огневые позиции были выбраны на расстоянии не более двух километров от переднего края.

Дивизионы поддерживали стрелковые батальоны первого эшелона, командиры батарей – роты.

22 апреля 1943 г. за героические подвиги и отличные боевые действия по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом 21-я армия была преобразована в 6-ю гвардейскую армию. Вместе с воинами армии мы гордились этим высоким отличием.

Неустанно шла напряженная работа по дальнейшему сколачиванию дивизиона, теперь уже в боевых условиях. Пристреливались репер[1] и заградительные огни, совершенствовалось управление огнем. На огневых позициях накапливались боеприпасы. Уточнялись и отрабатывались вопросы взаимодействия с пехотой. Выполнялся большой объем инженерных работ по оборудованию, маскировке основных и запасных позиций.

В мае командующий артиллерией армии генерал-майор артиллерии Д.И. Турбин в ближайшем тылу провел сборы с руководящим составом артиллерии. Мне на этих сборах было поручено провести показное занятие по управлению огнем дивизиона с боевой стрельбой. Нужно заметить, что 18 минометов дивизиона давали мощный сосредоточенный огонь и эффективный заградительный огонь на фронте почти в 1000 м.

---

[1] Репер (арт.) – вспомогательная точка, по которой ведется пристрелка орудий с последующим переносом огня для поражения цели.

И.М. Чистяков

Курская битва детально изучена, проанализирована и обобщена в военно-исторических исследованиях, в мемуарной литературе.

Место, роль, героические подвиги воинов 6-й гвардейской армии убедительно раскрыты в книге командующего армией Героя Советского Союза генерал-полковника И.М. Чистякова «Служим Отчизне»[2]. Лучше не скажешь.

У меня же сохранилась в памяти эта гигантская, кровопролитная и победоносная битва в восприятии командира дивизиона.

Мой наблюдательный пункт находился на господствующей высотке неподалеку от деревни Томаровка, за второй траншеей, примерно в 300 метрах от переднего края. В глубокой ячейке стояла стереотруба. Со мной находились разведчики, планшетисты-вычислители, телефонисты и радисты, командир батареи. Всего человек двадцать. Командир стрелкового батальона был рядом и часто пользовался моей стереотрубой. Командиры батарей старший лейтенант Овечкин и старший лейтенант Шевченко поддерживали роты, занимавшие первую и вторую траншеи.

Было известно, что сосредоточивается и развертывается мощная ударная группировка противника с большим количеством новых танков «тигр».

На нашей высоте был создан мощный противотанковый опорный пункт в составе 14 дивизионных, полковых и батальонных пушек калибром 76 и 45 мм, поставленных на прямую наводку, надежно зарытых и тщательно замаскированных.

---

[2] Чистяков И.М. Служим Отчизне. М.: Воениздат, 1975.

Ежедневно ночью непосредственно за передний край высылалось усиленное боевое охранение в составе стрелкового взвода из 1-го батальона 213-го гвардейского стрелкового полка. Взвод размещался в хорошо оборудованной укрытой траншее. В 50 метрах позади нее имелись специально построенная ячейка и небольшой блиндаж. От моего дивизиона каждую ночь в эту ячейку высылался офицер разведки или связи с двумя телефонистами и радистом с радиостанцией. В ночь на 21 мая от дивизиона в состав боевого охранения был выделен начальник связи старший лейтенант Полищук с установленным боевым расчетом. Я, как правило, каждую ночь на своем НП находился у стереотрубы. Около часа ночи сидящий рядом связист докладывает: «Звонит Полищук». Беру трубку и принимаю взволнованный рассказ, что в 200 метрах внезапно появилось человек 30. Все с поднятыми руками и кричащие: «Товарищи русские солдаты! Не стреляйте! Мы все славяне, насильно мобилизованные немцами. Сдаемся в плен».

Командир взвода подпустил их. Они забросали траншею ручными гранатами. Уцелевших схватили и поволокли к себе. Дивизион был немедленно приведен в боевую готовность и 18 минометов открыли мощный огонь по рубежам подвижного заградительного огня, которым они сопровождались до переднего края немцев. Ни один из нападавших до переднего края не дошел. Погибли и наши солдаты, которых волокли в плен. Лишь два раненных подтвердили, что все нападавшие были уничтожены. За это происшествие исполняющий обязанности 213-го гвардейского стрелкового полка майор Тронза был отдан под суд и отправлен в штрафной батальон. Старший лейтенант Полищук за проявленную бдительность был награжден орденом Красной Звезды. Это было первое на моей

памяти серьезное столкновение с власовцами и призванными из Западной Украины ОУНовцами[3].

Днем 4 июля противник силою до батальона при поддержке авиации и артиллерии пытался сбить наше боевое охранение. Массированным прицельным и заградительным огнем вынудили противника отойти на исходное положение. Огонь велся с запасных огневых позиций. Основные – оборудованные в инженерном отношении и замаскированные, не занимались.

Наступают сумерки. В стереотрубу отчетливо вижу густую пыль на дорогах, ведущих к переднему краю противника. Насчитал более ста танков, машин. В лучах заходящего солнца поблескивают стекла автобусов.

Доложил командиру полка.

Через некоторое время меня к телефону вызывает командир 71-й гвардейской стрелковой дивизии полковник И.П. Сиваков[4]:

– Что наблюдаете?

– Танки и пехота противника выдвигаются к переднему краю!

– Наблюдаете лично?

– Так точно!

Спустя минут 30 то же самое докладываю командиру 22-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору Н.Б. Ибянскому.

Только позже стало понятно, как тщательно собирались и обобщались разведывательные данные для принятия

---

[3] ОУН – «Организация украинских националистов» тесно сотрудничала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с фашистской Германией.

[4] На следующий день за героическую стойкость дивизии И.П. Сиваков получит генеральское звание.

ответственного решения: проводить или не проводить ранее спланированную артиллерийскую контрподготовку по районам сосредоточения и развертывания ударной группировки противника.

В 3 часа 30 минут по команде командира полка залпом дивизион открыл огонь по назначенным участкам. В течение 1 часа 30 минут беглый огонь чередовался с методическим обстрелом. Огонь велся уже с основных огневых позиций, на которые батареи переместились с наступлением темноты. Из пяти накопленных боекомплектов мин было израсходовано два.

5 июля в шесть часов утра противник начал артиллерийскую подготовку. По нашей высоте било несколько батарей. В промежутках между разрывами слышался характерный отвратительный скрип шестиствольных немецких минометов.

Около 30 самолетов образовали круг и поочередно пикировали на высоту, которая заволоклась облаком пыли от разрывов бомб, снарядов и мин.

Разворачиваю стереотрубу. Идущими на нас и левее на 67-ю гвардейскую стрелковую дивизию насчитал более 400 танков, впереди «тигры» и «пантеры». Несколько плотных цепей пехоты.

Связь с командирами батарей часто прерывается. Телефонисты с аппаратами и катушками кабеля, не ожидая приказа, бегут по траншеям восстанавливать линии связи. Сложнее с восстановлением связи между наблюдательными пунктами батарей и огневыми позициями. Там есть и очень опасные в этих условиях открытые участки местности.

Казалось бы, все перепахано. Однако потери не велики. Вот они результаты титанической работы по отрывке сплошных траншей, ходов сообщения и оборудованию укрытий.

Танки подходят к переднему краю обороны, подрываются на минах, расстреливаются в упор. Горят, горят фашистские

танки багряным вонючим пламенем. Взрыв боезапаса в танке, и башня медленно валится в сторону.

Перед передним краем батальона непрерывно ставлю «неподвижный заградительный огонь».

«Тигры» и «пантеры» левее высоты прорываются в глубь обороны. Там в глубине на прямой наводке 100-мм пушки и даже 152-мм гаубицы-пушки. Снаряды этих орудий их уничтожают.

Высота наша. Снова артиллерийский налег, бомбежка, атака. Сталинградская пехота дерется героически. Стоят насмерть.

Досаждает нам наш же эрэсовский дивизион «катюш» М-8. Восемь боевых машин этого дивизиона в течение дня несколько раз выскакивали на высоту. Мгновенно устанавливается буссоль, строится веер и залп прямой наводкой. Дивизион сворачивался и исчезал. Все это происходило в течение нескольких минут. Дивизиона уже нет, а немцы 15 минут гвоздят по высоте из всех калибров.

Каждый воюет по-своему, а нам-то высоту держать.

Наступила ночь. Вывозим раненных, хороним убитых, подсчитываем потери. Тяжело. Большая убыль среди связистов. Бывшие заключенные из минометных расчетов добровольно занимают места выбывших из строя.

Восстанавливаем траншеи. Саперы густо ставят мины.

6 июля, рассвет. Яростный грохот боя левее в глубине нашей обороны на участке 67-й гвардейской стрелковой дивизии. Там два наших дивизиона. Петр Терентьевич и Алексей Андреевич, держитесь! Ночью с ними удалось переговорить по телефону, настроение боевое. Держим настоящий боевой экзамен.

Командир полка доволен. Пехота благодарит за эффективную поддержку.

Снова артиллерийская подготовка, непрерывная бомбежка, в который раз? Нашей авиации еще в воздухе мало, где же она?

Во второй половине дня противнику удалось ворваться в первую траншею. С командиром батальона капитаном Меркуловым собираем всех живых. У меня немецкий автомат и 16-зарядный парабеллум, две гранаты Ф-1. По ходам сообщения врываемся в первую траншею. Вот этот жестокий бой в траншее глубиной два метра, когда не знаешь, что тебя ждет за каждым ее изгибом. Сперва гранату, потом сам вперед – такое мне пришлось испытать впервые.

Первая траншея полуразрушена, завалена трупами. Решили оставшиеся силы сосредоточить для обороны 2 и 3 траншей.

Разъяренные немцы молотят по первой траншее, пусть бьют. Нас там нет.

В ночь на 7 июля получили приказ отойти на вторую полосу обороны. Батареи меняют боевой порядок. Нам нужно пройти около шести километров. Сильно поредевшие роты начали отход. Уходим последними, по лощине, через свое минное поле, с которого по пути снимаем флажки обозначения. С обеих сторон трассирующими пулями бьют немецкие крупнокалиберные пулеметы.

По приказу командира полка 1-й и 2-й дивизионы, отошедшие раньше, окаймляют нас огнем. Полегчало. Несем на себе убитых и раненных.

В последующие шесть дней продолжались ожесточенные оборонительные бои. 71-я гвардейская стрелковая дивизия удерживала с запада рубеж и не допускала расширения участка прорыва главной ударной группировки противника, нацеленной на Прохоровку.

12 июля в 8 часов после 30-минутной артиллерийской и авиационной подготовки наши войска нанесли мощный контрудар. Дивизион надежно подавил выявленные цели и массированным огнем прокладывал путь стрелковому батальону, численность которого не превышала полнокровной роты. Но мы наступали, продвигались, и каждый

дрался за троих. Сильными контратаками противник нас остановил, вынудил снова перейти к обороне, но мы сковали противника и лишили его маневра частью сил на направлении главного удара.

18 июля противник начал отход. Прямо перед нами по дорогам шли сплошные колонны танков, пехоты и артиллерии. К этому времени наша авиация уже господствовала в воздухе. Над колоннами одна за другой проносились восьмерки штурмовиков, истребляя врага.

Свое слово сказала и артиллерия.

Сбивая арьергарды, мы гнали противника на юг.

Сотни сожженных и подбитых танков, машин и орудий, тысячи трупов остались на участке вклинения немцев. Какое иное может быть счастье для солдата, чем решающая победа в тяжелейшем бою.

23 июля я вернулся на свой наблюдательный пункт на той самой высоте, которую мы стойко обороняли двое суток и на которой остались лежать многие товарищи. Обошел все отмеченные могилы и низко поклонился.

Пишу о Курской битве подробно, потому что она имела огромное политическое и военное значение: потерпело крах летнее наступление немцев в 1943 г. Для меня же это было первым, по-настоящему серьезным испытанием на войне.

Сохранилось в памяти 27 июля. В 30 метрах от наблюдательного пункта, за поворотом хода сообщения – небольшая землянка (2х3 метра), перекрытая бревенчатым накатом, присыпанным сверху землей. На лавочках из земли сидят: начальник штаба дивизиона бородатый моряк капитан-лейтенант Поминов, начальник связи старший лейтенант Полищук, командиры батарей. Все с моей карты переносят цели и участки поражения, назначенные на период артиллерийской подготовки и поддержки атаки батальона и танковой роты. Готовимся к переходу в наступление и прорыву обороны немцев.

Противник ведет по высоте беспокоящий огонь.

От близких разрывов на раскрытые карты сыплется земля.

Обрываю себя на полуслове:

– Товарищи, сложить карты. Пройдемте к стереотрубе, покажу каждому репера и цели на местности! – выхожу по ходу сообщения первым.

– Не задерживайтесь!

Несильный, глухой разрыв 81-мм мины. По ходу сообщения потянуло вонючим немецким меленитом. Сердце сжалось. Бросился в землянку. Накат разбросан, прямое попадание. Командир 7-й батареи лейтенант Овечкин исполосован осколками. Руки продолжают сжимать планшетку, которую он застегивал.

Так погиб мой друг Овечкин. Воспитывался он в детдоме, на войну пришел добровольцем, после ранения окончил фронтовые курсы младших лейтенантов, был награжден медалью «За отвагу», которой так гордились солдаты. Александра отличала настоящая человеческая надежность, выдержка и хладнокровие, непоказное мужество, непреклонная воля. Его любили настоящей солдатской любовью. Будучи одиноким, Александр завещал свою сберегательную книжку полевого банка командиру 8-й батареи старшему лейтенанту И. Шевченко, у которого в Сибири осталась большая семья. Так не стало лучшего комбата, орден Красной Звезды за мужество, проявленное в предыдущих боях, его уже не нашел.

Через несколько дней, по тяжелому ранению выбыл из дивизиона и И. Шевченко.

Задержись мы еще на 2–3 минуты в землянке, не было бы в живых всех.

Каждому из нас, постоянно находившимся на переднем крае, наверное, не было чуждо чувство страха и самосохранения. Но нужно было уметь это чувство в себе подавлять и ни в чем не проявлять.

Малейшее проявление командиром трусости влекло за собой потерю авторитета и доверия подчиненных.

Для командира-коммуниста быть впереди, быть на самом опасном участке боя, делить все тяготы поровну с солдатами являлось непреложным правилом войны. Закон этот был неумолим для тех, кто дорожил своей честью и совестью.

2 августа мы перешли в решительное наступление. Накануне в батареях прошли открытые партийные собрания. Поредевшие парторганизации пополнялись воинами, отличившимися в оборонительных боях.

Артиллерийская подготовка 2 часа 45 минут. На каждый километр фронта прорыва – 230 стволов.

Едва поспеваем перемещать боевой порядок за рвущимися вперед танками и пехотой.

С чувством небывалой гордости воочию видим результаты своей работы, правда, всего из почти 100 дивизионов, сосредоточенных на участке прорыва армии. Траншеи противника разрушены и завалены трупами немцев, ДЗОТы и ДОТы разбиты, на огневых позициях – поврежденные и брошенные орудия.

Мы с 5 июля стояли насмерть, ни шагу назад.

Долговременная оборона немцев прорвана в первые часы наступления.

В прорыв устремляются танки, на броне слова – «За освобождение Украины!».

В дальнейшем, после прорыва обороны немцев, нам довелось встретиться в Томаровке с усиленным полком власовцев[5]. В течение 3 дней за Томаровку пришлось вести тяжелейшие бои, преодолевая их ожесточенное сопротивление.

---

[5] Власовцы – представители Русской освободительной армии (РОА), сформированной германским командованием из числа советских военнопленных. В 1944-1945 гг. руководителем РОА являлся бывший генерал А.А. Власов, добровольно согласившийся сотрудничать с руководством вермахта.

Наш путь: Томаровка, Казачья Лопань, Золочев, Богодухов. Отражаем яростные контратаки немцев.

Какое же это счастье – видеть ликование, радость и слезы советских людей, вызволенных из фашистской оккупации.

В эти дни я был назначен начальником штаба полка вместо тяжело раненого капитана А. Барышникова.

Ох, как это трудно, сдавать дивизион, который сформировал и с которым выдержал нелегкие испытания. Попрощался с каждым солдатом, сержантом и офицером. Счастлив тем, что бывшие заключенные, оставшиеся в строю, все награждены орденами и медалями, судимостей за ними больше нет, это они заслужили своей кровью, своим мужеством, верностью солдатскому долгу.

Солдаты, которые меня, 23-летнего, между собой называли «батя», крепко пожимая руку, непременно вспоминали что-то хорошее, доброе, хотя спрос с них был строгий. Мы говорили о том, что именно в бою крепнет и испытывается на прочность войсковое товарищество многонационального коллектива дивизиона.

Из района Полтавы 6-я гвардейская армия была отведена в Белгород и безостановочными эшелонами оперативно переброшена на Калининский фронт.

Опыт Курской битвы стал прочным фундаментом становления командира в боевой обстановке.

Урок первый – не допустить ошибки в подборе командиров основных подразделений. Командир готовится для боя и проверяется в бою. Некоторые командиры, как старший лейтенант Н. Максимов, неплохо проявили себя во время формирования дивизиона, были деятельными и энергичными, а в бою трусили, прятались за спину подчиненных. Значит, в мирных условиях, на учениях и в практике работы командира нужно ставить в такие экстремальные условия, которые бы позволили объективно его оценить и твердо знать,

на что он способен. Внешний марафет, которым в совершенстве овладели некоторые командиры и начальники, не должен заслонить сути – способности выполнить боевую задачу в любых условиях обстановки.

Урок второй – война – это постоянная полевая выучка, при максимальных психологической и физической нагрузках. Пренебрегать полевой выучкой теперь, независимо от степени технического оснащения, не создавать максимальные психологические и физические нагрузки, это значит учить войска не тому, что нужно на войне.

Урок третий – целенаправленная организаторская и политическая работа командиров и политработников, боевитость первичных партийных организаций. Способность выделить главное из совокупности решаемых задач и на этом главном сосредоточить усилия, мобилизовать личный состав. Сила личного примера и примерности во всем. Не довольствоваться внешними, поверхностными наблюдениями, объективность в оценке достигнутого исходя из требуемого конечного результата.

Урок четвертый – детальное знание боевой задачи. Сложившаяся обстановка – возможности противника в сопоставлении со своими боевыми возможностями. Как в этих условиях наиболее эффективно выполнить боевую задачу. Способы внезапного и неожиданного для противника применения своих сил и средств. Навязать волю противнику, не дать ему возможности выполнить свой план.

Урок пятый – обеспечение непрерывного, гибкого управления и взаимодействия при детальной и практической отработке.

Урок шестой – овладение боевой техникой и знание ее боевых возможностей. Способность в любых условиях обстановки использовать технику с полной реализацией боевых возможностей.

Урок седьмой – не щадить сил, не жалеть времени для инженерного оборудования и маскировки боевого порядка.

Урок восьмой – высокая требовательность, суровая и справедливая. Внимание и забота, доброе отношение к солдату. В любых условиях обстановки.

Война все еще продолжалась.

Полк выгружался на станции Жукопа, неподалеку от Торопца. После украинских равнин типичная лесисто-болотистая местность. Стрелковые дивизии разместились в лесах, пополнялись и занимались боевой подготовкой.

Полк маршем, по дорогам из жердевого настила был выведен в район Невеля в полосу 3-й ударной армии. Вел ожесточенный бой за Новосокольники. На Калининском, 2-м и 1-м Прибалтийских фронтах нас ждали новые сражения и бои за освобождение Белоруссии и Советской Прибалтики в чрезвычайно своеобразных условиях лесисто-болотистой местности. Новосокольники, Витебск, Полоцк, Даугавпилс, Мажейкяй, Вайноде. Этот путь был мною пройден, теперь уже гвардии майором, в должностях заместителя командира 151-го гвардейского артиллерийского полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии, начальника штаба артиллерии и исполняющего обязанности командующего артиллерией 90-й гвардейской стрелковой дивизии. Осенью 1943 г. и весь 1944 г., взламывая оборону противника, отражая контрудары и контратаки, мы настойчиво продвигались вперед, освобождая советскую землю от фашистской нечисти.

Запечатлелись в памяти два месяца пребывания в должности заместителя командира 151-го гвардейского артиллерийского полка. Командир 71-й гвардейской стрелковой дивизии, генерал-майор И.П. Сиваков, еще с организации под Курском первых противотанковых опорных пунктов установил такой порядок, при котором заместитель командира артиллерийского полка являлся начальником и ответственным

за противотанковую оборону, он подчинялся командующему артиллерией дивизии – полковнику Селезневу. Заместители командиров полков в строю держались недолго, я был очередным.

В дивизии, в составе противотанковых опорных пунктов и в подвижном противотанковом резерве постоянно было 50-60 дивизионных, полковых и батальонных пушек, которые сосредоточивались на танкоопасных направлениях и образовывали надежную систему огня. Так вот, в обороне каждой пушке нужно было выбрать позицию, поставить ее и определить задачу в общей системе противотанкового огня, а в наступлении – рубежи развертывания.

Немцы постоянно контратаковали на участке дивизии небольшими группами тяжелых танков – «тиграми», пытаясь уложить пехоту на переднем крае. Нередко за одни сутки боев отражалось несколько контратак. Считал своей обязанностью быть на месте у орудийной панорамы, показывал, как нужно бить танки. Непрестанные перемещения под огнем, где бегом, где ползком, скажем прямо, не лучшая жизнь на фронте.

В это время сопоставлял себя с командирами стрелковых рот. Как правило, лейтенанты, реже старшие лейтенанты с ускоренным военным образованием, сколько их знакомых стоит перед глазами.

С автоматами, пистолетом, гранатами и армейским ножом они олицетворяли нашу героическую советскую пехоту, которой нет равной в мире. В обороне они были сравнительно долго. В наступлении значительная часть их выбывала из строя в первой же атаке. Вот такие они были, известные и безвестные герои войны, которые первыми делали шаг вперед, увлекая за собой воинов.

В июне 1944 г. был ранен и выбыл из строя командующий артиллерией 90-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Селянинов, опытный артиллерист, человек осторожный, пытавшийся в меру возможного избежать пребывания

на наблюдательном пункте командира дивизии, который от назойливых звонков из штаба 22-го гвардейского стрелкового корпуса уходил в полки, в гущу боя. Как правило, вместе с командиром дивизии приходилось быть мне – начальнику штаба артиллерии дивизии. Так мне и пришлось в дальнейшем исполнять должность командующего артиллерией дивизии.

Запомнились тщательная подготовка и детальное планирование артиллерийского наступления в операции 1-го Прибалтийского фронта, которая началась 22 июня 1944 г. 90-я гвардейская стрелковая дивизия прорывала сильно укрепленную оборону немцев севернее Витебска, на фронте 1800 м. Плотность составляла более 200 орудий и минометов на один километр фронта.

Не исключалась возможность преднамеренного оставления противником первой позиции и даже всей главной полосы обороны с тем, чтобы вывести войска из-под сокрушительного удара нашей артиллерии и авиации.

В ходе артиллерийской и авиационной подготовки, а это было предусмотрено планом, вперед рванулись усиленные передовые батальоны. Огонь перенесли в глубину обороны противника. Передовые батальоны ворвались в первую траншею, с ходу захватили первую позицию. В бой вступили стрелковые полки первого эшелона, вводится стрелковый полк второго эшелона. К исходу дня главная полоса обороны противника была прорвана.

Наступление развивалось. Форсирована Западная Двина. Впереди Полоцк.

90-я гвардейская стрелковая дивизия получила почетное наименование «Витебская».

К концу июня дивизия, ломая сопротивление немцев, вышла на западную окраину Полоцка. Попытки передовых подразделений с ходу ворваться в город успеха не имели. Перед нами

был оставленный нашими войсками в 1941 г. Полоцкий укрепленный район, который немцы усилили и подготовили к обороне: развитая система бетонированных траншей, ДОТы, закопанные танки. Перед передним краем противника проволочные заграждения и сплошные минные поля.

Н.М. Хлебников

Вот как командующий артиллерией 1-го Прибалтийского фронта генерал-полковник артиллерии Николай Михайлович Хлебников описывает этот эпизод:

«В центре расположения войск 22-го гвардейского стрелкового корпуса, нацеленного на Полоцк с запада, находилась 90-я гвардейская стрелковая дивизия. Сюда, к участку прорыва, стягивались артиллерийские соединения и части РВГК, в том числе 64-я тяжелая пушечная бригада полковника А.В. Чапаева.

29 июня я приехал в 90-ю дивизию, прошел на наблюдательный пункт командующего артиллерией дивизии майора Ю.В. Вотинцева. Выяснилось, что данными о долговременных сооружениях противника, о системе его огня штаб располагает весьма скудными. Между тем тяжелая артиллерия уже на подходе, ее нужно обеспечить достаточно полной информацией о противнике. Иначе не уложимся в срок, предоставленный нам для подготовки артнаступления.

Майор Вотинцев сделал все, чтобы исправить положение. За двое суток он проделал большую работу по разведке целей. Оборона противника была вскрыта»[6].

---

[6] Н.М. Хлебников. Под грохот сотен батарей. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974.

Да, действительно, когда Н.М. Хлебников прибыл на мой наблюдательный пункт, на участке дивизии велась разведка боем. В полосе 3 километра было развернуто около 100 артиллерийских наблюдательных пунктов, в том числе и на деревьях, с каждого из которых, в узкой полосе, круглосуточно велась разведка. Мой передовой наблюдательный пункт был также на высоком дереве.

На прямую наводку были выведены все пушечные батареи 193-го гвардейского артиллерийского полка и 95-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион дивизии с задачей вскрытия ДОТов прямыми попаданиями.

Я, получив распоряжение Хлебникова усилить разведку, вынужден был ему доложить, что ведь Полоцкий укрепрайон – это самое мощное оборонительное сооружение Советского Союза на границе с Польшей. Генштаб и штаб фронта должны были располагать полной информацией об этом укрепрайоне. Но таких документов дивизия не получила. А к Полоцку, после штурма Витебска, артиллерия располагает всего одной четвертью боевого комплекта. Нам удалось перед фронтом дивизии вскрыть несколько ДОТов. Командующий артиллерией на это мне ответил: «Документов по этому УРУ у нас нет. Ваш 22-й гвардейский СК для штурма Полоцка выведен в подчинение фронта. На КП фронта у генерала Ибянского находится Командующий фронтом И.Х. Баграмян. «Я прошу Вас за нынешнюю ночь вывести на прямую наводку сколько возможно орудий и завтра с утра продолжить выполнение задачи по вскрытию ДОТов. И чтобы это увидел тов. Баграмян».

За ночь я вывел на прямую наводку двенадцать 76-мм пушек 95 гв. оиптд, и по отдельным сооружениям на переднем крае противника, в которых предполагалось укрытие ДОТов, был открыт огонь. Сперва осколочно-фугасными гранатами, а по мере разрушения сооружений типа небольшого

дома с глиняной обмазкой, в четырех из которых предположительно находились ДОТы, стрельба была продолжена бронебойными снарядами. При прямом попадании снаряда в сооружение отчетливо наблюдался сноп искр и рикошет снаряда.

Хлебников и Багромян, насколько я понял, были полностью удовлетворены. Последовало решение о переподчинении двух бригад артиллерийского полка. А на следующую ночь автомобильным полком фронтового подчинения, «студебекерами», непосредственно на основную позицию каждой батареи было завезено по два боекомплекта снарядов и мин.

Все добытые разведданные тщательно анализировались и перепроверялись. К исходу 2 июля мы располагали полными и достоверными данными о системе инженерных сооружений и организации системы огня у противника.

Н.М. Хлебников оперативно подчинил дивизии две артиллерийские бригады и минометный полк РВГК[7].

Штаб артиллерии дивизии во главе с капитаном Самойловым в сжатые сроки спланировал артиллерийское наступление, обеспечил прием и скрытый вывод на огневые позиции поддерживающей артиллерии.

В числе прибывших за получением задачи артиллерийских командиров РВГК был и полковник А.В. Чапаев, с которым мы вспомнили его бывших курсантов «Вциковцев», которых мне пришлось выпускать уже в Тбилисском горно-артиллерийском училище.

Часть 152-мм гаубиц-пушек 64-й тяжелой гаубичной бригады А.В. Чапаева были поставлены на прямую наводку для разрушения ДОТов.

Разрушение долговременных сооружений мы вели 1 и 2 июля.

---

[7] РВГК – Резерв Верховного Главного Командования.

3 июля, после короткой, но мощной артиллерийской подготовки начался штурм Полоцкого укрепленного района. 4 июля Полоцк был взят. Впереди Даугавпилс.

В конце июля – неожиданный вызов к Командующему артиллерией 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанту артиллерии Г.А. Макарову.

Приехал в штаб армии, регулировщик, проверив документы, показал его блиндаж.

В блиндаже небольшие оконца у земли, темновато. Г.А. Макаров, который меня хорошо знал, сидит за столом, спиной ко мне кто-то еще.

– Товарищ командующий! Командующий артиллерией 90-й гвардейской стрелковой дивизии по вашему приказанию прибыл!

Г.А. Макаров встал, вышел навстречу, подал руку, обнял и подвел к столу:

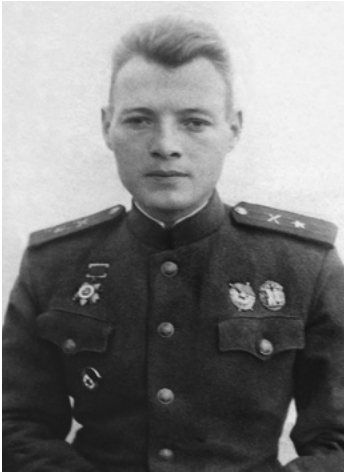
– Юрий Всеволодович! Принимайте брата. Пусть еще повоюет с вами. Искренне рад вашей встрече! – Из-за стола поднялся Владимир, брат, живой, в новеньком обмундировании и с лейтенантскими погонами на плечах.

Обнялись и оба всплакнули. Г.А. Макаров тактично отвернулся.

– По такому случаю за встречу можно и по фронтовых сто грамм! – Бутылка водки и бутерброды стояли на соседнем столике, накрытые салфеткой.

– С назначением Владимира подумайте и учтите, что он кадровый артиллерист и, наверное, еще не все успел забыть. Кстати, Николай Михайлович Хлебников остался доволен артиллерией дивизии. Главное – выбивать немецкие танки, расчищать путь пехоте и беречь пехоту. Надеюсь, еще встретимся!

Возвращаемся в дивизию. Счастье безмерное, рядом брат, ушедший в себя, напряжен, сосредоточен, внешнее проявление родственных чувств ему не присуще. Три долгие года



Майор Ю.В. Вотинцев. 1944

войны мы ничего не знали друг о друге. Не знал он еще и о своей жене Галине Михайловне, которая успела с границы эвакуироваться на восток, разыскала мою семью и получает от меня деньги по аттестату.

Глухим голосом брат поведал. Первые дни в начале войны держали государственную границу западнее Дрогобыча. Батарея, которой командовал Владимир, в боях с танками потеряла материальную часть. Выход из окружения, плен. Бегство из Уманской Ямы. Попытка выйти на восток, к своим, не удалась. Подпольная работа в Винницкой области. После освобождения Винницы, проверка в специальном лагере. Вызвали в Москву. В управлении кадров артиллерии восстановили довоенное звание лейтенанта. Был принят Н.Н. Вороновым, который распорядился отправить к младшему брату в 90-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В дивизии с Владимиром долго беседовал ее командир:

– В 193-м гвардейском артиллерийском полку вакантная должность командира дивизиона, назначайте, пусть вас догоняет!

– Благодарю, попробуем!

Владимир артиллерию не забыл, стрельбу знал великолепно, проявлял большое мужество. За успешное командование полковой артиллерийской группой в боях за Даугавпилс был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Вскоре был ранен у меня на глазах пулей в шею.

После излечения в медсанбате Владимир настойчиво просил в дивизион его не возвращать. Как-никак, только «лейтенант», был в плену и на оккупированной немцами территории. Офицеры в дивизионе, старшие по званию на него косились. Речи о моем каком-то протекционизме быть не могло. Несмотря на то, что командир дивизии не видел оснований для изменения служебного назначения брата, решил назначить его на самую «горячую» должность командира батареи в 95-й гвардейский отдельный противотанковый дивизион нашей дивизии.

С этой батареей Владимир достойно прошел боевой путь до конца войны.

Вот так встретились братья в горниле войны.

В 1944 г. уже в районе Вайнода, я получил тяжелую контузию и после излечения был назначен командиром дивизиона курсантов во 2-е Пензенское артиллерийско-минометное училище.

Воспоминания всколыхнули былое с калейдоскопической быстротой. Как-никак, испытание боем я выдержал. Свидетельством тому ордена: Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени.

После окончания войны я был принят сразу на второй курс Военной академии имени М.В. Фрунзе, которую закончил в 1947 году. Имея право выбора места службы, уехал на Дальний Восток, где к этому времени складывалась сложная военно-политическая обстановка у нашего соседа на Корейском полуострове.

ВОЙНА В КОРЕЕ

Дальний Восток. Приморский военный округ. Шесть лет службы в «краю нашенском» до сих пор вспоминаю с большой теплотой. Даже несмотря на то, что их нельзя назвать мирными. Начиная с 1950 года на протяжении трех лет в соседней Корее гремела война.

22 июня 1950 года, именно в день годовщины начала Великой Отечественной войны, Командующий войсками округа генерал-полковник С.С. Бирюзов вызвал к себе начальника оперативного управления генерал-майора В.В. Турантаева и меня, в то время исполняющим обязанности начальника штаба артиллерией округа. Предупредив об особой важности и секретности разговора, Бирюзов заметил, что нам доверяет, и расписки о неразглашении тайны не требует.

Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов

Командующий приказал немедленно выехать на аэродром Воздвиженка, откуда на самолете Ли-2 лететь вдвоем в Пхеньян в ставку Ким Ир Сена. Надо было встретится с бывшим начальником политуправления округа, а ныне нашим послом в Корее Т.Ф. Штыковым, разобраться в обстановке, узнать его мнение и, если произойдут серьезные события, передать исчерпывающую информацию о них и прогноз на ближайшие дни.

Машина у подъезда, аэропорт, самолет на старте, перелет через

границу, переодевание, посадка в Пхеньяне уже в штатском на грунтовой полосе корейско-советской авиационной компании. Обратили на себя внимание ухоженность, уют аэродрома, превосходные коттеджи, в которых жили наши и корейские летчики и обслуживающий персонал.

Ставка Ким Ир Сена располагалась сравнительно недалеко от Пхеньяна. Из беседы со Штыковым выяснилось, что войска КНДР приведены в полную боевую готовность и выдвинуты к 38-й параллели. Наши советники из батальонов, полков и дивизий отозваны и отправляются на родину. План вторжения в Южную Корею детально разработан, и осуществление его в ближайшие дни сомнений не вызывает. Штыков был утомлен, встревожен и отнюдь не выглядел хозяином в этой стране, как утверждала молва. Обо всем Турантаев немедленно доложил Бирюзову.

Как очевидец, беру на себя смелость сказать, что военные провокации, причем весьма крупные, со стороны южнокорейской армии имели место. Но 25 июня 1950 года, по-видимому, с благословения И.В. Сталина в Южную Корею было осуществлено вторжение, подготовленное к проведению наступательной операцией армии КНДР.

Вечером 25 июня, когда мы с Турантаевым выехали в Пхеньян, все население города, мужчины и женщины в белых одеждах ликовали на улицах. Был произведен фейерверк. Патриотический угар определялся быстрым и успешным продвижением войск и ожиданием близкого объединения Кореи во главе с национальным вождем Ким Ир Сеном.

28 июня Сеул был взят. И войска, преследуя противника, быстро продвигалась к Тэчжону. Мы с Турантаевым проехали по пути отступления южнокорейских и американских войск. Видели, как они бросали вооружение, с боем брали автомобили и откатывались к порту Пусан. Стремясь спасти южнокорейские войска и американские части, находящиеся в Южной

Корее, еще 27 июня президент Г. Трумэн отдал приказ о широкомасштабном вторжении туда своих войск. Начались массированные, беспощадные бомбардировки северокорейских городов с воздуха и корабельной артиллерии 7-го флота США.

Когда спустя несколько дней мы вылетали из Кореи, то проезжали уже по разрушенному и горящему Пхеньяну. На аэродроме, где стоял наш чудом уцелевший самолет, большинство коттеджей были сожжены, многие из обслуживающего персонала погибли. Взлетали мы сразу после очередной бомбежки, как только были засыпаны воронки на взлетной полосе.

27 июля 1953 года после трех лет изнурительной и опустошительной войны было заключено Соглашение о прекращении огня, которое и до настоящего времени остается полумерой в решении проблемы объединения корейского народа.

В мае 1953 года Управление Приморского военного округа расформировывается. Ставка Главкома Дальнего Востока преобразуется в Дальневосточный военный округ. Командующим назначается Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский.

Встал вопрос как обобщить опыт войны в Корее?

По артиллерии было принято решение подготовить и провести на Сергеевском полигоне крупнейшее учение. Тема – ночная артиллерийская подготовка без пристрелки на полной топооснове. Это учение поручили подготовить Командующему артиллерией округа и Ю.В. Вотинцеву – начальнику оперативного отдела штаба артиллерии Приморского военного округа.

По опыту США был создан мощный оборонительный район усиленного пехотного полка. Со стороны войск Приморского округа было сосредоточено более тысячи

орудий и минометов. По итогам учения расход составил более 100 тысяч снарядов и мин, благо они были изготовлены в военное время и имели ограниченный срок хранения. Было поражено более 45% мишеней. Докладывал маршалу Малиновскому и представителям Генштаба полковник Вотинцев, который считался наиболее подготовленным артиллеристом в округе. Вскоре после этого события он был назначен на должность командующего артиллерией 2-ой танковой дивизии в Камне-Рыболове. В ноябре этого же года – инспекторская проверка дивизии и опять встреча с маршалом Малиновским, который приказал всю артиллерию дивизии вывести в лагерь, около озера Ханка – на полигон. Стрельба день и ночь. Артиллерия дивизии получила оценку – отлично.

По результатам успешной работы в округе Ю.В. Вотинцев был направлен на учебу в академию Генерального штаба. Так завершилась его шестилетняя служба на Дальнем Востоке.

Приморский военный округ. Ноябрь 1952 г.
В первом ряду в центре – генерал-полковник С.С. Бирюзов,
крайний справа – полковник Ю.В. Вотинцев

В ВОЙСКАХ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ

В ноябре 1955 года, после окончания академии Генерального штаба, я был назначен на должность заместителя командующего отдельной зенитной ракетной армии по боевой подготовке – начальником отдела боевой подготовки. В задачу армии особого назначения входила противовоздушная оборона Москвы.

Командующий армией генерал-лейтенант артиллерии К.П. Казаков, памятуя о совместной службе на Дальнем Востоке, в первой же беседе откровенно сказал, что и для него войска ПВО – дело новое и поэтому вместе придется осваивать поступающую в армию технику и вооружение. Главным в моей предстоящей работе он определил форсированными темпами подготовить личный состав частей, ранее выполняющих монтажно-строительные работы, к выполнению боевой задачи.

И.В. Сталин

Из бесед с конструкторами и старожилами удалось достоверно установить, что инициатором создания мощной и надежной ПВО Москвы был И.В. Сталин. Воспоминания о 1941 годе, видимо, не давали ему покоя до последних дней. Проиграв политическому противнику лишь однажды, он не верил в прочность какого бы то ни было альянса с союзниками по Второй мировой войне. Не верил договорам и соглашениям, которые

подписывал. К счастью, в данном случае его подозрительность обернулась прозорливостью.

Еще дымилась в руинах Европа 1945 года, когда английский премьер У. Черчилль во время знаменитой речи в американском городе Фултоне объявил «крестовый поход» против коммунизма. Именно в этой стране – цитадели демократии – 12 марта 1947 года была провозглашена доктрина президента Г. Трумэна, ставившего задачу «отбрасывания» коммунизма. В основе ее лежала монополия на ядерное оружие, как главное средство устрашения СССР.

В 1948 году И.В. Сталин поставил задачу организовать надежную защиту неба Москвы перспективными средствами ПВО с последующим их использованием для прикрытия и других наиболее важных объектов страны от ядерных ударов, которые в то время могли быть нанесены только авиацией противника. Решение этой задачи было возложено на созданное в 1950 году Специальное бюро (СБ-1). Генеральный конструктор – П.Н. Куксенко, главный инженер сын Берия – Сергей. Все работы осуществлялись под контролем КГБ, сотрудники которого возглавляли отдел СБ-1, а ученые и конструкторы являлись их заместителями. К работе были привлечены так же немецкие специалисты и отнюдь не из числа пленных, а на договорной основе, с обеспечением комфортных условий труда и быта.

В августе 1950 года были разработаны технические предложения по системе «Беркут». В коллективе СБ-1 считалось, что за этим названием стоят сокращенные фамилии Берия и Куксенко. Для создания системы специально было организовано Третье Главное управление Совета Министров СССР (ТГУ) во главе с талантливым руководителем В.М. Рябиковым. Ему были выделены необходимые денежные средства, мощные строительные организации, подчинены конструкторские бюро и заводы-изготовители технологической аппаратуры

П.Н. Куксенко

и ракет. После ареста Л.П. Берия в 1953 году система получила новое наименование С-25.

За пять лет вокруг Москвы были сооружены два кольца бетонированных дорог в радиусе 50 и 100 км от центра города общей протяженностью около 2000 км, развернуты 2 зоны радиолокационного обнаружения на удалении 25-30 и 200-250 км от Москвы на станциях А-100, 56 зенитных ракетных полков со стационарными в железобетонных укрытиях станциями наведении ракет (СНР) Б-200, построены стартовые позиции специальные технические базы для содержания ракет.

Создание в начале 50-х годов системы С-25, способной одновременно уничтожить до 1000 самолетов противника с пуском по каждому из них до трех ракет, убедительно продемонстрировало способность нашей экономики, восстанавливаемой после войны, сосредоточить необходимые ресурсы для решения задач по обороне страны. Это было поистине научно-техническим подвигом.

Н.Ф. Ниловский

Научными руководителями и ведущими конструкторами средств системы стали А.А. Расплетин, А.Л. Минц, Г.В. Кисунько, Л.В. Леонов. Управляемая ракета В-300 была создана в КБ С.А. Лавочкина конструкторами А.М. Исаевым, Н.С. Лидоренко, В.П. Барминым.

Войсковые части находились в подчинении генерал-лейтенанта артиллерии Н.Ф. Ниловского.

Заметим, что система создавалась в секрете даже от Министерства обороны.

На полигоне Капустин Яр был создан полномасштабный стрельбовый комплекс системы. Это позволило председателю Государственной комиссии – Первому заместителю главнокомандующего Войсками ПВО страны маршалу артиллерии Н.Д. Яковлеву с присущей ему требовательностью всесторонне проверить и доработать систему до заданных характеристик. Работа была организована и обеспечена начальником площадки Б.А. Королевым.

Разработка системы С-25 стало как бы школой подготовки целой плеяды крупнейших ученых, конструкторов, инженеров, квалифицированных рабочих, перепрофилирование заводов. Очень ценным был опыт, приобретенный при испытаниях системы С-25. Стало совершенно очевидным, что необходимо специально методическое обеспечение испытаний сложных систем. Первые такие документы были разработаны и проверены на практике начальником полигона Капустин Яр генерал-лейтенантом артиллерии П.Н. Кулешовым и начальником отдела анализа в управлении полигона Р.А. Валиевым.

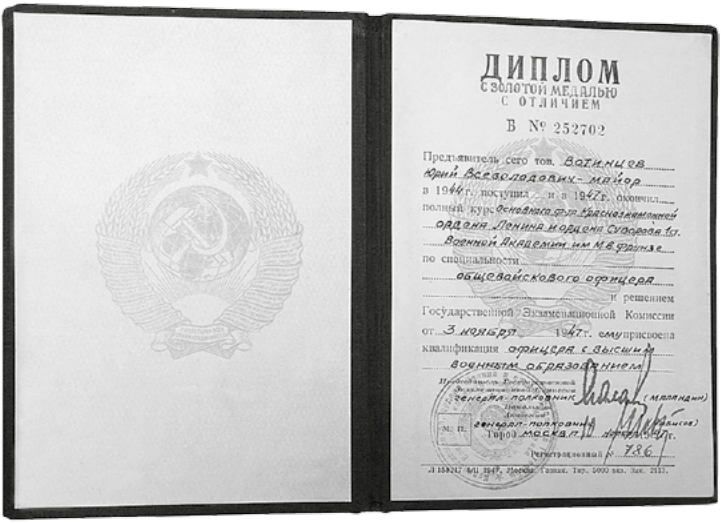
Весной 1955 года Третье Главное управление в связи с выполнением основных работ было упразднено и на базе системы С-25 развернута отдельная армия особого назначения, в командовании которой вступил К.П. Казаков. Ее офицерские кадры комплектовались в основном выпускниками военных академий, Бауманского высшего технического училища, авиационного института, других технических вузов. Служба в этой армии долгие годы считалось делом особой важности, гордости и чести.

В августе 1957 года операторы одной из станций дальнего обнаружения А-100, расположенной в районе Смоленска,

обнаружили на высоте около 20 тыс. метров цель, идущую курсом на Москву. Не входя в зону поражения армии, она развернулась и ушла на запад. А в то время ракеты на стартовых позициях на боевое дежурство поставлены еще не были. Командующий армией доложил об этом начальнику Генерального штаба и Министру обороны СССР. В тот же вечер на наш командный пункт прибыл начальник Генштаба Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский с группой генералов. После тщательного изучения схемы проводки цели специалисты, прибывшие с маршалом, доложили ему, что подобного быть не может. Работа по ложной цели, как они считали, явилось результатом неисправности РЛС либо ошибочных действий операторов, поскольку ни птица, ни один летательный аппарат не могли находиться на такой высоте.

Однако Казаков и начальник штаба армии Ф.А. Олифиров настаивали на том, что это был самолет-нарушитель, и просили Соколовского ускорить решение вопроса о постановки ракет на боевое дежурство. Буквально на следующий день после этого инцидента последовал приказ Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского о постановке армии на боевое дежурство по охране и обороне неба Москвы со снаряженными и заправленными компонентами топлива ракетами. По-видимому, транспортировка ракет с технических баз на стартовые позиции не осталось не замеченной иностранными разведками. В дальнейшем провокационных полетов в направлении Москвы не было. В то время я даже не мог предположить, что судьба вновь сведет меня с этим неопознанным самолетом, но уже на южной границе нашей Родины, в Средней Азии.

В сентябре 1957 года К.П. Казаков довел до меня приказ о назначении начальником особой ракетной группы, которая впервые будет выведена на военный парад в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции.



ДИПЛОМ
С ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ
С ОТЛИЧИЕМ

В № 252702

Предъявитель сего тов. Вотинцев Юрий Всеволодович - майор в 1944 г. поступил и в 1947 г. окончил полный курс основного фак. краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова 1 ст. Военной Академии им. М. В. Фрунзе по специальности общевойскового офицера и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 3 ноября 1947 г. ему присвоена квалификация офицера с высшим военным образованием

Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии генерал-полковник (Малиновский)
Начальник Академии генерал-полковник (Обрывцов)
М. П. Город Москва 1 ноября 1947 г.
Регистрационный № 786

Диплом об окончании Академии им. Фрунзе

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА 2.11.55 г.

ДИПЛОМ
С ОТЛИЧИЕМ

К № 844004

Настоящий диплом выдан Полковнику Вотинцеву Юрию Всеволодовичу в том, что он в 1955 году поступил в Высшую ордена Суворова I степени Военную Академию имени К. Е. Ворошилова и в 1955 году окончил полный курс названной Академии с золотой медалью по специальности командно-штабной, оперативной, общевойсковой.

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 27 октября 1955 г. Вотинцеву Ю. В. присвоена квалификация офицера с высшим военным образованием

Председатель Государственной экзаменационной комиссии генерал-полковник (Малиновский)
Начальник Академии генерал-полковник (Обрывцов)
М. П. Город Москва 27 октября 1955 г.
Регистрационный № 2105

После окончания академии ГШ с золотой медалью в 1955 году, Ю.В. Вотинцев был назначен Заместителем Командующего зенитно-ракетной армии по боевой подготовке

К.П. Казаков

На парадной площадке были сосредоточены 62 ракеты Войск ПВО страны, Сухопутных войск, Ракетных войск стратегического назначения и Военно-Морского Флота. Часть из них прибыла прямо с заводов. Около парадной площадки при выезде на репетиции рядом назойливо крутились автомобили различных иностранных представительств, несмотря на то, что ракеты постоянно были под чехлами, а в пути следования сопровождались специальными группами ГАИ и чекистами.

7 ноября в 8 часов колонна заняла отведенное ей место на Манежной площади. Через час ракеты впервые расчехлили. В здании гостиницы «Метрополь» открылись все окна и ощетинились длинноствольными объективами кино- и фотоаппаратуры.

Колонна ракет замыкала парадный расчет. Когда мы выехали на Красную Площадь, все вокруг на мгновение замерло. А потом на трибунах начались овации. Пройдя по площади,

колонна вытянулась вдоль набережной, и воины стали быстро зачехлять ракеты. В это время с площади уже появились первые ряды демонстрантов. Люди образовали вокруг колонны плотное кольцо, залезали на машины, обнимали солдат и офицеров.

Вечером в Большом Кремлевском дворце состоялся прием участников парада. Вспоминается испытанное волнение и постигшее разочарование. Руководители партии и правительство, большинство приглашенных находились в Георгиевском зале, а военные – в Грановитой палате. Около 10 часов вечера к нам вошли Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Мао Цзэдун и Р.Я. Малиновский. Всем им тут же поднесли по фужеру коньяка, хотя они уже были изрядно навеселе. Начальник Главного управления кадров генерал армии А.П. Белобородов подвел меня к Хрущеву и представил, как начальника парадной ракетной группы. Пожав руку, Хрущев сказал, что ЦК объявляет мне благодарность, затем он несколько минут беседовал с окружающими и вдруг заметил интересную дородную женщину. Хрущев снял пиджак и, оставшись в расшитой подпоясанной косоворотке, пустился с ней в пляс, вприсядку. Стоявший рядом генерал-полковник П.Ф. Батицкий, глядя на эту сцену, подхватил свою жену под руку и громко, резко сказал, что больше ему в этом бардаке делать нечего.

За нашу Советскую Родину!

ГРАМОТА

Гвардии полковнику
Вотинцеву
Юрию Всеволодовичу

За образцовую подготовку особой артиллерийской группы и участие в военном параде 7 ноября 1957 года на Красной площади города Москвы в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, за отличное обслуживание техники и образцовую воинскую дисциплину и организованность Вам объявлена сердечная благодарность Советским правительством и Центральным Комитетом КПСС.

Командир войсковой части 32396
генерал-полковник артиллерии
[Казаков]

„7" ноября 1957 года

Но вернемся к армии особого назначения. Освоение новой, не знающей аналогов боевой техники оказались решающим условием сравнительно быстрого роста технической грамотности и профессиональной подготовки прежде всего офицеров-инженеров, командиров основных подразделений и полков. Большой жизненный опыт, умение выделить главное позволили К.П. Казакову весь уклад жизни и учебы подчинить планомерной боевой подготовке и бдительному несению боевого дежурства. Воспитанники армии особого назначения были хорошо известны в Войсках ПВО страны. Многие из них впоследствии стали крупными военачальниками. Среди них генерал-полковники Ф.А. Олифиров, В.К. Стрельников, генерал-лейтенанты Н.А. Асриев, М.И. Ненашев.

Приведенные мною данные о боевом составе армии особого назначения были совершенно секретными. В настоящее время, система С-25 снята с вооружения и демонтирована. Для защиты неба Москвы используется более совершенные и эффективные зенитные ракетные комплексы.

За годы службы в отдельной зенитной ракетной армии Ю.В. Вотинцев постоянно уделял внимание организации спортивно-массовой и физической подготовке солдат, сержантов и офицеров. Непосредственно руководил созданием спортивного комплекса, состоящего из стадиона, спортивных сооружений и бассейна. В этот период мы, служившие в этой армии, помним его крылатое выражение: «Академии нам готовят инженеров, а вот мастеров спорта нет».

В рядах армии выросло много известных спортсменов, даже с мировыми именами: Ю. Власов, Е. Минаев, В. Стогов и др. Спортивный комплекс продолжает функционировать и в настоящее время.

Весной 1959 года Главнокомандующий Войсками ПВО страны Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов инспектировал отдельный Туркестанский корпус ПВО. Корпус был признан не боеготовным. Командир с должности снят. С.С. Бирюзов из Ташкента позвонил своему первому заместителю маршалу артиллерии Н.Д. Яковлеву и распорядился в течение трех дней оформить мое назначение на должность командира этого корпуса.

Первая же встреча с командованием соединения произвела на меня гнетущее впечатление. Начальник штаба, начальники родов войск состояние дел в частях и подразделениях знали слабо, обстановкой не владели.

Два месяца мне понадобилось, чтобы познакомиться с частями, в том числе и с личным составом радиолокационных рот на Памире, дислоцированных вдоль дороги Ош – Хорог, на высотах от 3 до 5 тыс. м и сделать вывод, что боевой состав корпуса, развернутого на южных рубежах страны, поставленные задачи решать не способен.

За год удалось полностью обновить и усилить руководящий состав корпуса, в основном за счет лучших офицеров из армии особого назначения. С их помощью стали наводить порядок в подразделениях и частях.

Лишь одна часть вызвала у меня чувство удовлетворения – 9-й гвардейский истребительный авиационный полк в Андижане, которым командовал подполковник Горюнов. Первый полк советских асов свято хранил боевые традиции, успешно выполнял учебно-боевые задачи, летчики бдительно несли боевое дежурство. Но один эпизод, который мы затронули в беседе с командиром полка, меня насторожил.

В радиотехнической роте, размещенной вместе с полком в Андижане, была единственная, новая по тем временам РЛС П-ЗО. Примерно за полтора года до моего назначения оператор именно этой станции обнаружил воздушную цель

на высоте 20 тыс. м. Горюнов поднял истребитель с опытным летчиком – командиром эскадрильи. Набрав запредельную для МиГ-19 высоту – в 17 тыс. м, пилот доложил, что наблюдает над собой выше примерно на 3 тыс. м крестообразной конфигурации самолет.

После этого случая в полк прибыл Командующий истребительной авиации войск ПВО страны генерал-полковник авиации Е.Я. Савицкий. Он побеседовал с летчиком, проанализировав все имеющиеся по факту пролета загадочного самолета данные и пришел к тому же выводу, что и специалисты из Генштаба на КП армии особого назначения в Подмосковье в 1957 году: такого самолета быть не может. Летчика почему-то из полка срочно перевели. Встретиться я с ним не смог.

У меня уже тогда сложилось иное мнение, но подтвердить его фактически было нельзя. В 1959 году я представил главнокомандующему доклад о необходимости обновления техники и вооружения корпуса. Вскоре получил ответ, что моя заявка включена в план и поставки будут осуществляться в течение 1961–1962 гг. Однако действительность изменила эти планы.

9 апреля 1960 года в районе Памира со стороны Пакистана перелетел иностранный самолет. «Радиолокационными постами отдельного Туркестанского корпуса ПВО из преступной беспечности нарушитель был обнаружен в 4 ч. 47 мин, когда самолет углубился в нашу территорию более чем на 250 км» – эта цитата из материалов комиссии Главнокомандующего Войсками ПВО страны, расследовавшей факт нарушения государственной границы.

На самом же деле радиолокационная станция роты, неудачно размещенная восточнее Хорога, из-за засветки экрана от местных гор обнаружить самолет не могла. Устойчивую проводку его начали осуществлять размещенные севернее

локаторщики роты Кара-Куль. Я в это время находился на КП корпуса и, когда на планшет легла трасса нарушителя, поднял с аэродрома Андижан четыре истребителя МиГ-19. Не смотря на наведение, перехватчики, выведенные на высоту 16 тыс. м, цели не обнаружили.

В дальнейшем нарушитель безнаказанно сделал несколько заходов над полигоном Войск ПВО страны в районе озера Балхаш. На стартовой позиции, где испытывался новый ракетный комплекс С-75, боевых ракет в то время не было. Начальник полигона генерал-лейтенант артиллерии С.Д. Дорохов доставить их с технической базы, расположенной в 80 км, не успел.

Самолет же развернулся, облетев полигон Байконур и через Мары ушел за границу. Всего самолет нарушитель находился над нашей территорией 6 ч. 48 мин. Ни корпус ПВО, ни 73-я воздушная армия не имели ни сил, ни средств для пресечения этого беспрецедентно наглого нарушения.

С Центрального командного пункта Войск ПВО страны меня информировали, что главком шесть часов простоял у планшета молча. Лишь дважды С.С. Бирюзов потребовал моего личного подтверждения, что высота нарушителя остается неизменной – 20-21 тыс. м, о чем и доложил министру обороны.

При приближении нарушителя к государственной границе я не исключал возможности его снижения. Доложил об этом С.С. Бирюзову и получил разрешение направить пару МиГ-17 вдогон с нарушением границы Ирана. Командир истребительного авиационного полка подполковник П.Е. Кузин поставил задачу двум летчикам идти за границу, при снижении нарушителя уничтожить, вплоть до тарана. Два МиГ-17 ушли за границу на 250-300 км, но нарушитель не снижался и обнаружен не был. С трудом, при почти пустых баках, самолеты вернулись на аэродром Мары-2.

После моего доклада С.С. Бирюзов сказал, что за пропуск самолета-шпиона, выполнившего разведку двух наших секретнейших полигонов, я и другие виновные будут строго наказаны Министром обороны. И добавил: «Нос не вешать. У нас в ПВО за одного битого дают не двух, а дюжину небитых. Запомните это».

Кстати, правительство Ирана не сделала заявлений по поводу нарушения границы нашими истребителями.

Приказом Министра обороны я был предупрежден о «неполном служебном соответствии». Пока размышляли над тем, что необходимо предпринять для предупреждения подобных нарушений, 1 мая 1960 года другой самолет был обнаружен на подходе к государственной границе на Памире.

За своевременное обнаружение нарушителя боевой расчет радиолокационной роты был награжден орденами и медалями: майор В. Кулагин – орденом Красной Звезды, старшие лейтенанты В. Урбанович, К. Лещинский, ефрейтор Г. Лысов и рядовой Г. Старцев – медалью «За боевые заслуги».

А летевший курсом на Москву самолет был сбит уже развернутым к тому времени на Урале зенитным ракетным комплексом С-75.

По показаниям катапультировавшегося американского летчика Пауэрса, для нарушения воздушного пространства СССР использовался самолет стратегической разведки США У-2. Его практический потолок составлял 21-24 тыс. м. На вооружение был принят в 1956 году, о чем наша разведка ничего не знала. В противном случае на заседании Политбюро ЦК КПСС в апреле 1960 года председатель Государственного комитета по авиационной технике П.В. Дементьев и авиаконструктор А.И. Микоян не заявили бы, что в мире нет самолета, которые могли бы на протяжении 6 ч. 48 мин идти

на высоте 20 тыс. м. Оказывается, могли и ходили и даже к тому времени совершили 30 разведывательных полетов.

Надо было принимать меры. И Главнокомандующий Войсками ПВО страны принял решение.

В 1960-1961 гг. срочно в корпус поступило 5 тыс. офицеров и около 20 тыс. солдат и сержантов, более 100 ракетных зенитных комплексов С-75, значительное количество новых РЛС, в том числе 12 станций П-14 – тогда самых совершенных. Наиболее успешные эти стационарные станции развертывались в 41-м радиотехническом полку, которым командовал Д.Н. Солодченко. Большая заслуга в этом и его подчиненных – офицеров: Н. Козлова, А. Ромазанова, А. Шендрика.

Дополнительно к двум имевшимся, корпус был усилен еще четырьмя истребительными авиационными полками и переименован в 30-й отдельный корпус ПВО. Потребовалось в сжатые сроки сформировать, переучить личный состав на новую технику одиннадцати зенитно-ракетных бригад и двух полков с последующим выполнением боевых стрельб на полигоне.

Кроме того, переформировать и усилить радиотехнические войска.

Предметом особой заботы стала лётняя подготовка и обустройство истребительно-авиационных частей. Дело усложнялось из-за многотипности самолетного парка: МиГ-15, МиГ-17, миГ-19, Як-25, Як-28П, Су-9.

Вспоминает генерал-майор Николай Константинович Сергеев, который начинал службу в Туркестанском корпусе ПВО в 1961 году, в последствии в войсках предупреждении о ракетном нападении:

Сергеев Николай Константинович

Р. 1937.

Окончил Пермское военно-техническое училище по вооружению самолетов, Командную академию ПВО им. Г.К. Жукова, Академию Генерального штаба. С 1972 по 1983 гг. проходил службу на командном пункте космической системы «УС-К». С 1983 по 1993 гг. служил в 3 ОА ПРН в должности начальника штаба армии. Награжден орденами: Красная Звезда, За службу Родине в ВС СССР III степени, медалями.

...С генерал-полковником Ю.В. Вотинцевым я познакомился в 1961 году, когда наш гвардейский, Добреценский, ордена Суворова III ст. истребительный авиационный полк, который базировался в Туркмении, местечке Янгаджа (Джанга) в 40 км от Красноводска, был расформирован, и на его базе была организована зенитно-ракетная бригада.

Мне, молодому офицеру, трудно оценить интеллект, эрудицию, вцелом личность генерала Ю.В. Вотинцева, но твердо уверен, что у него была феноменальная память. Один раз увиденное, услышанное, прочитанное он запоминал навсегда. Он никогда не делал доклады и не читал лекции по «бумаге». Его никогда не смущало количество цифр и показателей. Цифры для него были как «семечки» в кармане.

Когда формировалась армия ПВО, он посетил все дивизионы во всех среднеазиатских республиках. Во время сборов были построены все 105 командиров дивизионов и генерал-полковник Ю.В. Вотинцев подошел к каждому командиру дивизиона, поздоровался с ними и называл его по фамилии имени и отчеству (Об этом мне рассказывали бывшие мои командиры дивизионов подполковники К.Т. Беложев, П.М. Сиднев).

Во время формирования армии он наводил «железный порядок», но по делу. В армию прибыли офицеры из Группы войск в Германии, где жизнь и быт офицеров был обустроен (а в авиации еще и бесплатное питание), а здесь – пустыня, бескрайняя степь, пески: летом жара +40, а зимой – –40, с ветерком; снова палатки, землянки (не было ни одного собрано щитового домика).

О моих «знаковых» эпизодах от встречи с генерал-полковником Ю.В. Вотинцевым.

Первый дивизион у города Уштобе (18 км от города). Он приказал построить личный состав без гимнастерок и без маек. У всех солдат торчали синие «ребра». «Это что такое?» – Командир дивизиона опрометчиво ответил: «Естественно, товарищ командующий. На довольствие дают нам одну сушеную картошку и горох.»

«Это не естественно морить солдат голодом» – Разгром. А где вы обедаете? – обратился он ко мне.

– В городе.

– Значит вы не обедаете!

Он приказал организовать прикухонное хозяйство, а офицеров поставить на солдатское довольствие. Простой вопрос, но он именно им был решен. Появились овощи: редис, огурцы, помидоры, лук, чеснок мы имели в немереном количестве.

Меня перевели в дивизион на станцию Егеньсу. Жили в землянках, крытые тростником. Год обещали построить жилье, нет. Второй год обещают. Нет. Я написал статью в армейскую газету. Например: что такое тростниковая крыша. Если дождь – лужи на полу или на кровати. Но дожди – редко... а снег всю зиму. Снег на солнце тает – все орошение в землянке. Нас и не тревожило бы; если бы не было абсолютно никаких средств. Но вокруг бригады из кирпича строится ограждение, высотой 3 метра и длинной 3 км. Мы называли ее в шутку: «Великая китайская стена». Зачем?

По моему письму из Ташкента приехал разбираться лично Ю.В. Вотинцев. Он спросил: «Кто писал письмо?». В это время я болел и лежал в госпитале. Он ознакомился с бытом офицеров и сказал, что в письме Все написано правильно, и он бы написал так же, только «покрепче». Положение изменилось! Вот какое отношение и забота тогда была со стороны командования армией об офицерах.

Соседний дивизион на станции Коксу должен был выехать на стрельбы в Капьяр, но там не было стреляющего, и меня перевели в этот дивизион. Мы отстрелялись на «хорошо», что нас вполне устраивало, и мы вернулись обратно к боевому дежурству и повседневной деятельности. Командир дивизиона послал меня на машине в горы на свинцово-цинковые рудники Текели за кирпичом.

На рудниках я увидел очень красивый планшет с показателями производства. Договорился с главным инженером, чтобы они для нашего дивизиона сделали 8 стендов. Эти стенды мы разрисовали классическими схемами (на то время), а на обратной стороне я сделал монтаж, т.е. это были реально действующие макеты... (лампы и реастаты ...вывели на переднюю панель): т.е. меняешь сопротивление, меняется частота импульсов, а неоновые лампы в такт озаряют светом весь класс. Причем стенды были покрашены «изумительными» красками. Как правило, посещение генералом – лейтенантом Ю.В. Вотинцевым заканчивалось осмотром учебно-материальной базы, а она почти всегда находилась в запущенном состоянии или ее вообще не было. Когда командующий Ю.В. Вотинцев зашел в класс в сопровождении командира дивизиона (который от волнения был весь мокрый), я кратко доложил ему содержание класса. Он, вообщем, подолгу стоял около каждого стенда, потом сел, как всегда закурил, потом твердо и убедительно, делая ударение на каждом слове, сказал: «По технической подготовке это самый лучший

класс в армии.» А меня назначили командиром 1-ой батареи и послали служить в Макпал (в степи это «мертвое море»).

После окончания академии меня назначили начальником штаба приемно-передающего центра на системе «УС-К» в Серпухове. Мы только приехали из «болота» в новые казармы, как командир части полковник В.И. Кузиков на построении объявил: «Через месяц генерал-полковник Ю.В. Вотинцев будет проводить сборы. Надо подготовить образцовую казарму. Эту задачу я ставлю начальнику командно-вычислительного центра.» Но сам он заболел и уехал в госпиталь.

Я понял, что эту задачу начальник КВЦ не выполнит. Для того, чтобы генерал-полковник дал казарме отличную оценку, она должна быть не только идеальной, но и чем-то удивить его.

Я с офицерами разработал план переоборудования казармы. Конечно, с нарушением устава, я разместил в технической зоне трех солдат, где они жили и работали по 16-18 часов в сутки (пилили, полировали металл, резали оргстекло для казармы...).

И в казарме кипела работа (черно-бурый линолеум был содран, центральный проход был выложен белоснежной плиткой; вдоль кроватей голубой; капитальный ремонт шел во всех помещениях роты. Были получены новые кровати, тумбочки, постельные принадлежности).

Во время сборов стоял на редкость солнечный осенний день. Казарма блестела, сверкала, сияла. Генерал-полковник Ю.В. Вотинцев с командирами частей обошел все помещения, не сделав ни одного замечания.

В комнате для хранения оружия и боеприпасов он спросил генерал-майора В.К. Стрельникова: «Владимир Константинович! Ваши солдаты, мне кажется, живут в стационарных казармах добрый десяток лет, но я у Вас ничего подобного не видел!?»

Генерал-майор В.К. Стрельников ответил, что трудно достать такие средства и материалы, чем немедленно воспользовался генерал-полковник Ю.В. Вотинцев: «Кто хочет работать – тот ищет материалы и средства и достает их, а кто не хочет ничего делать, тот ищет причины, чтобы не работать...». Генерал-полковник Ю.В. Вотинцев неожиданно подозвал к себе сержанта, дежурного по роте, осмотрел повязку на рукаве: «И повязка сделана по уставу. Казарма образцовая.» Это был марафет высшего класса. Поддерживать такой порядок в казарме практически не возможно. Смотром казармы остался доволен один генерал-полковник Ю.В. Вотинцев, а командиры соединений и частей, остались в расстроенных чувствах. Они знали, в чьих руках теперь «козыри».

Когда я был командиром части, на итоговую проверку прибыл с комиссией генерал полковник Ю.В. Вотинцев. За основные предметы обучения: техническая, специальная подготовка я не волновался: там твердые отличные оценки. Но с общевойсковыми дисциплинами дело обстояло неважно. Строевые подразделения представляют монолитный коллектив – все за одного. А управление – аморфное подразделение: одни начальники (физической, химической, инженерной, медицинской, финансовой и др. службы). Чинуши. К нам на простой «козе» не подъедешь. Каждый сам за себя, генерал-полковник Ю.В. Вотинцев понимая, что лучше всего ловить «рыбу» в мутной воде, и начал лично проверять управление: только и слышно было: «неуд.», «неуд.». Выручили офицеры боевой подготовки – которые отвечали на вопросы «автоматом».

Остался последний этап. Прохождение подразделений с песней. Я увидел, что радиотехнический центр перестраивается в одну колонку и руководит этим перестроением замполит приемного пункта подполковник Бейлин!

Я спросил его: что вы делаете?

– Товарищ полковник! Мы знаем песню.

– Ну смотрите!?

Я подал команду, подразделения пошли с песней. И вот идет радиотехнический центр: 120 офицеров в одной колонне и несмотря на снежную «залепиху», пели с энтузиазмом и вдохновением, как будто мне на зло; аж мурашки пробежали.

А ну-ка шашки подвысь
Мы все в боях родились
Нас крестили в походах шрапнель
Пеленала шинель, да шальная метель
Колыбельную песню нам пела
А ну-ка шашки подвысь
Мы все в боях родились
Мы все... в боях родились
Наш командир удалой мы все пойдем за тобой
Если снова труба позовет
Если пуля убьет, сын клинок подберет
И пощады не будет врагу.

Это была любимая песня генерал-полковника Ю.В. Вотинцева. Он приказал построить часть и за хорошую строевую слаженность всему личному составу объявил благодарность.

Однажды, зимой мне передали, что генерал-полковник Ю.В. Вотинцев прибыл в Наро-Фоминск, затем поехал в Чехов, Балабаново, и к нам. Около 10 часов вечера он беседовал с отдельными офицерами. Замполит части полковник М.А. Красноярский мне сказал, что у его жены сегодня день рождения. У нас были на всякий случай подарки, но мы знали, что он никаких подарков не берет. Когда стали одеваться, он «тихо» у меня спросил: «Цветы есть?» – «Есть!»

Вышел в соседнюю комнату, позвонил начальнику тыла (молодец, он был в техзоне, всегда под рукой).

– «Григорий Павлович! Бегите в теплицу, режьте калы! Нужен букет цветов. Встречаемся на КПП.»

Генерал-полковник Вотинцев сел в мою машину УАЗ за мной. Когда подъезжали к КПП увидели полковника Драченина с букетом цветов. Калы – белее снега, светлее дня.

Я не понял, как генерал-полковник Ю.В. Вотинцев выскочил из машины и уже бежал впереди нашей машины к полковнику Драченину.

Ой, как Вы меня выручили!

О, как я Вам благодарен!

От всей души большое, большое спасибо!

А раньше, например, в г. Серпухове и днем с огнем цветов было не найти!

На этапе развития системы предупреждения имели место недостатки. С целью их выявления и устранения в штабе армии ежемесячно проводились межведомственные комиссии с привлечением генеральных и главных конструкторов. Доклады с анализом функционирования СПРН как правило писал я. Генерал-полковник Ю.В. Вотинцев был абсолютно компетентен по всем программно-алгоритмическим принципам функционирования системы, но за 7 лет он ни разу не прерывал и не останавливал мой доклад.

Когда он лежал у нас в госпитале, мне передали, что он хочет со мной побеседовать.

Рано утром я пошел в госпиталь. Навстречу мне шел полковник запаса П.И. Табуев. Поздоровались. И он мне сказал: «Сегодня в нашем госпитале умер генерал-полковник Вотинцев.»

Целью всей его жизни было бескорыстное служение Родине, народу. Никаких «пристяжных» не было и в помине. Можно смело сказать: это образец служебной жизни и деятельности. Он умер с чувством безукоризненно исполненного священного долга перед Родиной. Из забитых «колышек»

в болоте или степи, под его руководством выросли монстры, которые надежно охраняли мирное небо нашей Родины ■

И.И. Федюнинский в центре, Ю.В. Вотинцев справа

С большим участием, пониманием возникших проблем отнесся к нам Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал армии И.И. Федюнинский. Помогали и руководители ЦК и правительства союзных республик Средней Азии и Казахстана, местных органов власти. Это позволило уже к 1964-1965 гг. разместить людей в благоустроенных городках.

По-новому в сложившейся обстановке работали офицеры штаба и управления корпуса: И.И. Фролов, П.А. Крымский, Н.И. Наумов, Я.Н. Ефромеенко, О.П. Ефимов, С.А. Сандригайло, командиры дивизий: В.С. Деев, В.Д. Слюсарь, А.Д. Котов; командиры бригад: Н.В. Чемерикин, Д.П. Павлущенко, М.Б. Шеломков, командир истребительного авиационного полка П.Е. Кузин.

В мае 1963 года корпус был развернут в 12-ю Отдельную армию ПВО. Однако усиление противовоздушной обороны на южной границе СССР не избавило сопредельную сторону от соблазна совершать провокационные полеты над нашей территорией.

Летом 1963 года Л.И. Брежнев прибыл с визитом в Иран. Именно в то время, когда он выступал в меджлисе, разведывательный самолет вторгся в наше воздушное пространство. Дежурными силами 156-го истребительного авиационного полка – командиром звена Степановым с ведомым Судариковым – он был перехвачен и затем сбит. Тем не менее, самолет-нарушитель дотянул до иранской территории и упал в городе Моминабаде в 30 км от границы. Среди депутатов меджлиса распространили записку: советские летчики над территорией Ирана только что сбили гражданский иранский самолет. Шахиншах попросил Л.И. Брежнева прервать выступление до выяснения обстоятельств случившегося. Тут же было установлено, что иранский самолет вылетел в сторону советской границы без заявки и разрешения гражданских властей. После извинений шахиншаха Ирана Л.И. Брежнев продолжил свое выступление. Тогда я второй раз был предупрежден о «неполном служебном соответствии». Неприятно вспоминать, как бывший в то время Главнокомандующим Войсками ПВО страны В.А. Судец на военном совете в Москве, тенденциозно разбирая обстоятельства происшедшего, требовал, чтобы летчиков Степанова и Сударикова отдали под суд военного трибунала. На это я ответил, что в таком случае вынужден буду подать рапорт об отстранении меня от должности и предании суду вместе с летчиками – приказ на уничтожение самолета был отдан мною. Сказал я и о том, что подобный прецедент может вызвать у воздушных бойцов боязнь ответственности за безусловное выполнение боевого приказа. Военный совет вынужден был согласиться с моими доводами.

Возвращаясь из Ирана, Л.И. Брежнев сделал остановку в Ташкенте. В числе встречающих на аэродроме вместе с Командующим войсками округа И.И. Федюнинским был и я.

Л.И. Брежнев, отозвав нас в сторону, сказал: «Наши отношения с Ираном налаживаются. Так что, товарищи, прошу – будьте на границе поаккуратнее».

Эту просьбу мы выполнили буквально. Ровно через год такой же самолет типа «Кондор» нарушил воздушную границу. Он был перехвачен командиром звена И. Журавлевым. В воздухе, в момент перехвата, экипаж нарушителя дружно «поднял руки» и, беспрекословно повинуясь Журавлеву, сел на аэродроме в районе Мары. На вопрос, почему они не попытались уйти за границу, как их предшественники, ответили: «У вас ведь сразу убивают...»

По результатам расследования, проведенного начальником штаба авиации ПВО страны генералом И.П. Башиловым, стало ясно, что как в первом, так и во втором случае самолеты-нарушители выполняли полеты в интересах ирано-американской географо-картографической компании. Однако предельная оснащенность самолета разведывательной аппаратурой, специальная подготовка экипажа под руководством американских инструкторов убедительно доказывали его принадлежность к ЦРУ.

Во время нарушений границы управление перехватчиками осуществлялось с КП командиром 17-й дивизии ПВО А.Д. Котовым, командиром 156-го истребительного авиационного полка П.Е. Кузиным и командиром 12-й радиотехнической бригады Л.Б. Гощинским. Все ранее наложенные на меня взыскания были сняты, а действия моих подчиненных поставлены в пример Войскам ПВО страны.

Подобные эпизоды, конечно же, никогда не забудутся. Именно они дают возможность глубоко осознать смысл всей нашей службы, по-настоящему проверить степень готовности к выполнению поставленной задачи в любых условиях. И все-таки это были будни. Правда, боевые...

За время службы в Средней Азии Ю.В. Вотинцев избирался членом ЦК КП Казахстана, депутатом Верховного Совета Узбекистана.

Своей профессиональной подготовкой, организаторскими способностями, требовательностью, внимательным отношением к людям, честностью и скромностью он снискал дань высокого уважения, его просто любили. Платил он им тем же.

Американо-иранский разведывательный самолет типа «Кондор», принужденный к посадке после нарушения государственной границы СССР в 1964 г.

ПРОТИВОРАКЕТНЫЙ ЩИТ СТРАНЫ

В конце апреля 1967 года Главнокомандующий Войсками ПВО страны генерал армии П.Ф. Батицкий неожиданно вызвал на Государственный Центральный научно-исследовательский полигон у озера Балхаш Командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-полковника Н.Г. Лященко и меня. Оттуда на его самолете мы вылетели в Алма-Ату. Едва набрали высоту и легли курсом на казахскую столицу, как главком сообщил о решении военного совета рекомендовать меня на более высокую должность. Сама должность упомянута не была, и мой вопрос остался без ответа. Настойчивая просьба дать возможность продолжать командовать армией, завершить реализацию намеченных планов, поддержанная Н.Г. Лященко, во внимание принята не была и у П.Ф. Батицкого вызвала лишь раздражение.

П.Ф. Батицкому, непосредственно руководившему (совместно с организациями промышленности) работами по созданию противоракетной и противокосмической обороны (ПРО и ПКО), с большим трудом удалось заручиться согласием Генерального штаба и 30 марта 1967 года получить директиву на формирование нового рода войск ПРО и ПКО в составе войск ПВО страны.

Генерал армии
П.Ф. Батицкий

Разработка и создание этих оборонительных систем вооружения начались еще в начале 50-х годов. Создавались головные объекты,

формировались воинские части. По линии ПВО все работы выполнялись специальными управлениями, которые возглавляли генерал-майоры артиллерии М.М. Коломиец и Н.Е. Барышполец, подчиненные Главному заказывающему управлению, начальником которого был генерал-полковник авиации Ф. Байдуков.

Управления М.М. Коломийца и И.Е. Барышпольца выполняли важные функции заказчика, осуществляя контроль за ходом и состоянием строительно-монтажных работ, подготовку личного состава к участию в них. Для П.Ф. Батицкого создание войсковой структуры для ПРО и ПКО было делом решенным. Был определен и кандидат на должность командующего создаваемыми войсками. И прилетел он на полигон главным образом для того, чтобы обсудить вопрос о моем назначении с руководителями республик Д.А. Кунаевым и Ш.Р. Рашидовым, а также с Командующим войсками ТуркВО генерал-полковником Н.Г. Лященко.

Сам факт, что выбор пал именно на меня, явился полной неожиданностью. В наших войсках выдвиженцы на крупные ключевые должности были, как правило, из Московского округа ПВО.

П.Ф. Батицкий в течение одиннадцати лет им командовал и очень заботливо относился к своим питомцам. И, тем не менее, вскоре я был вызван в Москву на беседу в ЦК КПСС.

Принял меня заведующий отделом административных органов ЦК партии Н.И. Савинкин. Подготовившись к обстоятельному разговору, я признаюсь, был несколько обескуражен его краткостью. А результат – дальнейшая неопределенность положения. Савинкин лишь проинформировал, что с моим личным делом ознакомился секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Д.Ф. Устинов, который выразил удивление по поводу того, что в Войсках ПВО страны не смогли предложить на эту должность крупного инженера.

Заключил разговор Савинкин пожеланием не расстраиваться в случае возражения Устинова.

На следующий день утром я вместе с Савинкиным вошел в кабинет Устинова. Дмитрий Федорович встретил доброжелательно, энергичным движением руки пригласил сесть рядом. Закурили. После нескольких протокольных вопросов он предложил обстоятельно доложить, как в войсках оценивается состояние вооружения. Я решил докладывать начистоту, хотя и знал, что именно Устинов был первым лицом, ответственным за оснащение армии оружием и техникой.

Маршал
Советского Союза
Д.Ф. Устинов

Начал с того, что зенитный ракетный комплекс С-75 не способен поражать самолеты и крылатые ракеты на малых и предельно малых высотах и требует существенной доработки. Усиление зенитно-ракетных группировок маловысотным комплексом С-125 потребовало бы больших дополнительных затрат.

Современные для тех лет истребители-перехватчики Су-9 и не принятые на вооружение, но серийно выпускаемые самолеты Як-28П, имеют крайне низкую надежность двигателей, бустерной системы и радиолокационных прицелов. Это привело к росту аварийности и неоправданной гибели летчиков. Авиационные ракеты класса «воздух–воздух» РС-2УС имеют эффективность поражения всего лишь 0.6-0.7. У станций радиотехнических войск низкая помехозащищенность, что вызывает необходимость иметь РЛС различного диапазона. Из-за этого приходится увеличивать количество

станций в каждой группировке и расходовать их ресурс. В заключение я просил ускорить ввод в строй истребителя-перехватчика МиГ-25, который способен обнаруживать низколетящие цели на фоне земли и уничтожать их.

Д.Ф. Устинов ни разу не перебил меня, лишь изредка делал какие-то пометки. Когда я закончил, он внимательно посмотрел на меня и сказал, что я оказался в числе тех немногих, которые в этом кабинете не произносят лозунгов и не расхваливают наше вооружение. Затем задал вопрос: смогу ли я все это доложить Л.И. Брежневу, что для него важно. Ответил я утвердительно и без колебаний. Уже прощаясь, Устинов сказал: «Юрий Всеволодович, у меня к вам убедительная просьба. По роду дальнейшей службы вам придется работать с генеральными конструкторами товарищами Минцем и Кисунько. Каждый из них сейчас трудится над созданием своей локальной системы вооружения, и ваша задача попытаться эти усилия объединить, – при этом Дмитрий Федорович характерным жестом сцепил руки, – это позволит сократить время на их создание и государственные затраты».

Лишь выйдя из кабинета Устинова, я понял, что его напутствие означает не что иное, как согласие на мое назначение. Вскоре из кабинета вышел улыбающийся Савинкин и, протянув мне руку, сказал, что Брежнев примет меня сразу после майских праздников.

11 мая 1967 года я в сопровождении Савинкина вошел в кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС. Леонид Ильич стоял у открытого окна и улыбался. Мой доклад прервал словами: «Не надо шуметь...» Обнял за плечи и предложил сесть. Прочитав какую-то бумагу, лежавшую перед ним. Сказал: «Ваше назначение ЦК благословляет. Да, кстати, Дмитрий Федорович просил вас послушать. Но вы видели, сколько народу в приемной. Поэтому сделаем так: в ближайшее

время я буду на одном из ваших объектов и там мы обстоятельно обо всем переговорим».

Ни на одном из наших объектов Брежнев так и не побывал.

Л.И. Брежнев

Необходимость создания нового оборонительного рода войск была продиктована отнюдь не амбициями политиков и военных, как пытаются это теперь представить некоторые журналисты, а опасным ужесточением военной доктрины США, навязанной нам гонкой вооружений.

В то время, да и теперь американская военная доктрина исходит из того, что военная сила является основным и конечным средством урегулирования спорных внешнеполитических проблем – «арбитром в последней инстанции». Именно в США была разработана стратегия «массированного возмездия», в основе которой лежал принцип ядерного превосходства.

В результате изменения соотношения сил на мировой арене в начале 60-х годов американское военно-политическое руководство принимает стратегию «гибкого реагирования», предусматривавшую подготовку и ведение различных видов войны при дозированном применении военной силы соразмерно с масштабами опасности «жизненным интересам» США.

В 1967 году в США в соответствии с доктриной «ядерного устрашения» завершается создание стратегической триады: межконтинентальные баллистические ракеты, атомные ракетные подводные лодки и стратегические бомбардировщики. Потенциал стратегических наступательных сил США составил около 5000 ядерных боеприпасов.

Генерал-лейтенант
М.И. Ненашев

Вступив в должность командующего войсками ПРО и ПКО, в течение двух месяцев я знакомился с коллективами и содержанием работ, выполняемых в ряде НИИ, КБ. на создаваемых объектах.

В этот же день ко мне в кабинет зашли: главный инженер ЗРВ ПВО генерал-майор А.М. Михайлов и начальник Управления генерал-майор М.И. Ненашев, с которыми у меня состоялась полезная и продолжительная беседа. Прежде мы хорошо знали друг друга и понимали с полуслова. Алексей Михайлович Михайлов уже более года по совместительству занимался вооружением ПРО и ПКО, а Михаил Иванович Ненашев по этой же тематике работал у Генерального заказчика (4 ГУМО). В общем-то, я уже как-то был сориентирован в состоянии дел. Они же составили мне план-график работы, взялись согласовать его с НИИ и промышленностью. В заключение Михаил Иванович мне сказал:

– Вам и только Вам добиваться решения многих принципиальных вопросов, мы ждем их решения. Вы теперь наш отец!

Сказано это было уважительно, но я понимал, как это сложно.

На следующий день я приступил к выполнению «план-графика». Выехал в Калинин во 2-ой научно-исследовательский институт (НИИ) головной в Войсках ПВО страны. Начальника института генерал-лейтенанта Б.А. Королева я хорошо знал. До 1959 г. он был начальником 10 площадки на полигоне Капустин Яр и я ему представлял полки ЗРА для выполнения

боевых стрельб. Он же и заменил меня вскоре в должности заместителя командующего армией.

Борис Александрович рассказал, что институт занимается оценкой состояния и перспективами развития вооружения вероятных противников и исходя из этого разрабатывает исходные данные для наших систем вооружения. Наряду с Управлениями решающими задачи ПВО, уже созданы управления ПРО во главе с Павлом Владимировичем Порожняковым, ПКО – с Юрием Ивановичем Любимовым. Институт является головной организацией по разработке боевых алгоритмов для системы предупреждения ракетного нападения (СП РН), и уже формировалось управление СПРН во главе с Евгением Сергеевичем Сиротининым.

Согласно плану, я должен был работать в институте три дня с 9 до 23 часов. Выделили кабинет, дали рабочую тетрадь с грифом «совершенно секретно». Кроме перечисленных начальников Управлений со мной занимались выдающиеся ученые: Владимир Федорович Иванов, Олег Петрович Сидоров, Сергей Иванович Гущин, Вадим Николаевич Журавлев.

В течение последних лет коллективом института был выполнен большой объем целенаправленных исследований, теоретических обоснований, совместно с организациями промышленности. Все эти работы обусловили возможность развертывания системы противоракетной бороны (ПРО) А-35 согласно проекту.

При этом с головным комплексом СПРН возникли проблемы: интенсивное влияние авроральных помех на РЛС, особенно на тех, которые дислоцировались в Заполярье, в меньшей степени в Риге. А это значит, что возможность формирования головным узлом в Мурманске ложных тревог не исключалась. С существенным отставанием от головных узлов создавался командный пункт СПРН в Солнечногорске. По системе контроля космического пространства (ККП)

Академик
А.Л. Минц

требовалось ускоренно ввести первую очередь автоматизированного центра контроля космического пространства (ЦККП) в Ногинске.

По истечении трех дней мне только оставалось поблагодарить Б.А. Королева за науку и попросить выслать рабочую тетрадь секретной почтой.

30 мая я был в радиотехническом институте (РТИ) АН СССР у патриарха советской радиотехники академика А.Л. Минца. Встречи с Александром Львовичем я побаивался, так как еще по ЗРА был о нем наслышан. Однако меня в скромном кабинете встретил корректный, интеллигентный человек.

Сделав за чашкой кофе общее вступление, о значимости СПРН для нашей страны в условиях многократного превосходства США в ВР, он предоставил возможность главному конструктору СПРН Ю.В. Поляку по плакатам рассказать о принципах построения системы. Далее речь пошла о ТТХ РЛС «Днестр-М», доведение этой станции до характеристик «Днепра». Естественно, встал вопрос о степени защищенности от авроральных помех узла в Мурманске, на что Александр Львович сказал:

Ю.В. Поляк

– Юрий Всеволодович, имейте в виду, всегда рядом с Вами будет

наш институт. Мы никогда не оставим Вас одних.

Генерал-лейтенант Г.В. Кисунько

Генеральный конструктор системы ПРО Г.В. Кисунько предложил мне встретиться 31 мая непосредственно на головном объект – ОПРЦ в Клину. Там меня ожидали начальник управления по вводу системы ПРО, подчиненный Московскому округу ПВО генерал И.Е. Барьш-шолец, главный инженер полковник А.П. Пеньков, командир ОПРЦ А.Г. Рыгалин, командир стрельбового комплекса подполковник В.Д. Скрынник, заместитель по политической части подполковник А.Р. Чесовский, большая группа проектировщиков, строителей и промышленников. Сам прибыл с группой ведущих конструкторов. Мне предложил быть с ним рядом: «Быстрее врастете в состояние дел».

Начался традиционный, как я понял, обход всех технологических помещений, стартовых позиций. Григорий Васильевич проявлял выдержку, но проектировщиков, строителей и представителей промышленности спрашивал компетентно и строго. В заключение подчеркнул, что отставание в работах составляет пять месяцев, хотя Д.Ф. Устнову было твердо обещано вывести головной комплекс на испытания 7 ноября. Тут же Г.В. Кисунько дал указание составить графики и преодолеть отставание. Видя мою настороженность, сказал:

– Будем поправлять.

Перед отъездом Григорий Васильевич придержал меня:

– Наша первая встреча – и такой нелицеприятный разговор!

– Для меня это школа, – ответил я, пошел в первый класс.

– Непременно в ближайшее время нам нужно будет встретиться в конструкторском бюро.

До поздней ночи и весь следующий день я провел на комплексе вместе с командованием управления, части и начальником отдела ПРО 4 ГУМО полковником В.П. Кушаковым. Проблем уйма. Штат кадра не обеспечивает круглосуточную работу на всех системах технологического и спецтехнического оборудования. Трехсменная работа строителей, организаций промышленности не организована. По технике тоже проблемы.

1 июня работал в СНИИ-45. Начальник института, видный ученый, блестящий организатор принципиально новых научных исследований генерал-майор инженер И.М. Пенчуков с гордостью показывал свое детище. Он гордился тем, что первым в стране освоил метод математического моделирования как основу научных исследований и анализа статистики эксплуатации комплексов и систем вооружения. Эго посещение вызвало определенное удовлетворение.

Работал я в управлении по СККП, которым руководил А.Д. Курланов. К тому времени информация о объектах на околоземной орбите от оптических средств Астрономического совета АН СССР, от создаваемой сети пунктов оптического наблюдения в составе головных комплексов ККП, СПРН и ПРО уже обрабатывались на вычислительных средствах института. Так было положено начало созданию Главного каталога космических объектов.

В этом же институте разрабатывались боевой алгоритм и программы для ЭВМ ЦККП. При этом предусматривалась передача молодых, хорошо подготовленных программистов к нам, в штат ЦККП по мере его ввода.

Первые дни июня работал в управлении ПРО и ПКО 4 ГУМО. Генералы А.М. Михайлов, М.И. Ненашев и их офицеры

ознакомили меня с состоянием дел и планами ввода объектов в строй.

По СПРН: головной комплекс – РТУ в Мурманске и Риге оснащены РЛС «Днестр-М», КП СП РН в Солнечногорске. Совместные испытания станции в Мурманске намечены на 1968 г., двух РТУ с КП СПРН – на 1969–1970 гг.

ПРО: Головной комплекс – РТУ ДО (РЛС «Дунай-3») в Кубинке, там же КП ПРО, три ОПРЦ в Клину, Наро-Фоминске и Загорске, имеющие по одному СК типа «Енисей». Совместные испытания РТУ тремя СК и КП ПРО 1969-1970 гг.

СККП: ЦККП в Ногинске, радиолокационный комплекс ККП состоящий из восьми РЛС «Днестр», развернутых на Балхаше и в Иркутске. Совместные испытания РЛК 1968 г. и ЦККП 1970 г.

ПКО: комплекс ПКО «ИС-М», РЛС определения координат и передачи команд в Ногинске. Старт и ракетоноситель на полигоне Байконур, ИЗС-мишень, КА перехватчик «ИС».

М.И. Ненашев сообщил мне, что реальное отставание от установленных сроков в действительности 2-4 года.

Генерал-полковник авиации Г.Ф. Байдуков

Мы обсудили и согласовали несколько вопросов. В первую очередь следовало разработать «Положение», в котором четко определить права и обязанности должностных лиц Управления командующего Войсками ПРО и ПКО при работе в частях. Эго «Положение» представить на утверждение Начальнику 4 ГУМО генерал-полковнику авиации Г.Ф. Байдукову. Договорились, что генералы офицеры моего

Управления сначала будут учиться в создаваемых частях, а затем и помогать. Создаваемые комплексы и системы будут передаваться в подчинение Командующего войсками ПРО и ПКО на этапе готовности к проведению конструкторско-заводских испытаний.

В дальнейшем с начальником ОУ ГШ ВПВО генерал-майором авиации Г.П. Скориковым я согласовал следующие вопросы по Войскам ПРО и ПКО:

– порядок разработки и согласования концепции их боевого применения в оперативно-стратегических операциях ВПВО;

– организационно-штатную структуру войск с объективным анализом их развития;

– требования по организации и несения боевого дежурства.

Начальник организационно-мобилизационного управления генерал В.Д. Годун познакомил меня с штатом управления на 104 военнослужащих и 20 служащих. Поскольку войска ПРО и ПКО только начались формироваться мне разрешалось открыть штат на 45 военнослужащих и 9 служащих. На комплектование войск Генеральный Штабом выделялась численность 50 000 человек.

Условились, что основное подразделение-отдел численностью 40-60 офицеров. При этом начальник отдела несет всю полноту ответственности за постоянную боевую готовность закрепленной технологической аппаратуры и спецтехнического оборудования. Он же создает четыре смены боевого расчета и группу регламентных работ. Отделы объединяются в станции, центры, комплексы. Подразделения обслуживания – несколько рот. Общая направленность такой штатной структуры – профессиональные войска.

Владимир Диомидович Годун полностью поддержал предложение объединить управление Головным комплексом СПРН, Головными узлами СККП путем создания дивизий:

ПРН с КП Солнечногорск и разведки и ККП с КП Балхаш. В принципе, согласовали иметь на базе управления по вводу системы ПРО корпус ПРО. Две дивизии и корпус должны быть отдельными, в прямом подчинении командующему войсками ПРО и ПКО.

Еще несколько дней провел в Управлении кадров ВПВО. Мой еще один знакомый по 1 ЗРА, теперь заместитель начальника полковник Н.С. Миронов представил мне около 100 личных дел, кандидатов в штат управления и на должности командиров дивизий. Многих из них я знал по совместной службе, других приглашал на беседу.

Таким образом, моим заместителем стал генерал-майор А.М. Михайлов, главным инженером полковник В.А. Едемский, начальником штаба генерал Н.Ф. Черкашин (прибыл с должности начальника ЗРВ 4 ОА ПВО). На другие должности были отобраны полковники: начальником оперативного отделения Е.М. Брагин (до этого преподавший ВКА ПВО), начальником боевой подготовки Н. Мартынов (бывший заместитель начальника Балхашского полигона). Еще 20 офицеров-инженеров из службы вооружения 1 ЗРА. Столько же должностей оставались вакантными для замещения офицерами из войск, по мере освоения ими техники.

На должность командира дивизии ПРН рекомендовал выпускника академии Генерального Штаба (ГШ) полковника В.К. Стрельникова.

10 июня обстоятельно доложил результаты проделанной работы П.Ф. Батицкому в присутствии А.Ф. Щеглова и И.Ф. Халипова. Был подписан приказ о назначениях в Управление и представление на командира дивизии Министру обороны. Я получил указание продолжать выполнение согласованных решений. В заключение Павел Федорович посоветовал, впредь так и действовать, но при этом не поступаться интересами Войск ПВО.

Генералы и офицеры Управления ПРО и ПКО.
Слева направо: 1-й ряд: А.Я. Газизов, П.И. Пустовойт, К.И. Зиханов, А.М. Михайлов, И.П. Писарев, В.А. Едемский, Ю.М. Гриднев;
2-й ряд: А.И. Дедов, А.Е. Меденков, Ю.И. Шишкин, В.В. Голубев, А.Г. Кубарев, Н.В. Кисляков, М.П. Рябинин;
3-й ряд: В.И. Пищулин, И.А. Алешин, П.М. Костюкевич, Б.А. Полуэктов, В.И. Гапоненко

К 20 июня основные должностные лица, назначенные в управление, прибыли и разместились. Были созданы все необходимые условия для работы.

Определив план первоочередных работ, я, вместе с М.М. Коломийцем, Ю.В. Поляком вылетел на ОРТУ в Мурманск и Ригу. Вместе с ними же работал на создаваемом КП СПРН в Солнечногорске, затем на ЦК КП. На комплексе ПКО работал с Генеральным конструктором А.И. Савиным.

Этот, во многом памятный для меня год, завершился проведением сборов, на которые были приглашены представители Генштаба, ученые 2 НИИ КА и 45 СНИИ, начальники факультетов ВКА и ИТА ПВО, представители Минрадиопрома, Генеральные и Главные конструкторы систем. Мы подвели

итоги уходящего года, определили и уточнили задачи на год следующий. Особую значимость сборам придало выступление двух высших руководителей ВПВО генерал-полковников заместителя Главкома А.Ф. Щеглова и члена Военного Совета И.Ф. Халипова.

1967 год стал годом решительного становления Войск ПРО и ПКО как главного рода ВПВО страны. Сложился умный работоспособный коллектив управления командующего, получивший признание в войсках, в организациях промышленности и строителей. Проверялись практикой основополагающие документы, одобрена перспективная организационно-штатная структура войск. Была упорядочена подготовка офицерских кадров и младших специалистов.

Далее началась сложная работа по вводу в строй новых объектов, их государственные испытания с последующей передачей воинским частям и организацией боевого дежурства.

НЕМНОГО ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРО, А ТАКЖЕ О НЕПРЕОДОЛИМОМ БАРЬЕРЕ ДЛЯ «ПЕРШИНГОВ»

Еще в 1953 году стало известно, что в США разрабатываются и испытываются баллистические ракеты межконтинентальной дальности стрельбы, которые могли стать средством нанесения ядерных ударов по объектам на территории СССР. Семь Маршалов Советского Союза, оценив это обстоятельство, вместе с начальником Генерального штаба В.А. Соколовским в августе 1953 года направили записку в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть возможность создания у нас средств ПРО.

Несмотря на новизну и сложность задачи, скептическое отношение многих видных ученых, за работу взялись создатели системы С-25 во главе с доктором технических наук

Г.В. Кисунько. К 1955 году были подготовлены предложения на полигонный экспериментальный образец ПРО – систему «А».

Тогда же были развернуты работы по созданию полигона Войск ПВО страны вблизи озера Балхаш. В них принимали участие военные строители под руководством А.А. Губенко, организации промышленности и личный состав полигона. К 1961 году наряду с другими объектами было подготовлено все необходимое для натурных испытаний системы «А». Следует особо отметить вклад в это дело начальника полигона генерал-майора артиллерии С.Д. Дорохова.

4 марта 1961 года противоракетой Генерального конструктора П.Д. Грушина, снаряженной осколочной боевой частью, был уничтожен боевой блок баллистической ракеты Р-12, запущенной с полигона Капустин Яр.

В 20-х числах марта группа разработчиков и военных выехала на артиллерийском тягаче в степь в район падения боевого блока, который и был найден разрушенным прямым попаданием. Его обломки были разбросаны по трассе полета на расстоянии 1-2 км друг от друга.

Генеральный конструктор П.Д. Грушин

Заместитель Г.В. Кисунько, М.Г. Миносян доложил ему о результатах поиска. Г.В. Кисунько неожиданно задал вопрос: «Есть у нас спирт?» Получив положительный ответ, сказал: «Можете отметить это событие! Я с вами!».

Насколько потрясающим было это достижение, подтверждает тот факт, что в США безъядерное поражение баллистической ракеты осуществили только спустя 23 года.

На шестой площадке полигона в память об этом событии был поставлен постамент с противоракетой. На нем выбиты четыре строки, экспромтом вырвавшиеся у Г.В. Кисунько тем весенним днем:

«На старте сожжены
тюльпаны,
Чтобы цвели тюльпаны
всей страны».

Наши достижения в области ПРО долгое время замалчивались и не получали должной оценки. Между тем факт уничтожения боевого блока баллистической ракеты, безусловно, был важным событием. Не случайно летом того же года Н.С. Хрущев, выступая на одном из международных форумов, не удержался и сказал, что в Советском Союзе есть умельцы, которые могут в космосе в муху попасть.

Удачный эксперимент позволил уже в июне 1961 года завершить разработку и выпустить эскизный проект боевой системы ПРО «А-35», предназначенной для защиты Москвы. В проекте предусматривалось, что система создается для уничтожения моноблочных баллистических ракет типа «Титан-2», «Минитмэн-2», которые были приняты на вооружение армии США в 1963 и 1965 годах. В составе этой системы предполагалось иметь командный пункт, восемь РЛС, образующих круговое поле дальнего обнаружения, и 32-х стрельбовых комплекса.

Осенью 1962 года состоялась защита эскизного проекта системы «А-35». Председателем комиссии был назначен Командующий войсками Московского округа ПВО генерал-полковник П.Ф. Батицкий.

Заключительное заседание комиссии проходило в бурных дискуссиях. Батицкому это надоело, и он обратился к Г.В. Кисунько: – Ну что, Григорий Васильевич, ты нас не подведешь? Все будет так, как говоришь?

– Конечно, Павел Федорович, клянусь вам, – ответил Г.В. Кисунько.

– Ну, ладно, я тебе верю... А вы все тут, – он повернулся к залу. – помолчите.

С этими словами Батицкий обнял и поцеловал Кисунько.

Однако Батицкий не учел, что еще в декабре 1956 года на Семипалатинском полигоне на основе экспериментов, проведенных в КБ-11 (ныне известном как Арзамас-16) академиком Ю.Б. Харитоном, теперь уже силами офицеров шестого Главного управления Министерства обороны, научных сотрудников Института химической физики АН СССР, разработчиков ракетной техники был осуществлен эксперимент-операция «К». Научным руководителем был крупнейший специалист в области теории ядерных взрывов академик М.А. Садовский, а его заместителем – начальник научно-исследовательского отдела Главного заказывающего управления ПВО страны М.Г. Мымрин.

По результатам операции «К» стало ясно, что осколочная боевая часть противоракеты может быть заменена ядерной, а это существенно увеличивало радиус и эффективность поражения. В связи с этим сокращение количества стрельбовых» комплексов до 16 и уточнение принципов функционирования системы было обосновано в новом эскизном проекте, выпущенном в 1964 году.

На объектах системы на КП, секторных РЛС «Дунай-3» (главный конструктор В.П. Сосульников) и более совершенной «Дунай-3У» (главный конструктор А.Н. Мусатов). На стрельбовых комплексах были развернуты, строительно-монтажные работы, создавалась техническая база для подготовки и содержания противоракет, максимально использовались кольцевые дороги, кабельные направления связи, часть других сооружений системы «С-25». Что было рационально и способствовало сокращению затрат на новую систему вооружения.

Одновременно на полигоне к 1967 году был создан экспериментальный образец системы «А-35» – «Алдан». Так было положено начало реальной боевой работе по перехвату баллистических ракет в целях отработки системы, в дальнейшем – обеспечению боевых стрельб подмосковными частями ПРО.

В.П. Сосульников

Справедливости ради надо сказать, что система «А-35» от начала строительства в 1962 году и до проведения испытаний создавалась 15 лет. В это время опережающими темпами в США велись разработка и испытание баллистических ракет наземного и морского базирования: «Минитмэн-3» «Полярис А-3Т», «Посейдон С-3» с многозарядными головными частями, имеющими от трех до десяти боевых блоков. Поражать такие ракеты, тем более в условиях помех и применения комплекса средств преодоления ПРО (большое количество ложных легких и тяжелых целей, станций активных помех, маскирующих собственно боевые блоки на траектории их полета), система «А-35» была неспособной, что стало очевидно уже к 1951 году. Более того, пусковые установки противоракет «А-35» в этой системе были наземного открытого типа и постоянное содержание на них противоракет,

А.Н. Мусатов

заправленных агрессивными компонентами топлива и снаряженных мощным ядерным зарядом, было просто недопустимо. При аварии или диверсии в густонаселенных районах Подмосковья мог возникнуть опасный очаг поражения и радиационного заражения.

Американцы, учтя все эти обстоятельства, в 1976 году приняли решение снять с боевого дежурства комплекс ПРО «Сейф-гард», созданный на ракетной базе Гранд-Фокс, и частично его демонтировать. Предвижу вопрос: почему же мы не отказались от системы «А-35»? К 1971 году создавались только четыре секторные РЛС типа «Дунай» из восьми и восемь стрельбовых комплексов из шестнадцати. На этих объектах почти в полном объеме были выполнены строительные работы, завершались поставки и монтаж технологического оборудования и начаты испытания. Государственные испытания под руководством Первого заместителя главнокомандующего Войсками ПВО страны генерал-полковника А.Ф. Щеглова были проведены на головном комплексе системы в составе: главного командно-вычислительного центра (в сокращенном виде), одной РЛС «Дунай-3» и трех стрельбовых комплексов. Испытания подтвердили правильность научно-технических решений, обеспечивающих боевое функционирование новой, сложной, полностью автоматизированной системы по поражению моноблочной баллистической ракеты. По баллистическим ракетам с многозарядными боевыми частями система работать не могла. В связи с этим было принято решение, поддержанное военно-промышленной комиссией (ВПК), завершить создание уже начатых объектов: на второй РЛС «Дунай-3У» и на пяти стрельбовых комплексах. Все остальные работы по развертыванию системы полного состава прекращались. По настоянию большинства членов комиссии система была принята только в опытную эксплуатацию

и практически возвращена промышленности для модернизации с задачей поражения сложных баллистических ракет.

Генерал-лейтенант И.Е. Барышпольц

Личный состав под руководством начальника управления ПРО генерал-лейтенанта артиллерии И.Е. Барышпольца при активном участии офицеров моего управления настойчиво осваивал новую боевую технику.

Опыт, приобретенный войсками за период с 1972 по 1977 год в ходе опытной эксплуатации, дал желаемый результат. Новая боевая техника осваивалась успешно, особенно инженерами, многие из которых могли вести диалог с разработчиками на равных, в том числе и при эксплуатации вычислительных машин «5Э-92Б» (главный конструктор В.С. Бурцев) и их программно-алгоритмическом обеспечении.

Главный конструктор В.С. Бурцев

Не могу не сказать о личных заслугах главного инженера войск ПРО генерал-майора А.П. Пенькова. Именно он разработал способ эксплуатации сложной автоматизированной системы вооружения (системы ПРО «А-35») и ее ремонта, а также оргштатную структуру эксплуатационных отделов в службах вооружения соединения и в частях.

В свою очередь начальник отдела боевого применения в управлении соединения полковник А.Г. Кубарев обосновал необходимость создания и структуру отделов боевых алгоритмов и программ. В дальнейшем этот опыт был принят и распространен на все войска ПРО и ПКО.

Вспоминает генерал-майор А.Г. Кубарев:

Кубарев Александр Георгиевич

Р. 11.10.1930.
В 1952 году окончил Высшее Черноморское военно-морское училище им. П.С. Нахимова. В связи с реорганизацией Вооруженных Сил СССР с 1960 года продолжил службу в Московском округе ПВО. Затем в 1964 году в звании майора был назначен в отдел боевых алгоритмов и программ Управления по созданию системы ПРО и ПКО. Кандидат военных наук.
Награжден: орденами «Красная Звезда», «За службу Родине в ВС СССР» III ст. и многими медалями.

...Наши работы по созданию, постановке и несению непрерывного боевого дежурства корпусом противоракетной обороны и служба в управлении командующего войсками противоракетной и противокосмической обороны несли гриф «Совершенно секретно». Поэтому я никаких записей не вел и сейчас остается только восстанавливать некоторые эпизоды службы по памяти. Поэтому вполне возможны некоторые неточности и ошибки.

Обращаясь к истории создания ракетно-космической обороны страны, нельзя не вспомнить о большом вкладе ученых,

конструкторов и разработчиков, талант и напряженный труд которых создал ракетно-космическую оборону страны. Одним из создателей ее был генерал-полковник, Герой Социалистического Труда Юрий Всеволодович Вотинцев. Я был назначен в Управление противоракетной и противокосмической обороны в 1971 г. на должность начальника отдела боевых алгоритмов и программ и прослужил под командованием Ю.В. Вотинцева более 10 лет, до 1982 года.

Юрий Всеволодович Вотинцев родился в 1919 году. О семье и предках он практически никогда не рассказывал. Дед и прадед были атаманами Семиреченского казацкого войска. Его отец, Всеволод Дмитриевич Вотинцев, стал революционером был председателем Ташкентского совета, председателем ЦИК Советов Туркестанской Советской Республики. В январе 1919 года он погиб в числе 14 Туркестанских комиссаров от рук белогвардейцев. После его гибели жена с маленьким сыном была вынуждена выехать из Ташкента в Петроград, где вырос и выучился на артиллериста Юрий Всеволодович. Перед войной и в начале Великой Отечественной Войны он преподавал в военных училищах, потом воевал на нескольких фронтах, получил тяжелую контузию. В послевоенные годы служил на различных должностях в армии и войсках ПВО, после окончания Академии Генерального Штаба в 1955 г. – командир Отдельного корпуса ПВО.

К июню 1967 года новейшие системы предупреждения о ракетном нападении были поставлены на непрерывное боевое дежурство. В середине июня 1967 года было создано Управление противоракетной и противокосмической обороны. Командующим войсками ПРО и ПКО в 1967 году был назначен генерал-лейтенант Юрий Всеволодович Вотинцев. Я познакомился с ним на сборе руководящего состава 1-ой Отдельной дивизии (впоследствии армии) предупреждения о ракетном нападении (ПРН) Центра контроля

космического пространства (ЦККП) на базе 12 учебного центра (вблизи пос. Кубинка) в ноябре 1967 г.

Командир корпуса ПРО генерал-лейтенант Иван Ефимович Барышполец приказал присутствовать на сборах и мне, начальнику отдела боевых алгоритмов и программ. В один из дней сборов генерал-лейтенант Ю.В. Вотинцев провел встречу с командованием корпуса, на которой заслушал доклады о состоянии корпуса, выполняемых задачах по несению непрерывного боевого дежурства. После доклада Барышпольца Вотинцеву, Юрий Всеволодович задавал нам подробные вопросы об особенностях работы подразделения, внимательно разбирался во всех существенных деталях, быстро вникал в суть нашей работы.

Совместно с Ю.В. Вотинцевым я неоднократно выезжал на Балхашский полигон на боевые стрельбы противоракетных частей корпуса ПРО. Он всегда детально разбирался в ключевых моментах работы, особенностях техники и ее возможностях. Внимательно разбирал с нами итоги испытаний и ставил новые задачи.

Служить под командованием Юрия Всеволодовича было очень непросто, так как он не признавал неконкретных, необоснованных докладов. Он был очень принципиальным и, не стесняясь, отстаивал свои убеждения на всех уровнях, включая самое высшее начальство. Каждый рабочий день начинался с доклада старших офицеров штаба и боевой подготовки по направлениям о состоянии дел на данный момент. Внимательно слушал, делая замечания, никогда не повышая голос. Спокойно, но твердо указывал и корректировал ошибки и недочеты. Очень уважительно относится к офицерам Управления, поддерживая слаженную работу в атмосфере взаимного доверия и ответственности.

Юрий Всеволодович обращал особое внимание на условия жизни офицеров и быта семей офицеров и генералов

Управления. В том числе и моей семье он помог получить квартиру, что в то время было очень сложно сделать.

Уже впоследствии, в своих очерках и воспоминаниях, Ю.В. Вотинцев никогда не забывал о соратниках и коллегах, отмечал их высокий вклад в разработки и совершенствование систем вооружения. Так, он указывал что в работе по созданию и эксплуатации системы ПРО А-35 и в разработке системы А-135 участвовала большая группа командиров, политработников, офицеров штабов и инженеров, в частности И.Е. Барышполец, Н.И. Родионов, Н.Н. Ефимов, Н.Г. Завалий, А.Г. Кубарев, Ю.В. Соколов и др., которые вошли в историю войск ПРО и ПКО как первопроходцы в создании новейших видов боевой техники и вооружений ■

В 1973 году Генеральный конструктор Г.В. Кисунько в технической записке обосновал основные научно-технические решения по модернизации системы для выполнения задачи поражения сложной баллистической ракеты.

Вспоминаю, как летом 1975 года, когда мы с Григорием Васильевичем на главном командно-вычислительном центре анализировали результаты функционирования боевой программы по поражению сложной баллистической ракеты при различных вариантах ее запуска, раздался звонок по «кремлевке». Оперативный дежурный доложил, что звонит министр радиопромышленности П.С. Плешаков и просит к аппарату генерального конструктора. Григорий Васильевич сказал мне: «Наконец-то министр вспомнил о системе и, наверное, поможет». К телефону он шел улыбаясь, но я видел, как по ходу разговора его лицо начало мрачнеть.

Министр объявил Кисунько, что подписал приказ об освобождении его от должности и обязанностей Генерального конструктора. На возражение Кисунько, что он утвержден ЦК КПСС и Плешаков превысил свои права, министр ответил,

что с ЦК этот вопрос согласован. Действительно, согласие, практически без оснований, было дано заведующим оборонным отделом И.Д. Сербиным, партаппаратчиком с большим стажем, человеком непорядочным, типичным конъюнктурщиком.

Вспоминает ветеран войск противовоздушной и противоракетной обороны полковник Г.И. Трошин:

Трошин Георгий Иванович

Р. 03.10.1927.
Участник Великой Отечественно войны, доктор технических наук, профессор, Почетный радист СССР, Изобретатель СССР, Член Союза писателей России, Ветеран противовоздушной и противоракетной обороны страны.
Награжден медалями: «За боевые заслуги», «Имени К.Э. Циолковского», «Имени С.П. Королева», «Имени М.К. Янгеля», «Серебряной медалью ВДНХ СССР», Почётным знаком «Отличник погранвойск I-ой степени», «Литературной премией».
Автор книги «Кисунько».

...Постоянные возражения Г.В. Кисунько против политики Министерства радиопромышленности, упрощенных решений в области ПРО СССР своих коллег, большей частью из ближайшего окружения А.Л. Минца и А.А. Расплетина, даже несмотря на справедливость этих возражений, еще больше подогревали стремление избавиться от него, отстранить от активного участия в разработке систем и средств противоракетной обороны. Однако отстранить его от работы приказом начальника управления, даже Министра радиопромышленности, как было упомянуто выше, было невозможно, так как Генеральным

конструктором и директором СКБ-30 он был назначен Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР. Поэтому изыскивались и изобретались другие способы снижения его положения, а также роли и значения в общественном мнении коллектива разработчиков, руководства заказывающих организаций и курирующих отделов ЦК КПСС.

В 1964 году в связи с уходом Ф.В. Лукина освободилась вакансия на должность директора НИИ-37 (НИИДАР) – головного института по разработке радиолокаторов дальнего обнаружения целей для ПРО. Г.В. Кисунько и В.П. Сосульников (главный конструктор РЛС ДО) вышли с предложением к руководству Минрадиопрома о создании научно-производственного объединения, головного по ПРО в составе ОКБ-30 (СКБ-30) и НИИ-37 с их опытно-производственными базами. Целесообразность такого мероприятия обосновывалась тем, что разработка всех радиолокационных средств ПРО, – как РЛС обнаружения, так и стрельбовых РЛС, – сосредотачивалось бы в единой организации, с обеспечением наивысшей степени оптимизации этих средств как взаимодействующих элементов в единой системе. Это было бы логичным закреплением и развитием опыта взаимодополняемости в совместной работе, накопленного при создании «Системы «А», в недрах которой и родились тяготеющие к объединению организации. Однако руководство Минрадиопрома ответило на это предложение тем, что назначило на должность директора НИИ-37 (НИИДАР) Владимира Ивановича Маркова – бывшего начальника тематической лаборатории КБ-1 по координации работ по созданию системы С-25, то есть человека из команды А.А. Расплетина – А.Л. Минца и давнего друга В.Д. Калмыкова. Первыми шагами В.И. Маркова явилось замусоривание тематики института тупиковыми разработками в ущерб сложившемуся развитию научно-технического потенциала в области создания первоклассных РЛС дециметрового

диапазона. Этими разработками были рассмотренные выше работы по «Программе-2», загоризонтной радиолокации, лазерному, радио лучевому оружию и двухэшелонной ПРО с ядерными противоракетами. Г.В. Кисунько приходилось отвлекаться от своей главной тематики, выступать с критикой и, в конечном итоге, обращаться с письмами к руководству страны. По инициативе Министра радиопромышленности В.Д. Калмыкова, зав. отделом ЦК КПСС И.Д. Сербиным и зампредседателя ВПК Л.И. Горшковым организовывались прямые конфликты Г.В. Кисунько с зам министра МРП В.А. Шаршвиным, начальником главка МРП В.Н. Кузьминым и директором завода «Мосприбор» И.З. Соколовым, которые в действительности оказывали работам Г.В. Кисунько реальную действенную помощь. Г.В. Кисунько глубоко возмущала эта травля, сильно выбивала его из рабочей колеи и, после одного из посещений поликлиники, он был немедленно госпитализирован. У него оказалась «плохая кардиограмма». Через несколько дней уже в больнице Григорий Васильевич узнал, что вместо В.А. Шаршавина заместителем Министра радиопромышленности назначен В.И. Марков, и ему поручено подготовить проект нового Постановления ЦК КПСС и СМ СССР по ПРО. Смею заметить, что В.Д. Калмыков (автор вместе с А.А. Расплетиным доноса Л.П. Берии на Г.В. Кисунько в 1952 г.) не забыл своего отношения к Григорию Васильевичу, хотя и прошло более 16 лет. Получив такие назначение, поручение, и, очевидно, наставление В.Д. Калмыкова как преподнести эту новость Г.В. Кисунько, В.И. Марков зачастил к нему в больницу с тем, чтобы обсудить подготовленные им (Марковым) предложения к проекту Постановления ЦК КПСС и СМ СССР по ПРО. Главным в них было создание в ОКБ-30 научно-тематического центра, назначение его начальником и одновременно заместителем Генерального конструктора А.Г. Басистова. Что касается самого Г.В. Кисунько, то ему предлагалось «добровольно» сложить

с себя полномочия начальника ОКБ-30 и передать их специально назначенному директору. При чем все эти предложения подавались как «помощь» лично Г.В. Кисунько, в целях освобождения его от административных обязанностей и обеспечения ему возможностей «сосредоточиться непосредственно на научно-технических вопросах ПРО». Григорий Васильевич отверг оба предложения, мотивируя это тем, что: во-первых, его вполне устраивают те заместители, с которыми он работает по сей день («в том числе с заместителем генерального конструктора и начальником научно-тематического центра (СБ-30) Я.А. Елизаренковым»). Во-вторых, получив себе директора во главе ОКБ-30, он (Г.В. Кисунько) тут же окажется в роли просителя в вопросах кадрового, административного и хозяйственного обеспечения работ, за которые он ответственен перед назначившими его ЦК КПСС и СМ СССР. Эти ответы Григория Васильевича сделали излишними предложения В.И. Маркова и вскрыли их завуалированный смысл, так как из них прямо следовал обрыв всех реальных действенных связей Г.В. Кисунько с рабочим коллективом его же ОКБ-30, с тем, чтобы в итоге убрать его как Генерального конструктора.

К 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции Григорию Васильевичу Кисунько Советом министров СССР, по представлению Д.Ф. Устинова, было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

После неудачи В.И. Маркова убедить Г.В. Кисунько в добровольном сложении с себя полномочий начальника ОКБ-30, в действие вступили вышестоящие силы: заведующий отделом ЦК КПСС И.Д. Сербин, министр радиопромышленности В.Д. Калмыков и зам. председателя военно-промышленной комиссии Л.И. Горшков. Вначале они тоже стали говорить о помощи, заботе, здоровье Григория Васильевича, но, получив отказ, перешли на язык ультиматума. И.Д. Сербин сказал: «Тогда вот что я тебе скажу, Григорий Васильевич:

продолжать тянуть эту резину мы тебе не позволим. Все наши предложения одобрены Д.Ф. Устиновым, а тебе лишь предоставляется право назвать кандидатуру директора ОКБ-30, который заменит тебя в этой должности».

20 мая 1968 года вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР с перечисленными выше предложениями и назначением наряду с существующими заместителями первым заместителем Г.В. Кисунько И.Д. Омельченко, которые и без этого согласно приказу Министра радиопромышленности занимали эти должности. Единственная разница заключалась в том, что теперь заместители Г.В. Кисунько были назначены на уровне ЦК КПСС с явным умыслом их фактической независимости от Генерального конструктора. После своей выписки из больницы Г.В. Кисунько предложил на должность директора ОКБ-30 Н.А. Сидорова с сохранением за ним обязанностей заместителя Генерального конструктора по координации связей ОКБ-30 с заводами – смежниками, которую он выполнял и ранее, будучи главным инженером ОКБ.

В ходе реализации организационных мероприятий В.И. Маркова и его руководителей Г.В. Кисунько удалось вести успешную борьбу против проведения абсурднейших, разрушительных для страны, тупиковых работ по тематике ПРО и СПРН.

Перед новым 1970 годом замминистра В.И. Марков собрал руководящий состав Минрадиопрома и объявил, что, согласно приказу Министра радиопромышленности В.Д. Калмыкова, создается Центральное научно-производственное объединение (ЦНПО) «Вымпел» с филиалами: Радиотехнический институт (директор А.Л. Минц), НИИДАР (и.о. директора Ф.А. Кузьминский), КБ радиоприборов (директор Г.Г. Бубнов), Днепропетровский радиозавод (директор Л.Н. Стромцов). Головная организация ЦНПО – научно-тематический центр (НТЦ). Он – В.И. Марков назначается Генеральным директором

ЦНПО и начальником НТЦ, Г.В. Кисунько – заместителем Генерального директора по научной работе.

Внешне опять все выглядело весьма солидно и благопристойно. Имя «Вымпел» ЦНПО взяло от кисуньковского ОКБ-30, НТЦ ОКБ-30 поднят до статуса головного предприятия, а сам Г.В. Кисунько до уровня первого лица после Генерального директора. В действительности же В.Д. Калмыков и В.И. Марков повторили известный прием – «ударную возгонку», когда неугодного им человека (в данном случае сильного соперника), которого не имеют возможности уволить, перемещают на более высокую, в общественном мнении, а на самом деле бутафорскую, административную должность, отстраняя его от непосредственного участия в производственном процессе. Оценивая решение В.Д. Калмыкова и В.И. Маркова о своем новом назначении, Г.В. Кисунько пишет: «Постановление от 20 мая, назначение Маркова заместителем министра и фактическое отстранение меня от рычагов управления научными разработками – все это было лишь началом четкой, далеко вперед продуманной акции, имевшей целью разрушение ранее заложенной мною структуры научно-технического руководства в области ПРО». И вскоре после объявления приказа о создании ЦНПО В.И. Марков инициировал приказ министра МРП В.Д. Калмыкова о назначении его (Маркова) техническим руководителем ЦНПО «Вымпел», и, тем самым, занял четыре ключевых должности: заместителя министра, директора ЦНПО, начальника НТЦ ЦНПО и технического руководителя ЦНПО. Помимо этого должностного множества В.И. Марков распространял устойчивые слухи о том, что его поддерживают высокие покровители вплоть до членов Политбюро ЦК КПСС. Пользуясь такой обстановкой, он по своему усмотрению разделял, упразднял и вновь создавал главные управления Министерства, кого хотел – выводил в генералы,

а кого за ворота предприятия увольнял без всяких объяснений. Не упускал возможности продемонстрировать свое покровительство сговорчивым подчинённым: он мог запросто прямо на юбилейном застолье достать из кармана орден Октябрьской революции или орден Ленина и тут же вручить его юбиляру. С привлечением верноподданнической команды ученых В.И. Марков подбирал и убирал людей в секциях и самом научно-техническом совете ЦНПО. Это давало ему возможность штамповать любое нужное решение, которое затем становилось основой для составления директивных документов вышестоящих органов. Поскольку эти решения, к сожалению, содержали бесперспективные научно-технические идеи, то Г.В. Кисунько писал на них особые мнения и, в конце концов, подал заявление о сложении с себя должности заместителя по научной работе директора ЦНПО «Вымпел».

Большинство кадровых специалистов, сформировавшихся на пионерских работах бывшего ОКБ-30, было весьма недовольно этими «Марковскими процессами», и возникла угроза, что на следующих выборах партбюро, на районную партконференцию и на съезд КПСС В.И. Марков не пройдет. Однако за счет жесткого контроля за выборами с помощью секретаря Ленинградского райкома Репникова В.И. Марков был делегатом 23–его и последующих съездов КПСС.

Продолжая борьбу против Г.В. Кисунько, В.И. Марков и его сообщники не гнушались прямых провокаций лично против Григория Васильевича. Г.В. Кисунько приводит два таких примера. Первый пример. Оказалось, что без его ведома ЦНПО «Вымпел» стал выдавать заказы на изготовление антенн для РЛС «Неман» на заводы Министерства авиационной промышленности с пояснением, что «Это по заданию Генерального конструктора Кисунько». Эта провокация была вдвойне болезненна для Григория Васильевича. «Неман» это

та же «Программа-2», работы по которой в силу их контрпродуктивности были забракованы самим Г.В. Кисунько, как Генеральным конструктором ПРО, и об этом было широко известно. Вместе с этим по кремлевской связи последовал звонок от А.Н. Туполева с жестким предупреждением не захватывать заводы Минавиапрома и угрозой жалобы А.Н. Косыгину на пиратские действия Г.В. Кисунько. Всем этим Г.В. Кисунько выставлялся как беспринципный соглашатель и хищный захватчик чужих производств, что естественно на некоторое время до последовавшего опровержения наносило огромный вред авторитету и особенно здоровью Григория Васильевича.

Второй пример. В ученом совете Московского авиационного института на защите докторской диссертации секретаря парткома ЦНПО «Вымпел» В.В. Сычева выступает В.И. Марков и специально подчеркивает, что диссертант – «Один из ведущих сподвижников и учеников нашего Генерального конструктора Григория Васильевича Кисунько». В последствии в диссертации было обнаружено заимствование из чужих работ без ссылок на авторов, по сути, прямой плагиат. Григорий Васильевич обратился к академику В.П. Мишину с вопросом о его впечатлении о диссертационной работе по результатам защиты. В.П. Мишин ответил, что у него были серьезные сомнения, но он проголосовал «за», учитывая ссылку на фамилию Кисунько. Этим Г.В. Кисунько разоблачался как нечистоплотный педагог, поощряющий плагиат своего ученика. Еще удар по здоровью и авторитету Г.В. Кисунько.

Однако, эти удары не поколебали позиции Г.В. Кисунько как в отношении В.И Маркова, В.Д. Калмыкова, их команды, так и предлагавшихся ими проектов якобы в интересах ПРО.

Несмотря на все выпады со стороны руководителей Министерства и ЦНПО, Г.В. Кисунько продолжал активно

и продуктивно работать над созданием системы А-35 и ее полигонного комплекса «Алдан» как их Генеральный конструктор. В 1968 году по окончании строительства полигонного комплекса «Алдан» прошли первые испытательные работы. В июне 1970 года были завершены государственные испытания этого комплекса. 9 июня этого же года в присутствии государственной комиссии боевые расчеты системы провели в режиме «боевого дежурства» по общей программе системы «А-35» успешный перехват головной части и корпуса баллистической ракеты. Столь значительный успех СССР в создании современной ПРО вынудил США искать возможности для заключения Договора по ограничению противоракетной обороны. В июне 1971 года головной стрельбовый комплекс «Енисей» системы «А-35» был принят в эксплуатацию. В январе 1972 года были удачно завершены государственные испытания других боевых комплексов «Тобол» системы «А-35». В период боевого дежурства боевые расчеты системы с выездом на полигон провели более 25-ти успешных пусков с перехватом и уничтожением боеголовок и корпусов баллистических ракет. Система ПРО Москвы «А-35» двумя очередями в 1972 и в 1974 году была принята в эксплуатацию. В это время из рекламных сообщений военно-обзорной информации 8-ого Управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР стало известно о начале работ в США по созданию межконтинентальных баллистических ракет («Минитмен-3» и «Поларис А-3») с многозарядными боевыми частями: на одной ракете планируется разместить от 3-х до 10-ти боевых блоков с ядерными зарядами. Их полет в направлении цели будет сопровождаться большим количеством легких и тяжелых ложных целей. В состав такой «сложной баллистической цели» (СБЦ) будут входить устройства (блоки) для постановки радиопомех радиолокаторам ПРО. Задача ПРО резко усложнилась. Возникла острая необходимость

модернизации боевых средств «А-35» в ходе дальнейших работ по этой системе, не ожидая их окончания. Знаний и опыта Г.В. Кисунько вполне хватило на разработку технических предложений по модернизации системы «А-35». На Совете обороны СССР им было сделано два доклада: «О состоянии работ по системе «А-35»» и «О путях ее модернизации в связи с появлением новых целей (СБЦ)». На основании «Инженерной записки», составленной Г.В. Кисунько с сотрудниками, было принято Постановление ЦК КПСС и СМ СССР №376–119 от 10 июня 1971 года о разработке: эскизного проекта – 1973 год, тактико-технических требований на систему «А-35М» – май 1973 года, о проведении научно-экспериментальной отработки системы на полигоне (с включением ЭВМ ГКВЦ) в целях уточнения технических решений для внедрения в систему при ее модернизации «А-35М» – 1974 год.

В течение всего этого времени В.И. Марков не оставлял своим вниманием Г.В. Кисунько и не упускал случая, чтобы заявить о своем намерении поручить работу по системе «А-35» другому человеку, устранив Григория Васильевича как Генерального конструктора. Летом 1971 года В.И. Марков в присутствии своего зама Заволокина заявил Г.В. Кисунько:

– Сейчас Вам самый удобный момент уйти по-хорошему из ЦНПО с сохранением всех чинов и регалий, – например, главным конструктором в ЦКБ «Луч». В противном случае Ваш авторитет в ЦНПО будет падать и Вам все равно придется уйти, но уже не по-хорошему, а по-плохому.

Григорий Васильевич ответил категорическим отказом не только потому, что он отлично представлял себе тупиковость разработки лазерного оружия в ЦКБ «Луч», но главным образом потому, что он вообще не мог бросить работы по системе «А-35» и «А-35М». Как он говорил в подобных ситуациях словами варяжского гостя из оперы «Садко»: «Мы в море родились – умрем на море!». Читатель вполне мог

убедиться в справедливости решения Григория Васильевича, так как выше были подробно рассмотрены все громкие, якобы дающие быстрый эффект, но абсолютно непродуктивные направления разработки оружия и средств ПРО. Осенью 1972 года В.И. Марков спровоцировал заявление сотрудников ЦНПО И.Д. Омельченко и В.Н. Пугачева на имя самого В.И. Маркова с предложением «упрощенной» модернизации системы «А-35», в обход Г.В. Кисунько, как ее Генерального конструктора. Однако упрощенный вариант не прошел. В 1973 году по инициативе и под руководством Г.В. Кисунько ведущими специалистами Н.К. Остапенко, П.П. Гараевым, Б.М. Шауловым, И Д. Яструбом, И.А. Гусевым и Л.Г. Хватовым была разработана и представлена Инженерная записка «О принципах и путях модернизации системы «А-35» с задачей обеспечения борьбы с многозарядными баллистическими целями системой ПРО Москвы – системой «А-35М».

В.И. Марков не упускал случая, уже в открытую заявлять о своем намерении поручить работы по системе «А-35» «другому лицу», устранив ее Генерального конструктора. В марте 1972 года на совещании у заместителя председателя военно-промышленной комиссии Л.И. Горшкова В.И. Марков заявил, что модернизацию системы «А-35» ЦНПО проведет в заданные сроки выделенными для этого силами и без Генерального конструктора, причем без него даже быстрее и лучше. Это было объявлено на совещании в присутствии представителей многих Министерств, а председательствующий Л.И. Горшков оставил это заявление без комментариев, так как оно соответствовало их (с Марковым) прежней договоренности.

Научно-экспериментальные работы в целях создания задела для модернизационных доработок системы «А-35» проводились коллективом ОКБ-30 под руководством и при участии Г.В. Кисунько одновременно с испытаниями системы и сдачей ее для работы по парной цели. Г.В. Кисунько удалось

довести работы по модернизации до уровня, требуемого для предъявления ее полигонного варианта «Алдан» на совместные испытания, и он 17 сентября 1974 года представил руководству ЦНПО предъявительскую записку для ее направления военному заказчику. Однако вместо этого руководство ЦНПО подготовило письмо за подписью Министра радиопромышленности П.С. Плешакова в адрес Главнокомандующего войсками ПВО страны с предложением прекратить работы по модернизации системы «А-35», которое он (Плешаков) подписал и 31 декабря 1974 года отправил Главнокомандующему. Этим действием руководство ЦНПО и Министерства радиопромышленности приняли кощунственное, вредоносное решение – нанести серьезный ущерб обороноспособности СССР в области ПРО только ради того, чтобы отстранить от работы инициатора и руководителя ее усовершенствования, модернизации, не пришедшегося к их команде. Оказавшись перед фактом прямого административного удушения модернизации «А-35», да еще на министерском уровне, Г.В. Кисунько написал письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, который это письмо переадресовал Министру обороны А.А. Гречко и секретарю ЦК КПСС Д.Ф. Устинову. В итоге решением Министра радиопромышленности издается приказ об образовании НТЦ НИО-4, начальником которого назначается Г.В. Кисунько и на него возлагается ответственность за проведение доработок средств и системы «А-35» в установленном объеме и в заданные сроки.

25 апреля 1975 года состоялось заседание парткома ЦНПО, на котором Г.В. Кисунько был вынесен выговор без занесения в учетную карточку «За низкий уровень руководства работами по системе «А-35» и игнорирование мнений научно-технической общественности». Через некоторое время вновь состоялось заседание парткома предприятия с повесткой дня «О ходе дела с модернизацией «А-35». Подавляющее

число подготовленных выступантов обвинили Г.В. Кисунько за его особое мнение по ряду вопросов, не совпадающее с мнением большинства, якобы мешающее созданию новых средств. А главное в том, как он посмел обратиться к Леониду Ильичу, и ему самому надо уйти от руководства работами по модернизации. Лишь один человек Н.В. Миронов буквально выкрикнул свое выступление: «Собрались обсудить, что делать по модернизации «А-35», а вместо этого обсуждаем, как снять Генерального конструктора. Постановление о снятии Кисунько в ПРО будет иметь тяжелые последствия для нашего государства». Но его речь заглушил хор хорошо подготовленных выступантов, и было принято решение рекомендовать руководству «отстранить от должности Генерального конструктора и от тематики ЦНПО Григория Васильевича Кисунько».

Используя эту рекомендацию, В.И. Марков подготовил письмо в три адреса: в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Министерство радиопромышленности об отстранении Г.В. Кисунько от должности Генерального конструктора, тематики ЦНПО, собрал в своем кабинете всех директоров предприятий, входящих в объединение и предложил им подписать это письмо. Директор Днепропетровского радиозавода Л.Н. Стромцов с возмущением сказал:

– Отказываюсь подписывать эту кляузу, и считаю, что каждый, кто ее подпишет, должен быть строго наказан в служебном и партийном порядке. Л.Н. Стромцова поддержал Г.Г. Бубнов директор и главный конструктор КБ радиоприборов. (Автор имел честь быть знакомым с Г.Г. Бубновым, и у него осталась светлая память об этом человеке, как о великолепном специалисте, прекрасном организаторе и внимательном, чутком, заботливом руководителе, умеющем слушать и слышать то, что ему говорят, и принимать справедливые решения.) В.И. Маркова не смутили выступления

Л.Н. Стромцова и Г.Г. Бубнова, и он предложил подписать письмо А.Г. Басистову и В.Н. Пугачеву – двум докторам наук, сказав при этом, что его подпись в этом случае не обязательна. Так коллективная кляуза, спровоцированная В.И. Марковым, ушла по трем высоким адресам.

Не подозревая о запущенной против него кляузе, Г.В. Кисунько полностью ушел в дела, связанные с модернизацией системы «А-35». Во время планёрки на ГКВЦ дежурный офицер передал ему указание срочно позвонить по ВЧ-связи Министру радиопромышленности П.С. Плешакову. Г.В. Кисунько прервал совещание и сказал, что оно будет продолжено после его возвращения из Москвы.

В Москве П.С. Плешаков начал разговор с Г.В. Кисунько, что называется, с ходу:

– Тут такое дело Григорий Васильевич, что я должен подписать приказ о твоем переводе из ЦНПО «Вымпел». Вот давай посоображаем – куда? Есть три варианта: первый – директор министерских курсов повышения квалификации, второй – ученый секретарь НТС МРП, третий – научный руководитель Центрального НИИ радиоэлектронных систем.

На что Г.В. Кисунько ответил:

– Но я ведь назначен Генеральным конструктором постановлением ЦК И Совмина, и смещать меня министерство неправомочно.

– Григорий Васильевич, мы здесь в министерстве хорошо понимаем пределы своих полномочий. И предлагаем тебе не второстепенные варианты.

Григорий Васильевич попросил дать ему время подумать и добавил:

– Да и Вам стоит подумать еще раз: надо ли форсировать мой уход из «Вымпела», хотя бы до сдачи военным модернизации «А-35»? Все же я ее Генеральный конструктор и главный среди авторов изобретения.

П.С. Плешаков почему-то подумал, что Г.В. Кисунько хлопочет о своей награде после окончания модернизации, и ему (Плешакову) невдомек, что в действительности Григорий Васильевич беспокоится о качественном окончании работ. И он (Плешаков) ответил в своем духе:

– За систему не беспокойся: сдадим, а если выпадет за нее «сено-солома», тебя, конечно, не забудем. (Мелочь, но, к слову сказать, П.С. Плешаков своего обещания не выполнил. Как потом стало известно, у него был свой вариант программы противоракетной обороны страны и он, не говоря об этом Г.В. Кисунько, видимо, серьезно опасался конкуренции с ним, в том случае, если Г.В. Кисунько останется Генеральным конструктором в составе ЦНПО «Вымпел».)

С сентября 1974 года по май 1975 года в соответствии с межведомственным решением трех министерств (МРП, МОМ, МОП), Главнокомандующего ракетными войсками и Главнокомандующего войсками ПВО страны Г.В. Кисунько работал техническим руководителем полигонных работ в интересах этих ведомств, продолжая следить и оказывать помощь в процессе модернизации системы «А-35».

Приказом Министра радиопромышленности П.С. Плешаковым 13 августа 1975 года Г.В. Кисунько был переведен из ЦНПО «Вымпел» в Центральный НИИ радиоэлектронных систем на должность заместителя директора по научной работе. Работы по модернизации продолжались. Их проводили специалисты из ОКБ-30, консультируясь с Г.В. Кисунько. С большим удовольствием Григорий Васильевич называет некоторых из них: В.И. Закамского, Е. Баршая, В. Рипного. Они спасли модернизацию системы «А-35», работая над ней в соответствии с научно-техническими предложениями, изложенными в «Инженерной записке», разработанной под руководством Г.В. Кисунько.

До 1977 года на объектах системы «А-35» проводились отладочно-испытательные работы по внедрению технических решений в целях ее модернизации. В конце 1977 года система «А-35М» согласно Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР №1134-368 от 18 декабря того же года была принята на вооружение Советской армии. В завершённом виде система «А-35М» имела следующий состав:

– Главный командно-вычислительный центр с ЭВМ 5Э92Б;

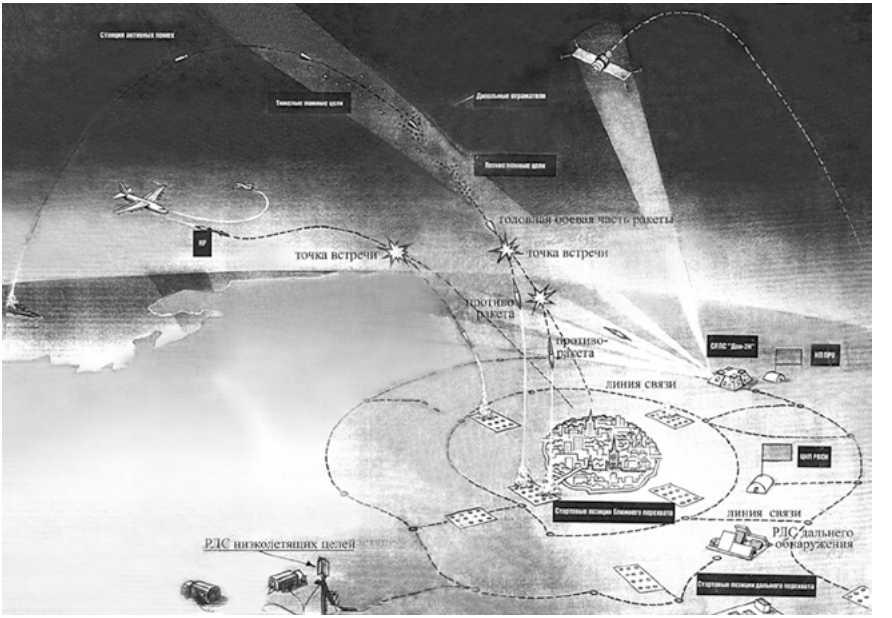
– Радиолокационная станция дальнего обнаружения «Дунай-3УП» дециметрового диапазона;

– 8 стрельбовых комплексов с радиолокатором точного наведения, четырьмя пусковыми установками противоракет А-350, двумя радиолокационными станциями вывода противоракет на траекторию встречи с целью и передачи на их борт команд управления полетом и подрыва боевой части, в каждом комплексе;

– Система связи и передачи данных «Кабель» (в последующем 5Ц53).

В системе «А-35М» сохранялись: принцип «трех дальностей», состав радиотехнических средств. В дальнейшем трех станционный принцип «трех дальностей» был заменен одностанционным с другого типа антенной, со снижением точности наведения за счет увеличения мощности ядерного заряда. Противоракета А-350 (5В61) была выполнена по двухступенчатой схеме с твердотопливным ускорителем (4 РДТТ в связке) и управляемой второй ступенью с двумя жидкостными ракетными двигателями: маршевым – с неподвижным сопловым блоком, и управления – с отклоняющимися сопловыми блоками. Так как работа противоракеты производится в заатмосферной зоне, то ее скорость по отношению к скорости противоракеты В-1000 была увеличена в несколько раз, зона действия по высоте и дальности была увеличена в 20 раз. Вместо осколочно-фугасной боевой

части применена ядерная боевая часть. Боевой алгоритм ЭВМ системы «А-35М» впервые обеспечивал полностью автоматизированное централизованное боевое управление. Система «А-35М» обеспечивала перехват сложной многоэлементной цели, содержащей кроме боевых блоков также легкие и тяжелые ложные цели.



Общая схема системы ПРО «А-35» совместно с системами защиты от крылатых ракет, пущенных с самолета-носителя, и от низко летящих ракет

Однако она была еще не способна осуществлять перехват баллистических ракет, оснащенных многими разделяющимися головными частями и средствами преодоления ПРО. Несмотря на этот недостаток, первая боевая система ПРО «А-35М» была наивысшим достижением научно-технической мысли советских ученых, инженеров, конструкторов.

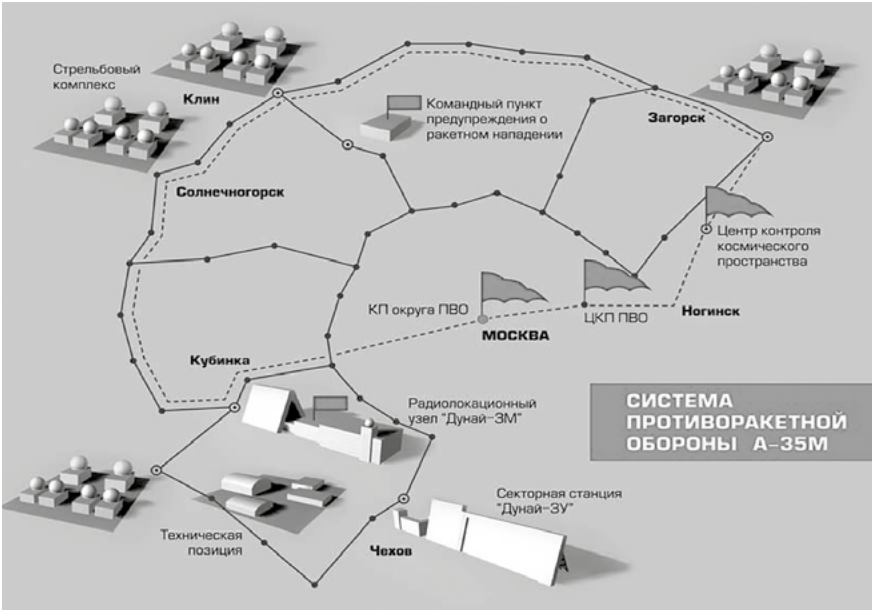
Степень ее автоматизации была высочайшей в мире и сопоставима лишь с уровнем автоматизации лунного проекта США «Сатурн-Аполлон». Система «А-35М» и «Сатурн-Аполлон» были наиболее совершенными сложными автоматизированными системами XX века. Душой, мозговым центром, генеральным организатором разработки системы «А-35» и ее модернизации был Григорий Васильевич Кисунько. Ему принадлежал замысел системы и ее технического облика, и он же осуществлял оперативное руководство разработкой. Система «А-35М» обеспечивала защиту Москвы и Московского промышленного района вплоть до ее замены системой «А-135» в 1995 году, которая несет боевое дежурство и в настоящее время.

Создание системы ПРО «А-35» и ее модернизация «А-35М» не только обеспечили наш паритет с США в борьбе за ограничение уровня стратегических вооружений в мире, но и не дали агрессивным силам в мире распространить гонку вооружений в космос.

Система «А-35» и ее модернизация «А-35М» послужили базой для создания системы ПРО Москвы и Московского промышленного района «А-135», что поддержало наш приоритет в области ПРО и тем способствовало сохранению стратегической стабильности в мире ■

Так в расцвете таланта и незаурядных организаторских способностей, в результате интриг в Минрадиопроме буквально на взлете был выведен из строя выдающийся и одаренный конструктор. В дальнейшем завершением работ по модернизации руководил главный конструктор И.Д. Омельченко.

В мае 1977 года на Государственные испытания была предъявлена система ПРО «А-35М».



Эта система стала вооружением отдельного корпуса, которым командовал генерал-майор Н.И. Родионов. Тщательная подготовка позволила провести испытания в течение месяца и получить положительные результаты. Система ПРО «А-35М» теперь была способна с определенными ограничениями поражать сложные баллистические ракеты, а время на подготовку и доставку противоракет с технической базы на открытые, наземного типа стартовые позиции в кризисной ситуации было существенно сокращено.

Система ПРО «А-35М» была принята на вооружение и поставлена на боевое дежурство в 1978 году. Противоракеты заправлялись компонентами топлива и снаряжались боевой частью только на технической базе. На стартовых позициях были установлены электровесовые макеты.

Отрывок из книги Н.И. Родионова «40 лет на контроле космоса»:

Родионов Николай Иванович

(1930-2014)

Окончил зенитно-артиллерийское училище в 1953 году. Военную Командную академию ПВО в 1965 г. 1985 Военную академию ГШ. После окончания Командной академии проходил службу в войсках ПРО. 1978 году был назначен командиром отдельного корпуса ПРО. Командовал корпусом два года. С 1980 по 1988 г. – Командующий 3 ОА ПРН ОН. Награжден двумя орденами и 15 медалями СССР.

...С 15 августа по 21 октября 1977 года под председательством генерал-полковника Ю.В. Вотинцева были проведены Государственные испытания системы с целью проверки боевых возможностей и основных тактико-технических характеристик системы «А-35М» и ее средств и объема выполненных доработок. Комиссия пришла к выводу о возможности принятия системы «А-35М» на вооружение и постановке ее на боевое дежурство. Если раньше задачей каждого (стрельбового комплекса был перехват назначенной ему парной цели (головная часть и корпус БР), то теперь все комплексы централизованно управлялись с Г КВЦ-2 и решали одну общую задачу перехвата сложной многоэлементной цели. Одновременно было расширено поле действия системы дальнего обнаружения за счет ввода в систему «А-35» новых РЛС ■

В 1979 году стало известно, что США предусматривают в 1983-1985 гг. разместить на территории ФРГ 108 новых баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» вместо ракет меньшей дальности «Першинг-1». Ракета «Першинг-2»

Ракеты «Першинг-2»

с дальностью стрельбы 2500 км, с моноблочной головной частью двух типов (с ядерным и обычным снаряжением) предназначалась для поражения, как наземных объектов, так и высокозащищенных подземных объектов с возможностью проникновения на глубину 70-100 м и последующим взрывом. Высокая точность стрельбы определялась величиной кругового вероятного отклонения 20-40 м. По нашим расчетам, полетное время ракеты «Першинг-2» до Москвы составляло всего 10-12 мин. Было совершенно очевидно, что это серьезнейшая угроза и реальная возможность внезапного уничтожения защищенных пунктов управления государством и Вооруженными Силами.

По существу, ракеты «Першинг-2» были пистолетом со взведенным курком, приставленным к виску Москвы.

В связи с этим Министр обороны Д.Ф. Устинов провел совещание, на которое были приглашены начальник Генерального штаба Н.В. Огарков, Главнокомандующий Вооруженными Силами ОВД В.Г. Куликов Главнокомандующий Войсками ПВО страны А.И. Колдунов, Главнокомандующий ВМФ С.Г. Горшков, Первый заместитель главнокомандующего РВСН Ю.А. Яшин, Первый заместитель начальника Генерального штаба В.И. Варенников и я.

На вопрос министра, способны ли Войска ПВО обнаружить пуск ракет «Першинг-2» не позднее чем через две-три минуты после старта, А.И. Колдунов, всегда основательно готовившийся к таким совещаниям, доложил, что эта задача

решается частично. Министр потребовал от меня пояснения, как от специалиста. Я сказал, что РЛС дальнего обнаружения «Дунай-3У» из состава отдельного корпуса ПРО, ориентированная в западном направлении, способна выполнить эту задачу в заданном секторе обзора, перекрывающем северную и центральную часть ФРГ. Южная часть территории ФРГ на предельно малых углах нашими средствами не контролируется. Д.Ф. Устинов тут же поручил начальнику Генерального штаба поставить соответствующую задачу НИИ и КБ.

По ходу совещания ракетчики получили задачу подготовить выдвижение двух ракетных бригад средней дальности на территорию ГДР и Чехословакии. А моряки – увеличить количество ракетных подводных лодок на боевом патрулировании и приблизить их к США.

Особое значение имел военно-политический вывод, сделанный Министром обороны СССР из планируемой акции США. В случае применения американцами в Европе ракет «Першинг-2» Советский Союз сохраняет за собой право всей своей ядерной мощью ударить по США. Американцы об этом знали. Таким образом, их авантюрный план отсидеться за океаном в случае развязывания ядерной войны в Европе провалился.

В работу по решению проблемы обнаружения ракет «Першинг-2», 27 из которых были размещены на юге ФРГ, включился академик В.С. Семенихин.

Было разработано несколько проектов, требовавших много времени и затрат. И, как бывало нередко за время моей службы, решение пришло не из НИИ и КБ, а из войск. Группа офицеров, инженеров-рационализаторов – Т.Е. Кожемякин, А.А. Пересыпкин, В.А. Шелопин – под руководством заместителя по технической части секторной станции «Дунай-3У» И.С. Липатова обосновала и внесла

предложение о доработке передатчиков. Такое, простое на первый взгляд, решение давало возможность расширить сектор обзора станции и надежно перекрыть всю территорию ФРГ.

Конечно же, сразу нашлись противники предложения. Специалисты Минрадиопрома утверждали, что доработка передатчиков и повышение на них энергетической нагрузки неизбежно приведет к пожару. В результате потребовалось провести несколько экспериментов, бурных совещаний военно-промышленной комиссии (ВПК). ВПК, являясь мозговым центром, координатором в деле обеспечения обороноспособности СССР, она как бы венчала своеобразную пирамиду военно-промышленного комплекса страны. Нередко местнические интересы оборонных министерств, ведомств, проектировщиков и разработчиков новых видов техники и вооружения входили в противоречие с заказчиками, то есть с военными.

В области ПРО и ПКО определяющей была, как правило, научно-техническая позиция, которую отстаивали заместитель председателя ВПК Л.И. Горшков, а также В.М. Каретников и В.С. Дубровский.

Л.И. Горшков

На очередном совещании у Министра обороны было рассмотрено и обсуждено несколько проектов, в том числе и академика М.С. Семенихина, предложившего использовать группу высотомеров радиотехнических войск. По моему докладу было решено, передатчики и боевую программу РЛС срочно дорабатывать, приняв дополнительные меры по пожарной безопасности.

Станция была доработана в короткий срок с минимальными

затратами. Офицеры, непосредственно участвовавшие в этой работе, были награждены орденами – В.Т. Блоцкий, В.Д. Барабанов, В.И. Маслов, И.С. Липатов, П.К. Турыгин – и медалями – Г.А. Латышев, Е.И. Филин, С.В. Клеманов, Н.М. Епанешников и прапорщик П.М. Астраханцев. Большой вклад в работу внес заместитель главного конструктора станции Е.Н. Белкин и его сотрудники. Непосредственно на месте работами руководили, командир части В.Н. Крюков, а также командир отдельного корпуса ПРО В.А. Савин, заместитель главного инженера В.А. Маликов. Научно-техническое руководство осуществлял доктор технических наук А.И. Леонов.

Опыт создания и эксплуатации средств системы «А-35М» был использован в дальнейшей работе над системами предупреждения о ракетном нападении, противокосмической обороны и контроля космического пространства. Многие командиры и инженеры, и в частности И.Е. Барышполец, Н.И. Родионов были первопроходцами в создании новейших видов боевой техники и вооружения.

По опыту ПРО впервые в Войсках ПВО страны удалось в каждой части и соединении создать сильные отделы боевых алгоритмов и программ. В деле повышения боевой готовности важное значение имели созданные на каждом объекте ремонтно-поверительные базы, оснащенные стендовым оборудованием и контрольно-измерительными приборами.

В сентябре 1967 года я был назначен председателем межведомственной комиссии по рассмотрению новых проектов системы ПРО и ее средств. Причем их было несколько. В состав комиссии входили крупные ученые, генеральные и главные конструкторы, видные специалисты Министерства обороны и оборонных отраслей. В их числе были М.Г. Мымрин, Б.В. Бункин, Р.А. Валиев, В.М. Глушков,

Генерал-лейтенант М.Г. Мымрин

П.Д. Грушин, Г.В. Кисунько, С.А. Лебедев, Г.С. Легасов, Д.Л. Минц, Ю.Б. Харитон.

Основной комплексный эскизный проект Г.В. Кисунько на систему ПРО «Аврора» был отклонен, так как не отвечал ряду требований по эффективности и надежности. Но предложенный им многоканальный стрельбовый комплекс с вращающейся антенной фазированной решеткой «Аргунь», который эффективно служит до сих пор, был рекомендован для создания на полигоне в качестве основного измерительного средства. Отклонены были и проекты А.Л. Минца по многофункциональной станции «Дон-2Н» Ю.Г. Бурлакова – по принципиально новой станции «Неман», хотя и ее опытный сокращенный образец был создан на полигоне для решения проблемы селекции сложных баллистических целей.

А.Г. Басистов

Главной причиной отклонения проектов было то, что в них с требуемой эффективностью не решались основные проблемы ПРО:

– селекция (выделение) боевых блоков баллистических ракет на фоне ложных целей и в условиях интенсивных помех и ядерных взрывов;

– создание нового поколения вычислительных средств с быстродействием в сотни миллионов операций в секунду;

– создание эффективных средств поражения на различных участках траектории полета ракеты с использованием различных физических принципов.

В НИИ и КБ продолжались исследования по проблематике ПРО, с учетом рекомендаций межведомственной комиссии им была задана обширная программа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по программе «Фон». Работа была архисложной, средства на ее выполнение не увеличивали, а сокращали. Кроме того, в НИИ и КБ не было надлежащей экспериментальной базы.

Тем не менее, к июню 1975 года уже можно было четко определить назначение, сроки разработки и создания новой системы ПРО Москвы. Генеральным конструктором стал А.Г. Басистов.

Основным разработчиком программно-алгоритмического обеспечения и информационного согласования системы ПРО с системами предупреждения и контроля космоса был заместитель генерального конструктора М.Г. Миносян. Мне довелось быть председателем комиссии по рассмотрению эскизного проекта совместно с коллективом СНИИ, о котором будет сказано в следующей части статьи. А.Г. Басистов возглавил Совет Главных конструкторов, которые работали над новой эффективной системой ПРО. К 1989 году система была создана.

В.К. Слока

Таким образом, 30-летний труд по решению проблем ПРО дал положительный результат, а главное – сохранил кадры энтузиастов, способных решать сложнейшие научно-технические задачи. И это

при неукоснительном выполнении положений заключенного в 1972 году с США Договора по ограничению систем ПРО.

Предваряя последующее изложение, хотел бы сказать о том, что в 1968 году на должность заместителя министра радиопромышленности был назначен И. Марков. С его именем неразрывно связано дальнейшее энергичное развитие вооружения для войск ПРО и ПКО. Марков, возглавляя направление, создал гигантское научно-техническое обьединение «Вымпел». Это – десять институтов и столько же крупных заводов. Разработки комплексов и систем противоракетной и противокосмической обороны осуществлялись под единым руководством.

В настоящее время объединение стало межгосударственной корпорацией с теми же задачами и участниками, оказавшимися не только на территории России, но и на Украине, в Белоруссии, Казахстане.

Вспоминает полковник М.Т. Тюрин:

Тюрин Михаил Тимофеевич

Р. 07.10.1935.

С отличием закончил: среднюю школу, Гомельское радиотехническое училище, Харьковскую ВИРТА ПВО. С 1957 по 1961 гг. проходил службу в 1-ой Армии ПВО ОН. В 1966-1968 гг. – старший инженер Кубинского узла СДО. Уволился из Вооруженных Сил в1986 году с должности главного инженера – заместителя командира части. Награжден: орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст. и многими медалями.

…Сколь бы величественны не были произошедшие события, тем более ставшие уже историей, память о них чаще

всего ассоциируется не с ними, как таковыми, а с людьми, принимавшими в них участие. Масштаб произошедшего может, конечно, и затмить какое-то число даже активных участников событий. Но среди оказавшихся волею судьбы на виду, в памяти останутся лишь те, которые выделяются на общем фоне своей неординарностью.

Значительная часть моей воинской службы (с 1966 г.) была связана со станциями ДО системы ПРО А-35, объекты которой своими масштабами, практической реализацией сложных технических решений производили сильное впечатление, особенно в начале службы. И, тем не менее, у меня, как у инженера на фоне этих огромных объектов все-таки на первом плане отпечатались лица Генерального конструктора системы Г.В. Кисунько, Главных конструкторов станций дальнего обнаружения В.П. Сосульникова и А.Н. Мусатова, которых я хорошо знал лично.

Как у военного человека на первый план, несомненно, выступает личность Командующего войсками ПРО и ПКО генерал-полковника Ю.В. Вотинцева. Именно под его руководством создаваемая техническая система вооружения приобретала облик единой воинской организации со всеми необходимыми атрибутами и органами управления, способными обеспечить подготовку личного состава к практической реализации предназначения системы ПРО. Для меня, даже сейчас, по прошествии многих лет с той поры, формирование на основе технической системы боевой воинской организации, представляется весьма сложной задачей, решение которой не могло быть быстрым и исчерпывающим. Совершенствование этой организации шло непрерывно и постоянно все годы строительства, заводских и совместных испытаний, опытной эксплуатации, опытного боевого дежурства и, наконец, с 15.05.1978 г. боевого дежурства.

Первое мое непосредственное представление Командующему состоялось лишь в 1976 г. в Солнечногорске, когда он заслушивал всех должностных лиц Управления корпуса. Командующий одобрил, что я, как заместитель начальника отдела СДО исполняю в полном объеме обязанности начальника отдела. «Это правильно,» – сказал он. Все последующие случаи лицезреть Командующего, были, естественно, на расстоянии, и не оставили сколь-нибудь заметного следа в моей памяти.

Но положение существенно изменилось после назначения меня в мае 1977 г. главным инженером Кубинского узла ДО. Мое относительно спокойное вхождение в должность было нарушено уже на 9-й день прибывшим в часть Командующим. При моем представлении он задал единственный вопрос: «Михаил Тимофеевич, квартиру получили?». Доложил, что нет. Его реакция была мгновенной: «Почему главный инженер без квартиры?». Он потребовал у И.Н. Яковлевича, врио командира части, список получивших квартиры в недавно сданном в эксплуатацию доме №18, просмотрел весь список и тут же вычеркнул из него начальника военторга В.И. Рыбака, у которого была двухкомнатная квартира в городке. Так неожиданно я стал обладателем трехкомнатной квартиры, что в значительной степени облегчило мою работу – можно было перевозить семью. К сожалению, квартирный вопрос возник из-за позиции командира части полковника Д.И. Баштана, выразившего таким способом свое отношение к моему назначению.

Для начала службы в новой должности это было мое первое, пожалуй, самое яркое впечатление о Командующем, сразу расположившим к себе обращением даже не по фамилии или моему воинскому званию, а весьма уважительно по имени-отчеству. Меня, конечно, несколько озадачило, что первый и пока единственный вопрос касался устройства моего

быта, а не технического состояния объекта, оценку которого я и готов был доложить. Квартирный вопрос и разобщенность с семьей меня, естественно, волновали. Но я уже смирился с холодным отношением ко мне Д.И. Баштана. Так как, твердо был уверен, что его обида пройдет, квартира рано или поздно появится и потому целиком отдался службе, пытаясь найти приемлемые решения для обеспечения функционирования, прежде всего, передающей позиции, на которой хроническое отсутствие боевого комплекта стало объективной и очень неприятной реальностью.

Такое подкупающее, прямо скажу, отношение ко мне Командующего высветило в нем хотя и строгого (об этом его качестве в основном в кулуарах и говорили), но и весьма заботливого командира, да и просто как человека, глубоко понимающем роль налаженного быта для плодотворной работы подчиненных. Должен сразу же оговориться, что во всех последующих многочисленных моих встречах с Командующим он всегда обращался ко мне по имени-отчеству. Впрочем, и с другими подчиненными, которых он знал лично, у него была такая же форма общения. По крайней мере, мне так запомнилось.

В жизни часто радости и неприятности соседствуют рядом. Так и случилось в этот 9-ый день моей службы в новой должности, когда Командующего увидел не только как очень строгого военачальника, но и опять, на мой взгляд, конечно, как очень доброго именно ко мне. События в этот день продолжали развиваться по непредсказуемому сценарию. После завершения совещания, которое проводил Командующий на приемной позиции, – дело шло к обеденному перерыву, – мы потеряли бдительность и «упустили» Командующего. И только на КПП контролер доложил, что командующий поехал в сторону передающей позиции. Мы с И.Н. Яковлевичем опоздали минут на 5-7, но этого времени было достаточно

для того, чтобы и командир передающего центра А.И. Кирвалидзе, и его заместитель по технической части В.Г. Садовничий выслушали в свой адрес много совершенно справедливых упреков о качестве их работы. Ведь боевого комплекта не было, а в оправдание – лишь невнятное бормотание об отсутствии ЗИПа. С прибытием на объект главного инженера корпуса А.П. Пенькова этот нелицеприятный разговор продолжился уже в кабинете командира центра. Командующим была продиктована шифровка во все части корпуса о безобразном и безответственном отношении должностных лиц части к обеспечению боевой готовности. Прав был Командующий, поэтому у всех было подавленное состояние. В своем «заключительном» слове Командующий указал каждому конкретно, а стояли мы все вдоль стены, на его упущения, а мне, бывшим в этой шеренге последним, уже спокойно сказал буквально следующее: «Михаил Тимофеевич! Пора браться за работу и наводить порядок». Прошло уже много времени с того события, но я и до сих пор помню его пристальный взгляд и эти слова, сказанные твердым и спокойным голосом. Я очень коротко доложил ему о своих планах, доклад он не прервал, сказал лишь – «хорошо, работайте». Я до сих пор благодарен Командующему за такое доброе отношение ко мне, в котором я увидел не только доверие ко мне, но и его уверенность в том, что я справляюсь с этой нелегкой ношей. И все последующие годы старался не давать повода быть недовольным моей работой.

То, что ноша главного инженера будет тяжелой, разумеется, понимал и потому не роптал. Но эта ноша увеличилась совершенно не предполагавшимися тяжестями. Проходя службу в Управлении корпуса, я знал много о сложностях с обеспечением надежного функционирования передающей позиции. Но, признаюсь, это были больше «теоретические» знания. Практические же реалии, с которыми столкнулся

буквально в первые же дни пребывания в должности, были весьма неприятными. Оказалось, что сформировать боевой комплект передающих станций в соответствии с инструкцией по эксплуатации в принципе невозможно из-за неисправности передатчиков по причине отсутствия в них выходных каскадов. Действительно, для формирования боевого комплекта передатчиков обоих СРЛС необходимо было иметь 68 (по 34 на каждую станцию) выходных каскадов ГУ-60 («Телескоп»). Но такого количества их не было, так как из имевшихся на объекте 101 «Телескопа» 43 стояли с оплавленными анодами и экранными сетками, другими повреждениями и были в значительной мере разукомплектованы, а потому и не пригодными для эксплуатации. Наработка на отказ передатчиков еле-еле достигала 10 часов, а время восстановления его при неисправности выходного каскада составляло часто до 5-ти суток. Выходной каскад передатчика, подвергавшийся частым разборкам для замены катодов, на мой взгляд, конечно, не годился для войсковой эксплуатации, так как его ремонт был сопряжен с необходимостью строгого соблюдения вакуумной дисциплины и требовал для обслуживания очень квалифицированных специалистов. Но на то время создания системы ПРО в нашей великой стране не было мощных(не менее 40 квт) генераторных и усилительных радиоприборов. Поэтому и приходилось довольствоваться тем, что было. А уже на Чеховских станциях, создававшихся примерно на 10 лет позже Кубинских, в передающих устройствах были применены выходные каскады на полностью отпаянных, т.е. неразборных, ЛБВ (лампах бегущей волны) «Весна», обеспечивающих выходную мощность аж 80 квт. При дальнейшем развитии радиолокационной техники были разработаны средства и способы получения огромных излучаемых мощностей с применением элементарных выходных каскадов с неизмеримо меньшей, чем приведено выше,

выходной мощностью. Но это так, к слову. Хотя Командующий уже знал о весьма надежных и более дешевых в эксплуатации Чеховских передатчиках. Но это был уже совершенно другой объект и никакого разговора о применении здесь, в Кубинке, тех технических решений идти не могло по вполне понятным причинам.

Не думаю, что Командующего в создавшейся на передающей позиции ситуации с невозможностью сформировать боевой комплект мог бы устроить мой доклад о бездумном расходовании за прошедшее со времени завершения государственных и приемо-сдаточных испытаний поставленного на передающие устройства ЗИП, об отсутствии качественного ремонта и продуманной эксплуатации. Кроме того, было известно, что промышленность (Ленинградское объединение «Светлана») могла изготавливать в год не более 5-ти выходных каскадов. Изделие это довольно сложное, материалоемкое, стоимость его оценивалась более, чем в 26 тыс. рублей (почти 5 автомобилей «Жигули» по ценам того времени), а потому надо было не выбрасывать на свалку дорогостоящие комплектующие при их незначительном повреждении, а организовывать ремонт для последующего использования по назначению. Однако этого не было сделано, и в результате сложения всех перечисленных факторов передающая позиция оказалась в таком неприглядном состоянии. Я уж не говорю об изношенности другого оборудования, обеспечивающего работу передатчика, в частности, масляных выключателей, которым пришлось работать в несвойственном для них режиме частых коммутаций, что привело к их преждевременному износу. Учитывая невозможность быстрых поставок, да и вообще поставок, от промышленности этих дорогостоящих изделий, приходилось рассчитывать только на способности части восстановить имеющиеся неисправные приборы и организовать эксплуатацию и ремонт всей аппаратуры передающей позиции.

Понятно, что эту объемную задачу решить в короткое время было практически невозможно.

Полагаю, что хотя Командующий и очень строго отчитал нас всех за очевидные безобразия, но в глубине души он прекрасно понимал, что здесь командирским наскоком положение не исправишь, а поэтому, должно быть, было правильным такое мягкое, я бы сказал, миролюбивое принуждение меня начать исправлять сложившуюся ситуацию. Все перипетии, связанные с решением многочисленных задач по обеспечению функционирования объекта в соответствии с его предназначением, в том числе и приведением передающей позиции в боеспособное состояние детально описаны в моей книге «О чем вспомнил и размышлял» (Книга вторая «Военная служба»). Скажу лишь, что мы довели наработку на отказ элементарного передатчика до 60-ти часов, что позволило сформировать устойчивый боекомплект по 13 передатчиков на полусектор и даже вывести в холодный резерв по два передатчика. Немыслимый в 1977 г. результат! И Командующий знал об этом. Но это было потом.

А пока при каждом прибытии в часть, а бывало это практически ежемесячно, Командующий всегда заслушивал мой краткий доклад о принимаемых мерах по подготовке техники и ИТС к боевому дежурству и, по-видимому, затем давал указания своим подчиненным по оказанию помощи в моих просьбах. После таких встреч мне часто звонил генерал В.А. Едемский, которому я уже конкретно излагал безотлагательные проблемы по поставкам ЗИПа, обеспечению ремонта оборудования на предприятиях промышленности и УКВР войск ПВО. Кстати, именно с Василием Александровичем мы сформулировали просьбу к Командующему разрешить временно иметь в боевом комплекте на полусектор всего 7 передатчиков (вместо положенных 11-13). Когда положение в части стало более стабильным, Командующий

уже не выслушивал мои просьбы, а лишь поощрительно говорил: «Работайте, работайте». Для меня это было вроде похвалы.

15 мая 1978 г. система ПРО заступила на боевое дежурство. К этому времени мы добились более или менее устойчивого функционирования технологической аппаратуры, в том числе и передающей позиции, что позволило успешно провести комплексные конструкторские проверки после доработки боевых программ под сложную цель. В этот год в части произошли два события, которые наложили определенный отпечаток и на саму часть, и на поведение должностных лиц части, и позволили увидеть Командующего еще с одной, человеческой, что ли, стороны. В июле месяце на второй день после проведенной операции в госпитале им. А.А. Вишневского неожиданно умирает командир части полковник Д.И. Баштан. Буквально накануне мы навестили командира, и ничто не предвещало такого трагического исхода. К этому времени у меня с ним сложились очень хорошие деловые взаимоотношения, от прошлой натянутости не осталось и следа, моим оценкам он доверял, хотя и при этой последней встрече он выразил неуверенность в том, что нам удастся в сложившихся условиях исчерпания ЗИП к передатчикам вообще собрать и удержать боевой комплект. Жаль, что не стало настоящего командира в такой ответственный для части период. Но сейчас речь не об этом.

По прошествии некоторого времени после похорон, Мария Осиповна, вдова покойного, стала жаловаться, что могила командира регулярно оскверняется. Действительно, нашлись подлецы, которые таким скотским образом стали сводить какие-то счеты с покойным. Мария Осиповна выразила желание о перезахоронении Дмитрия Ивановича на его родине, в Харькове. И только благодаря Командующему мы смогли осуществить эту печальную операцию. Более того, именно

Командующий помог вдове получить однокомнатную квартиру там же, в Харькове.

Второе событие, произошедшее в ноябре месяце, напрямую, может быть, и не связано с Командующим, но то, что оно доставило и ему большие огорчения, у меня совершенно нет никаких сомнений. Ибо ответственный командир, коим, несомненно, и был Командующий, не может легко относиться к проявлению недомыслия, тем более элементарного разгильдяйства среди подчиненных. Речь в данном случае идёт о неорганизованности в проведении доработок боевых программ, которые фактически возобновились через неделю после официального заступления на боевое дежурство. Практически все работы по совершенствованию боевых программ проводились с использованием комплексной модели станции (КИМС), моделирующей, в том числе, и массовый налет БР с континента нашего вероятного противника. Из-за преступной халатности дежурного инженера майора Алексеева на пульте командного пункта корпуса, не отключившего, как ему предписывалось должностной инструкцией, выход в систему СПД при запуске на вычислительном комплексе СРЛС КИМС, произошла выдача информации на ГКП войск ПВО о массовом налете БР. Прибывшая очень быстро в тот же день комиссия во главе с генералом А.М. Михайловым причину чрезвычайного происшествия установила быстро и уже через несколько дней мы получили весьма жесткий приказ Главкома о «поощрениях». Среди наказанных были, естественно, командир корпуса Н.И. Родионов, начальник штаба Г.Д. Воротников, главный инженер А.П. Пеньков, и ... главный инженер узла дальнего обнаружения М.Т. Тюрин, отмеченный, как и двое указанных выше корпусных начальников, «предупреждением о неполном служебном соответствии». Наша часть в этот период находилась в довольно интересном положении: новый командир после смерти

Д.И. Баштана еще не был назначен, начальник штаба, отвечающий согласно действующему тогда порядку за боевые программы, хотя и был назначен, но еще не прибыл к месту службы. А планы работ промышленности по доработкам подписывал, естественно, главный инженер части, который и оказался, судя по приказу, чуть ли не самым виноватым. Я совершенно не ропщу на строгость и заслуженность такого сурового наказания, но для меня это было большим моральным потрясением: почему за разгильдяйство на командном пункте корпуса должен так строго наказываться главный инженер подчиненной корпусу части. Не знаю, сыграл ли какую-то роль Командующий в моей дальнейшей судьбе, но за все последующие годы совместной службы он ни разу не упоминал об этом весьма досадном происшествии. Думаю, для него в том событии тоже приятного было мало.

Раз уж речь зашла о боевых программах, то нельзя не упомянуть и о роли Командующего в повышении качества информации, выдаваемой радиолокационными станциями, а конкретно по снижению частоты формирования и выдачи ЛБЦ. В одном из своих выступлений в 1977 г. перед командованием войсковых частей корпуса (к сожалению, дату не помню) Командующий поставил задачу «исключить всякую возможность выдачи ложной информации». Конечно, это требование, что называется, по-максимуму, так как хорошо известно, что выдача ложной информации является органическим свойством РЛС, определяемым принципом радиолокационного обнаружения целей. Можно лишь говорить об изменении частоты формирования ложной информации, но только за счет изменения вероятности правильного обнаружения или пропуска целей.

Полагаю, что Командующий в своем требовании исходил именно из достижения возможного, так как на этот параметр работы любой РЛС оказывают влияние многочисленные

факторы, значительная часть которых, например, в наших СРЛС, не была учтена еще на этапе проектирования и практического изготовления аппаратуры, оборудования и разработки боевых программ.

В соответствии с этими указаниями в июне 1978 года была создана группа анализа по выяснению причин формирования ЛБЦ во главе с главным инженером части.

Практическими результатами нашей работы явилось снижение частоты формирования ЛБЦ более чем в 10 раз по сравнению с результатами Государственных испытаний, когда среднее время между выдачей ЛБЦ составило всего около 500 часов. В последние годы моей службы выдача ЛБЦ стала настолько редкой, что квалифицировалась как чрезвычайное происшествие, а работа станций стала настолько «чистой», что мне не стыдно было находиться рядом с Командующим, когда, например, на индикаторах визуального обнаружения мы наблюдали за процессом испытания системы ИС. Так что настойчивость Командующего во многом способствовала более эффективной реализации технических характеристик СРЛС.

Было очевидно, что СРЛС функционируют в штатном режиме в соответствии с боевыми программами и нам есть чем гордиться. Все это внушало оптимизм и способствовало оживлению творческой мысли по дальнейшему совершенствованию организации эксплуатации с целью повышения надежности работы аппаратуры, по доработке боевых программ и организации боевого дежурства.

Несомненно, многое из того, что удалось сделать по повышению надежности функционирования СРЛС, в том числе и корректности работы боевых программ было достигнуто за счет непрерывного совершенствования профессиональной подготовки инженерно-технического состава.

К сожалению, важнейший вопрос организации подготовки обслуживающего персонала в моей памяти остался как

незаконченный разговор с Командующим. Мною неоднократно на сборах командования войсковых частей предпринимались попытки донести до Командующего, который часто на этих сборах присутствовал, свое видение организации профессиональной подготовки инженерно-технического состава. Мои предложения касались дифференциации знаний в соответствии с выполняемыми функциями, исключения абстрактной тематики (например, знание дислокации ПЛАРБ вероятного противника и др.), автоматически ведущих к изменению программ обучения, в том числе и в ВУЗах, изменению самой системы образования и удешевлению ее, к изменению орг-штатной структуры частей, в частности, к изменению соотношения между инженерами и техниками, поднятию престижа инженеров и избавлению от псевдоинженеров, исключению практически бесполезных трат на создание в частях так называемых учебно-тренировочных комплексов. Самой запомнившейся реакцией Командующего на мои попытки узнать его мнение был всегда вопрос: «Что вы, Михаил Тимофеевич предлагаете?» А предлагал я многое. Жаль, что на обсуждение всегда не хватало времени.

Свои мысли на этот счет я изложил в большой статье для журнала «Вестник ПВО» «Некоторые вопросы организации профессиональной подготовки личного состава, обслуживающего сложные системы вооружения». По-видимому, Командующий был знаком с этой статьей, судя по его высказыванию в мой адрес, представляя меня в составе ГЭК в Харьковской академии.

Во время службы мне «повезло» неоднократно, практически ежегодно, проводить показные занятия с группой Командующего (начальники факультетов и кафедр академий, начальники училищ и др.). Так как тематика занятий фактически определялась нами, то исходя из нашей озабоченности, наряду с показом оснастки, механизмов, приспособлений, методик

и действий личного состава по проведению ремонтно-восстановительных работ, обязательным был практический показ действий по локализации возгорания электрических устройств, в том числе силовых трансформаторов и кабелей.

Многие элементы, показанные нами на занятиях, судя по реакции и отзывам этой категории «обучаемых», выглядели вполне профессионально. Но за некоторые элементы я и до сих пор испытываю чувство неудовлетворенности. Особенно за те, которые касались предотвращения возгораний, прежде всего, кабелей и локализации очагов возгорания. Если в кабельных каналах на первых этажах еще можно в какой-то степени локализовать участок возгорания путем засыпки канала песком, то в подэтажах такая технология явно не годится по очевидным причинам. Поэтому самым радикальным способом прервать распространение огня по кабелю является его механическое рассечение.

Но чем рассекать? Не топором же? Поэтому и обеспечили все технологические отделы обычными ножовками по металлу с обязательным их заземлением, а на первых этажах всех зданий создали запасы песка для засыпки кабельных каналов в случае возгорания. Конечно, все это было очень примитивно. Тогда и в помине еще не было механических, тем более гидравлических секторных ножниц, способных довольно быстро перерезать даже бронированный кабель практически любого сечения. Все эти новшества появились лишь в конце 80-х, начале 90-х годов. Увы! На мои неоднократные сетования по этому вопросу Командующий весьма лаконично советовал: «Ищите, приобретайте!» Конечно, мы как-то «шевелились» и даже с гордостью демонстрировали разработанную и изготовленную нами так называемую «сухую муфту» для быстрого восстановления поврежденного кабеля практически любого сечения. Но эти «изобретения» были единичными и, конечно ж, радикально не решали «пожарную» проблему.

Переживая за сохранность объекта и имея в своем распоряжении лишь примитивную оснастку, на одном из показных занятий (если мне не изменяет память, в 1983 г.) на передающей позиции рискнул предложить идеологию и черновой вариант установки для мгновенного рассечения горящих кабельных трасс с использованием пиротехники. «Взрывные установки», я их так назвал, предложено было монтировать заранее в наиболее критических местах и управлять ими дистанционно. Я прекрасно понимал всю опасность несанкционированного или случайного срабатывания установки, но считал, что этот способ может быть в той или иной модификации применен на объекте. Командующий не только внимательно слушал мои доводы, но и моментально подметил опасность, о которой я упомянул выше, предлагаемой конструкции. К сожалению, ни на этом занятии, ни в дальнейшем предложенная идеология не получила практически никакого развития. После возгорания кабелей на Печорском объекте мы получили директиву Командующего, одним из требований которой было определение и обозначение мест рассечки кабелей в зданиях и сооружениях. У меня тогда сложилось впечатление, что тот, кто готовил директиву «рассекать здесь» совершенно не представлял что, как и чем рассекать, поэтому она, к сожалению, и была выполнена без надлежащего материального оснащения.

И опять к этому больному «пожарному» вопросу. Еще 27 апреля 1977 года на совещании в Управлении корпуса с привлечением командования частей начальник штаба Управления Командующего генерал И.П. Писарев довел указания Командующего о подготовке к заступлению на боевое дежурство. Среди них в моих записях значится под номером 8 пункт об оборудовании на объектах комнат отдыха для боевого расчета. По решению командира части полковника Д.И. Баштана комната для отдыха боевого расчета КП была

оборудована в подэтаже под командным пунктом. Все здесь было более-менее в рамках соблюдения правил пожарной безопасности до тех пор, пока не появились здесь электрочайник, утюг, а во времена Петрова и выпивка с закуской, и, что опасней всего, мастерская по изготовлению поделок для оборудования помещения КП.

С этого времени началась моя головная боль и непрестанная, жесткая, порой даже жестокая, борьба с начальником штаба и командиром о закрытии этого производства, выводе из подэтажа солдат, постоянно работающих и хранящих там свои пожитки. Если Д.И. Баштан и потом И.Н. Яковлевич вполне адекватно реагировали на мои «выступления», то последующие командиры В.А. Дикарев и В.И. Петров все отдали «на откуп» начальнику КП подполковнику В. Клименко. С увольнением меня и начальника штаба полковника В.С. Ивлева со службы порядки на КП и под ним стали более «демократичными», что и привело к трагическим последствиям 7 мая 1989 года.

Честно признаюсь, что за все годы службы на должности главного инженера я волновался больше всего не из-за отказов техники и выхода ее из боевого режима, что, конечно, тоже малоприятно, а из-за опасности возникновения пожара, потому что твердо знал, что потушить его будет вообще проблематично. Поэтому за нарушение правил пожарной безопасности при несении дежурства, при проведении ремонтно-восстановительных работ, за отсутствие или неисправность штатных средств пожаротушения взыскивал очень строго. К великому сожалению, не все зависело от главного инженера.

В качестве примера приведу лишь вопрос с размещением ЗИП. Из-за нашей государственной бедности проектом вообще не были предусмотрены складские помещения за пределами технологических зданий (кстати, как это было потом сделано на Чеховском объекте), а весь ЗИП был размещен

в подъэтажах этих зданий, и в примитивных постройках, оставшихся от строителей. Размещение здесь ЗИП было крайне не желательным, во-первых, по соображениям пожарной безопасности, так как через складские помещения проходили различные электрические и механические коммуникации, которые надо было обслуживать соответствующим специалистам, наблюдать за их состоянием, а во-вторых, не обеспечивалась сохранность имущества при наличии нескольких «хозяев» на одно помещение. Нельзя сказать, что мы ничего не предпринимали для наведения и здесь порядка. Моя поездка в инженерное управление войск ПВО закончилась выделением нам арочного укрытия, в котором планировал разместить на приёмной позиции складские помещения. О выделении нам этого укрытия узнал командир корпуса Н.И. Родионов, позвонивший мне с «радостным» известием: «Я у тебя заберу укрытие, из него построим солдатский клуб, а тебе помогу со строительством хорошего склада». У меня были довольно хорошие отношения с Николаем Ивановичем. Он слово сдержал, склад строители включили в титульный список, и переписывали этот список многие годы. А склад так и не появился.

О необходимости выноса складов из зданий 101 и 201 в 1985 году я докладывал высокой комиссии по проверке противопожарной безопасности после пожара на Печорском объекте. Командующий, а он был председателем комиссии, на мой доклад со всей присущей ему решительностью тут же приказал вынести в течение недели все склады из зданий, на что я, осмелев, только спросил его, когда мне становиться к стенке: сейчас или через неделю. Внимательно посмотрев на меня, он также четко ответил: «Через неделю». С этого момента вплоть до увольнения в запас с такой настырностью складами я больше не занимался. Совесть моя была чиста, тем более что в предшествующие годы мы, в основном,

силами ОТС и Р и офицеров службы вооружения построили на приемной позиции заглубленный склад для хранения легко воспламеняющихся жидкостей (растворители, лаки, краски и пр.), склады для хранения горючих газов, расходных и строительных материалов, а на передающей позиции – склад для тиратронов и возвратной тары, склад из ТПК для хранения горюче-смазочных материалов.

К вопросу обеспечения сохранности ЗИП, как не странно, примыкает и вопрос по сохранению живучести, как отдельных объектов, так и самой системы ПРО. Здесь этот вопрос поднимается лишь потому, что те решения, которые принимались по обеспечению живучести наших объектов, до сих пор вызывают у меня лишь разочарование. Начну с того, что у руководства войск ПВО, по-видимому, были какие-то неопределенности в самой идеологии решения этой проблемы. Такие сомнения у меня зародились еще 23 марта 1981 года, когда в Солнечногорске присутствовал на разборе проведенных стратегических учений войск ПВО страны с участием в них системы А-35. Честно говоря, тогда не мог постичь глубину мысли начальника Главного штаба войск ПВО генерал-полковника С.Ф. Романова о времени и объеме мер «...по повышению живучести системы ПРО...». По-видимому, в развитие этой темы, но уже только 22.03.1983 г. Командующий на сборах командования войсковых частей потребовал подобрать на удалении 10-15 км от объектов места и в летнем периоде обучения построить там по два убежища. В одном из них оборудовать тыловой пункт управления (ТПУ) и хранилище ЗИП, а в другом размещать группу восстановления и ремонта. Затем директивой были определены объемы вывозимого ЗИП и предписывалось через 2-3 года этот район оборудовать и обжить. Командир корпуса поставил задачу рассредоточить до 30% имеющегося ЗИП. Спрашивается, думали ли эти командиры о целесообразности такой

работы? Совершенно не уверен, что хорошо думали. В своих официальных письменных докладах я доказывал порочность и расточительность такого рассредоточения материальных средств, да и при личных встречах с представителями Командующего просил их поспособствовать отмене требования о рассредоточении ЗИП. По нашим подсчетам на складах отдела технического снабжения и ремонта (ОТС и Р) находилось запасного имущества примерным объемом на 280 грузовиков. Даже если вывезти 10% наиболее ценных радиоэлементов, то нужно построить приличных размеров склад не менее, чем на двадцать грузовиков, предусмотрев в нем оборудование для поддержания температурно-влажностного режима. В какие это расходы выливается? Да и зачем? Ради чего? Кто может знать: какой и в каком объеме ЗИП потребуется? Ведь разрушены могут быть, что наиболее вероятно, антенно-фидерные устройства (передающее или приемное), или аппаратура и оборудование в зданиях. На проработку всех возможных вариантов восстановления поврежденной аппаратуры уйдет не один день работы огромного НИИ, причем с вполне предсказуемым результатом: никакого (имеющегося на складах части и складах центрального подчинения) ЗИП не может быть достаточно для восстановления аппаратуры с серьезными повреждениями. А сколько времени (этот фактор может оказаться решающим) потребуется на восстановление, по каким методикам оценить характеристики восстановленной аппаратуры и станции в целом? Конечно, мелкие разрушения могут быть ликвидированы и за счет ЗИП и за счет заложенной в конструкцию избыточности. Но рассчитывать, что противник будет довольствоваться только незначительными разрушениями объектов системы ПРО, по-видимому, не приходится. И, наконец, главное, заключающееся в том, что система ПРО, по сути, является оружием разового действия. Если противник не уничтожит ее

до пуска своих БР, то она все равно прекратит свое существование, либо израсходовав все противоракеты для отражения налета, либо противник посчитает свою задачу выполненной по масштабам разрушений или тоже израсходует наличные БР. Но ясно и другое. Вывод из строя только одной СРЛС на основном ракетоопасном направлении означает прекращение существования всей системы ПРО. Противоракетные центры без системы дальнего обнаружения свою задачу выполнить не могут. Кому же будет нужен рассредоточенный ЗИП? Вывести же из строя СРЛС ДО можно множеством вполне доступных способов, широко известных. Но не об этом сейчас речь.

Все мои доводы (здесь приведена только часть их) не возымели никакого воздействия на моих вышестоящих начальников и директиву пришлось выполнять. У меня не представилось возможности лично доложить Командующему, а его непосредственные подчиненные, думаю, что ради собственного спокойствия, не докладывали ему хотя бы суть моих неоднократных обращений. Как-то все это рассредоточение ЗИП отдавало явно «пехотным» душком.

Позвонил своим коллегам на ОПРЦ и получил успокаивающий ответ: «да забили несколько ящиков и вывезли, чтобы «отвязались»». Точно так же поступил и я, отдав распоряжение начальнику ОТС и Р упаковать в ящики детали, не требующие при своем хранении соблюдения температурно-влажностного режима. Вывезли все это в район деревни Иневки, где в овраге был закопан «Панцирь» как хранилище ЗИП и тылового имущества. Никакого обжития и обустройства этого района, конечно же, не состоялось, а укрытие так и осталось брошенным. Жаль, но такие действия высокопоставленных начальников лишь вызывают разочарование, подрывают веру в их разумность. А это плохо. Совершенно нельзя обойти молчанием и так называемый «дачный вопрос»,

оттенивший нашего Командующего не столько как крупного военачальника, а просто как человека. С моей точки зрения, конечно. Итак, все по порядку.

Начиная с 1979 года, на месте бывшего пионерлагеря в полутора километрах от передающей позиции началось строительство дачного кооператива «Солнечная поляна». Согласно плану предполагалось возвести 265 однотипных панельных домиков со всей полагающейся инфраструктурой. Учредителем кооператива являлось ТАСС, могучая в то время организация. В числе членов кооператива значились представители МИД, Генштаба, ЦПИ-20, хорошо знавшие этот район и сделавшие проект, а также, естественно, представители организации-застройщика – «Московского треста панельного домостроения». Работы велись очень интенсивно, с нами пока никто из застройщиков не встречался и места в кооперативе не предлагал. Пропуск транспорта по нашей межплощадочной дороге разрешался вышестоящими начальниками. Поэтому меня лично этот вопрос занимал лишь в том плане, что вблизи объектов, в том числе возле шахт кабельного коллектора, идущего вдоль дороги, постоянно отмечалось присутствие посторонних любопытствующих лиц с непонятными намерениями. Более того, размещение такого большого поселения вблизи объекта противоречило установленному в отношении системы А-35 порядку. В свое время на основании решения ЦК и Совмина Мособлсовет издал постановление о запрете вести какое-либо строительство ближе трех километров от наших объектов. О таком решении я знал еще во время службы в Управлении корпуса. Но, по-видимому, времена стали меняться и мощный зов приобретения в личное пользование земельного участка с возведенными на нем зданиями стал ломать все преграды. И вдруг! «К нам едет ревизор!». Оказалось, что кто-то доложил об этом незаконном строительстве председателю КГБ Ю.В. Андропову – я это пишу, естественно,

со слов начальников, с которыми пришлось потом работать. Генштабом была создана комиссия по расследованию обстоятельств дела и уже 7 августа 1980 года генерал Феденко (направленец Генштаба по системе А-35) вместе с нашим Командующим, командиром корпуса (Н.И. Родионов) и большой группой полковников Генерального штаба, Главного штаба войск ПВО и штаба Московского округа ПВО с привлечением командования части вели обследование юго-восточной части стройки. И Командующий и комкор были явно расстроены происходящим – это было хорошо заметно по их жарким, но в полголоса, разговорам между собой. Я ведь не знал в то время списка членов этого кооператива, мне это было совершенно ни к чему.

Далее речь пошла о том, что дачи находятся почти в секторе обзора, т.е. подвергаются облучению, что недопустимо. Мало того, при строительстве работающее электросварочное оборудование будет создавать помехи для приемных станций. По этим вопросам, естественно, мог квалифицированно ответить только я и меня начали, что называется с пристрастием, вопрошать и генералы и полковники. Этому дню предшествовали очень важные события. 2 августа мне позвонил генерал А.Б. Антощенко, остававшийся за комкора, и сообщил, что во исполнение указаний Командующего ими подготовлен акт по уровням плотности потока мощности (ППМ) СВЧ в районе дач и этот акт надо подписать. В кабинете у Антощенко уже находился начальник оперативного отдела полковник В.Н. Барашков с отпечатанным и подписанным актом. Моя фамилия была первой в списке. Прочитав предложенный мне текст, свою подпись я ставить наотрез отказался, т.к. в акте фигурировали значения ППМ СВЧ, многократно превышающие реальные в этом районе. Я предложил, если нужна моя подпись, сослаться или привести полностью официальный акт измерений ППМ СВЧ на объекте и прилегающих территориях.

Дело в том, что еще со времен государственных испытаний в части был установлен порядок ежегодного измерения ППМ в тех местах, где предполагалось нахождение обслуживающего персонала или гражданского населения. У нас группу проведения измерений возглавлял старший инженер по технике безопасности майор А.Г. Замолоцких, очень добросовестный и принципиальный офицер и специалист. Измерения проводились прибором ПО-1 («Медик») с логопериодической антенной в нашем диапазоне частот. Акт по результатам измерений утверждался главным инженером, а его выводы являлись основанием для принятия соответствующих мер по защите личного состава. В период государственных испытаний в 1971 году за пределами объекта была выявлена лишь одна точка с превышением предельно допустимого уровня (ПДУ) ППМ СВЧ – три крайних дома в деревне Большие Семенычи. И даже стоял вопрос о переселении жильцов этих домов. Но уже в 80-е годы уровни ППМ на окраине деревни из-за подросшей зелени снизились и не превышали ПДУ. Что касается «Солнечной поляны» то была лишь одна точка, где уровни ППМ СВЧ лишь фиксировались, но не превышали ПДУ для гражданского населения. Мои разъяснения не помогли и так как акт в предложенном виде я не подписал, то осторожный (в смысле принятия ответственности на себя), Анатолий Борисович тут же доложил по «кремлевке» Командующему о моем отказе и теперь уже пошел разговор между мной и Командующим, который убеждал, что надо предложенный акт подписать, ибо от наличия акта зависит судьба «Солнечной поляны». Я же твердо стоял на своем предложении привести в акте официальные комиссионные измерения, утвержденные мной. Раздосадованный командующий упрекнул меня в непонимании сложности создавшейся ситуации и положил трубку. Но после обеда опять потребовал к «кремлевке» и минут пятнадцать убеждал меня в том, что там же будут гулять маленькие дети

и зачем же им портить здоровье и многое другое в этом духе. Но я отлично понимал и то, что подпиши этот злополучный акт, поставлю себя в крайне опасное положение. Ведь эти «ребята», которые затеяли «Дачный процесс», наверняка хорошо информированы или при желании, в случаи необходимости, легко увидят подлог. Поэтому я опять предложил командующему официальные данные измерений, которые, конечно, его не устраивали. И снова расстались без взаимного удовлетворения.

Работа комиссии ГШ продолжалась еще три дня там же, на дачах. Командующий приказал оборудовать стол со связью для командования части при въезде на дачи, выставить вооруженный пост и никакой транспорт на дачи не пускать. Это мы и сделали.

Мой рассказ о прогнозах «дачного дела» позабавил всех собравшихся. Но я оказался прав. Это же дачи!!! С этого места с использованием этих же телефонов организовывался и проводился мною «эксперимент» по помеховому воздействию электросварочных работ на работу наших приемных станций.

Были проведены измерения уровней ППМ СВЧ и нашим «медиком» (измерения проводил полковник Сорочкин из МО ПВО) и селективными вольтметрами германского производства,

«Боевой пост» у въезда на дачи. Слева направо: начальник штаба части В.С. Ивлиев, командир части В.А. Дикарев, главный инженер М.Т. Тюрин

имевшимися в распоряжении генштабовских полковников. Результаты практически не отличались от наших.

Апофеозом же дачной эпопеи явилось исследование возможности и опасности помехового воздействия на приемные устройства СРЛС при проведении электросварочных работ. Командующий настаивал на большой вероятности таких помех и требовал организовать эксперимент. Конечно, сварочные работы в непосредственной близости от приемного АФУ являются очень помехоопасными, поэтому, в частности, и сварочный участок на приемной позиции был размещен внутри здания 201. Но в данной ситуации я точно знал: плотный полуторакилометровый лесной массив полностью экранирует приемную позицию от сварочных работ, проводимых на поверхности земли. Обо всем этом я неоднократно, улучив момент, когда рядом не было генштабовцев, докладывал Командующему. Но он, со свойственной ему настойчивостью и убежденностью продолжал стоять на своем.

Такую настойчивость Командующего я понял как своеобразный приказ мне подтвердить его убежденность в помеховом воздействии на приёмные станции электросварки на дачах и потому стал готовить эксперимент, совершенно не задумываясь о последствиях лично для меня. Привезли сварочный аппарат, сварщика усадили на автовышку и поднимали на максимальную высоту. Определили порядок эксперимента: один полковник находился на КТП первой приемной СРЛС, где должен был фиксировать начало воздействия помехи, ее внешний вид и значение порога обнаружения, второй полковник стоял рядом со мной и фиксировал время моих команд на включение и отключение сварки.

У меня была установлена «почти прямая связь» с полковником на КТП, и мы свободно общались, уточняя детали. Перед проведением эксперимента один из присутствующих обронил,

что хорошо бы иметь высоколегированные стали – при их сварке больше образуется искр, следовательно, и помех. Реакция командующего была быстрой: «А где такие стали можно взять?» Тот же знаток ответил, что из них делаются карабины. И что же? – «Михаил Тимофеевич, прикажите привести сюда два карабина» – «Товарищ командующий! У нас на рембазе есть такие стали, и я уже дал команду их сюда привезти».

По моей команде поднятый на вышке электросварщик включал сварочный аппарат и начинал сварку. Время начала и конца всех операций фиксировалось здесь же стоявшим надо мной полковником Генерального штаба, по телефону моя команда фиксировалась на КТП и находившийся там второй полковник информировал меня о появлении помехи и возрастании порога обнаружения до 35 единиц. По достижении такой величины порога, чтобы не выводить СРЛС из боевого режима, мною давалась команда «стоп», прекращалась сварка и помеха исчезала. И так повторялось раз 8 или 10. Эксперимент действительно «подтвердил» уверенность Командующего во вредоносности проведения электросварочных работ на территории дачного кооператива. Все было сделано весьма четко и аккуратно. У меня был очень понятливый и ответственный заместитель – подполковник Анатолий Михайлович Тверезовский; только ему я мог доверить участие в эксперименте.

Я уж теперь и не помню, как были использованы результаты нашего «представления», но точно знаю, что дачный поселок стал еще большим по размеру. Наши высокие воинские начальники тогда поспешили выйти из членов кооператива, а начальник политотдела корпуса генерал Н.С. Борзых остался: «А что тут такого?». Он сразу же озаботился качеством жилья строительных рабочих и стал требовать от меня подключения их барака к расположенной неподалеку скважине оборотного водоснабжения №3, на что я, конечно же,

не пошел. Уговоры продолжались почти два месяца: «Ведь рабочие живут без света, без отопления, не смотрят телевизор, не слушают радио, а ведь это наши советские люди». В конце концов, Николай Сергеевич спросил, а что же, собственно, нужно для того, чтобы подключиться к распредщиту скважины. Мой ответ был четкий: «Проект подключения и официальная команда вышестоящего начальника». Ровно через неделю после этого разговора с Н.С. Борзых у меня на столе лежало пять экземпляров проекта подключения, выпущенного ЦПИ-20, а еще через день была получена телеграмма, разрешающая произвести подключение в соответствии с проектом. Вот так оперативно решались вопросы, когда речь заходила об удовлетворении нужд «простых трудящихся».

Дачная эпопея закончилась вполне предсказуемо, строительство значительно расширилось, – прирезали еще территорию, со стороны передающей позиции по всей длине дачного поселка насыпали 3-х метровый вал, по гребню которого натянули еще 2-х метровую сетку. В общем, дачники надежно «защитились» от излучения, которое и так было ниже ПДУ.

Если дачники обрели «мир и покой» и потихоньку, с разрешения, конечно, корпусного командования, захватили нашу межплощадочную дорогу и стали вблизи ее устраивать свалки, то от прежней экологической идиллии не осталось и следа.

Такому захламлению, к великому моему огорчению, способствовала и крайне неудачная подборка командиров части. После Д.И. Баштана и И.Н. Яковлевича во главе части оказывались псевдокомандиры. А ведь это креатура комкора и Командующего. Оригинальным со стороны командира корпуса Н.И. Родионова было представление на должность командира В.А. Дикарева, когда вызвав к себе меня и начальника штаба в присутствии только что назначенного командира, заявил буквально следующее: «Командиром будет он,

а за все буду спрашивать с вас. Помогайте ему!». Зачем было назначать на такую огромную и сложную часть совершенного недоросля? Мы и помогали ему, причем, весьма уважительно. Но ничто не шло в пользу, командиром он не становился. И, наконец, запел в своем кабинете и был изолирован в соответствующем медицинском учреждении.

После некоторого, длительностью более полугода, ожидания командовать частью в июне 1983 г. прибыл подполковник В.И. Петров, служивший начальником штаба в одной из частей на Камчатке. С этого времени начался пьяный и разгульный период «командования» частью, когда в кабинете командира, оборудованном теперь и холодильником с запасом выпивки и закуски, постоянно, за закрытыми дверями, шли «заседания» «командира» с замом и начальником тыла. Плевать им было на часть, несущую боевое дежурство. А когда «прозаседавшиеся» уставали, то для утехи Петрову в кабинете появлялась прапорщик в юбке из службы тыла. Разворовывание продуктов из солдатских столовых, со склада НЗ, с подсобного хозяйства, материальных ценностей со всех складов части шло открыто, нагло с использованием даже автомобилей, закрепленных за заместителями. Для меня эти последние годы моей службы были сущим адом, но искать поддержки было негде. Однажды осенью 1985 г., после очередного петровского налета на склады, я буквально за руку втащил начальника политотдела Гныдюка в командирский кабинет и потребовал, обращаясь к Петрову, «прекратить мародерство, а тебя (обращаясь к начпо) не покрывать воровство и другие непотребные действия Петрова».

Но «руководящая и направляющая сила» не проронила ни слова, только что-то внимательно рассматривала за окном. Да и что он мог сказать, – он теми же петровскими методами организовывал свой перевод в Москву и получение там квартиры.

И что, в корпусе не знали об этих проделках? Знали! И не только в корпусе. Ко мне неоднократно подсылались «казачки» – полковники даже из управления Командующего (мне гадко называть их фамилии) с умильными улыбками. «Михаил Тимофеевич! Вы же видите, как ведет себя Петров, как он губит часть! Напишите заявление в политотдел корпуса, или в особый отдел». Эти полковники хорошо помнят, чем заканчивались их советы «написать куда следует». И у меня после таких посещений с «напишите» невольно закрадывались подозрения о какой-то грязной игре, ведущейся совсем не против Петрова, а наоборот, за его дальнейшее сохранение и устранение тех, кто только одним своим присутствием мешает проведению темных дел.

Совершенно не скрываю того, что настроение все эти последние годы моей службы было подавленным, потому что управы на Петрова, повторюсь еще раз, искать было негде. Подтверждением тому может служить еще один факт, на который я не мог найти вразумительного ответа.

В начале 1985 года во время проведения учений Командующий собрал в классе КП командование части и повел разговор о неудовлетворительном состоянии законности в части, обвиняя Петрова в нарушении порядка забоя животных на подсобном хозяйстве и расхищении, таким образом, мясных продуктов. Он ничего не сказал в адрес начальника политотдела, а начальнику штаба прямо заявил «И вы, Владимир Серафимович, пользуетесь этим». Для меня это было столь неожиданно, что я выронил на пол из рук очки. На что командующий лишь сказал в мой адрес, что «Вас, Михаил Тимофеевич, это не касается». Да, оно, конечно, не касается. Но мои очки-то раскололись, теперь нужно смотреть через другие. Вот как бывает в жизни!

По-видимому, прав был Василий Александрович Едемский, когда однажды в Чехове, не помню уж по какому поводу (это

было во время проведения Государственных испытаний 1-ой СРЛС 5Н11У) выразился что, «конечно, Командующий у нас волевой, но Анна Макаровна его волевее». Этот афоризм приведен мною в подтверждение того, что, по-видимому, были какие-то у Командующего резоны не предпринимать жестких мер даже к такой, на мой взгляд, конечно, одиозной фигуре на посту командира части как подполковник Петров. Не знаю ответа на этот вопрос. Могу лишь с некоторым удовлетворением констатировать, что карьера Петрова бесславно закончилась его увольнением. Но это произошло лишь осенью 1986 г.

Настолько была тягостна моя служба с Петровым, что когда в августе 1986 г. с ознакомительной поездкой в часть прибыл новый Командующий генерал-лейтенант В.М. Красковский, когда после моего доклада о техническом состоянии средств части, предваренного репликой: «Последний раз докладываю Командующему», он попросил показать ему приемное АФУ: «где проходит этот самый сигнал», и когда мы вдвоем подходили к лифту, он, почему-то заговорил не про сигнал, а о причинах моего увольнения, предложив мне продолжить службу: «ведь я здесь ничего не понимаю». Мой ответ был очень короток: «устал неимоверно». Вальтер Макарович (он располагал к такому обращению) на меня очень внимательно посмотрел, ничего больше о продолжении службы не говорил. По-видимому, он был информирован об условиях службы в части. Произвел на меня впечатление очень вдумчивого, спокойного, совершенно без какой-либо бравады, осторожного, не высказывающего своего мнения без подготовки, человека.

Конечно, я не могу утверждать, что последние годы службы очень часто встречался с Командующим. Пожалуй, запомнившейся была работа с Командующим в ГЭК в Харьковской Академии в 1983 г. Во-первых, тем, что Командующий как председатель комиссии, представляя всех председателей подкомиссий, дал мне весьма лестную оценку, как

«думающему инженеру», которой больше никто не удостоился. Во-вторых, тем, что никаких вольностей членам комиссии не позволялось. Председатель комиссии ежедневно в 16.00 заслушивал всех председателей подкомиссий, а в просьбе некоторых членов комиссии не собираться в это время, отказал, мотивируя соблюдение установленного им порядка тем, чтобы «в блуд не пустились». Я же, закончив все свои дела с защитой дипломных проектов, добыв информацию по интересующим меня вопросам организации эксплуатации, испросил разрешения убыть в часть. «Только после того, как подпишите акт». Доложив, что акт работы комиссии с внесенными замечаниями и предложениями уже подписал, получил одобрение моей инициативы и добро на убытие.

Последний раз я встретился с Командующим в ноябре 1985 г. на приемной позиции, представляя, после предварительной договоренности с ним, на подпись две шифровки на предприятия промышленности. В кабинете больше никого не было, он предложил мне сесть, шифровки подписал без всяких замечаний и исправлений, со вздохом произнеся при этом «никому ничего не нужно». После этого примерно в течение получаса у нас состоялась беседа «о жизни», о положении в стране и в Вооруженных силах. Я впервые увидел другого Командующего, просто человека. Может из-за того, что он уже собрался увольняться.

Командующий войсками ПРО и ПКО, генерал-полковник, Герой Социалистического Труда Юрий Всеволодович Вотинцев в моей памяти и до сих пор остается как пример достойного служения своей родине – Союзу ССР ■

СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О РАКЕТНОМ НАПАДЕНИИ

Для военно-политического руководства Соединенных Штатов Америки старт первой советской баллистической ракеты 18 октября 1947 года оказался полной неожиданностью. А двумя годами позже, когда в СССР было создано и успешно испытано первое ядерное устройство, мы тем самым решительно перечеркнули монополию американцев на это оружие.

В США ускоренными темпами приступили к созданию средств предупреждения о ракетно-ядерном ударе. В 60-е годы они начали их развертывать на своей территории и за ее пределами. Первый эшелон составили искусственные спутники Земли (ИеЗ) «Имеюс», предназначенные для обнаружения старта ракет и засечки ядерных взрывов. Экспериментальный запуск «Имеюс-1» был произведен в 1968 году, а к 1970-му уже была развернута космическая система из шести «Имеюс-2» на орбитах высотой 35-40 тыс. км, размещенных по два над акваториями Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Эта система до сих пор контролирует всю поверхность нашей планеты, обеспечивает обнаружение любого ракетного старта, определяет время запуска, координаты, направление полета и выдает информацию на командные пункты не более чем за 3-5 минут.

Второй эшелон – на базе надгоризонтных РЛС «Бимьюс» – был создан в 1960–1963 гг. для прикрытия основных ракетоопасных направлений – северо-восточного, северного и северо-западного (с территории Советского Союза). Эта система включает три модернизированных в последние годы поста, развернутых в Фойлингдейлз-Муре (Великобритания), Туле (Гренландия) и Клире (Аляска). В этой же

системе используется многофункциональная станция «ПАР» из состава системы ПРО «Сейфгард».

В нашей стране разработка и создание надгоризонтных РЛС для предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства выполнялись в Научно-исследовательском радиотехническом институте Академии наук СССР под руководством академика А.Л. Минца (главный конструктор – Ю.В. Поляк). Первые станции «Днестр» были развернуты в Казахстане и Сибири. В совокупности они образовали сплошной радиолокационный барьер протяженностью 5 тыс. км, который обеспечивал точное обнаружение и сопровождение космических объектов.

Одновременно, начиная с 1963 года, в этом же институте разрабатывались модернизированная РЛС надгоризонтного обнаружения «Днестр-М» и проект головного комплекса системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) на основном северном ракетоопасном направлении (с территории США) с размещением этих станций в районах Заполярья, Латвии и командного пункта в Подмосковье.

Вспоминает генерал-майор В.П. Панченко:

Панченко Виктор Павлович

Р. 21.07.1934.

Генерал-майор в отставке, кандидат технических наук. В Вооруженных Силах с 1950-го по 1992 год. Окончил 2 Ленинградское артиллерийское училище (г. Коломна, 1955), Артиллерийскую радиотехническую академию (г. Харьков, 1964). Специалист по автоматическим системам управления и вычислительной технике. После окончания академии последовательно занимал должности

начальника командно-вычислительного центра на Мурманском узле, начальника отдела боевых алгоритмов и программ на командном пункте комплекса раннего обнаружения (КПК РО), главного инженера РТУ, главного инженера дивизии ПРН (ОН), заместителя командующего ОА ПРН (ОН) по вооружению. Принимал непосредственное участие в создании и модернизации РЛС «Днестр-М», «Даугава», «Днепр», в разработке боевых алгоритмов и программ комплекса РО, в работе ряда комиссий по государственным и приемо-сдаточным испытаниям средств СПРН. Более 20 лет занимался боевым применением радиотехнических узлов, космической системы обнаружения стартов БР, командных пунктов дивизии и армии предупреждения.

Руководил разработкой и внедрением в практику войск комплексных систем эксплуатации и технического обслуживания различных видов вооружения СПРН, в том числе прогрессивных форм технического (адаптивная система) обслуживания.

Награжден орденами «Красная звезда», «За службу Родине» III степени, многими медалями СССР.

...Впервые судьба свела меня с Юрием Всеволодовичем Вотинцевым в 1964 году. Я оканчивал Харьковскую академию, оставались выпускные экзамены и защита дипломного проекта.

Последние два года, с моим другом Юрием Онуфреем, в лаборатории вычислительной техники, мы занимались комплексной экспериментальной работой по повышению быстродействия вычислительной машины М-50, переданной в академию после закрытия системы «А» на полигоне. Работа для нас была интересной в инженерном плане, и нам удалось, используя данную элементную базу, повысить ее быстродействие, за счет структурных усовершенствований, в два раза.

Ознакомившись с результатами теоретического обоснования и действующими макетами устройства управления и процессора, кафедра вычислительной техники предложила нам идти на защиту дипломного проекта с нашими разработками.

Не знаю, по этой ли причине, или чисто случайно, но Председатель экзаменационной комиссии, генерал-лейтенант Ю.В. Вотинцев, пришел на нашу защиту дипломного проекта. Задав несколько, на мой взгляд, вполне профессиональных вопросов по конструкции ЭВМ и нашим предложениям, он покинул аудиторию, сказав при этом, что защита ему понравилась, но чтобы оценка подкомиссии была объективной, он не будет вмешиваться в ее работу. Дипломный проект мы успешно защитили.

Вручал дипломы Председатель Государственной комиссии генерал-лейтенант Юрий Всеволодович Вотинцев, командующий 12 отдельной армией ПВО.

Его отеческие и патриотические напутствия о долге и ответственности выпускника академии, нами были выслушаны с вниманием, но воспринимались скорее как дежурная речь председателя.

Но обстоятельства сложились так, что, по мере завершения строительства отдельных объектов комплекса раннего обнаружения, противоракетной обороны, комплексов ОС и ИС, наш председатель Государственной комиссии был назначен Командующим ПРО и ПКО и мне, как и большинству выпускников этого года, под его руководством пришлось служить около 25 лет, на деле выполняя его напутствия, изложенные как на выпуске в далеком 1964 году, так и более жесткие требования, уже как Командующего.

В конце 1969 года я был назначен главным инженером Мурманского узла. РЛС «Днестр-М», составляющая основу узла, прошла государственные испытания и была принята в эксплуатацию. Однако из-за задержки с поставкой аппаратуры службы единого времени и распределительно-преобразовательной, узел не мог работать в штатном режиме с командным пунктом комплекса раннего обнаружении (РО).

РЛС «Днестр-М» первой модификации работала в метровом диапазоне волн и была способна обнаруживать баллистические ракеты и искусственные спутники Земли на дальности до 2500 километров в зоне 30 градусов по углу места и 60 градусов по азимуту.

РЛС «Днепр» на Мурманском узле

Конструктивно РЛС «Днестр-М» состояла из двух секторных РЛС, объединенных вычислительным комплексом и командным пунктом, составлявшим вместе с инженерным комплексом, радиолокационный центр (РЛЦ). Аппаратура РЛС и оборудование инженерного комплекса размещались в стационарном двухэтажном здании. Приемопередающие рупорные антенны, длиной 250 м и высотой 15 м, монтировались в пристройках с двух сторон основного здания. Аппаратура системы передачи данных (СПД), службы единого времени (СЕВ), узел связи и другие службы со своим инженерным комплексом, размещались в отдельном здании командно-вычислительного центра (КВЦ), и являлись общими для всего узла.

Радиотехнический узел в Мурманской области и такой же узел в Прибалтике, совместно с командным пунктом в Подмосковье, который в это время интенсивно создавался, составляли комплекс раннего обнаружения (РО) налета баллистических ракет с северного и северо-западного направлений.

Создаваемый комплекс РО являлся важным элементом стратегической безопасности страны, поэтому этапы его создания находились под постоянным контролем Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Совете Министров СССР. Министерства обороны и Войск ПВО.

В феврале для контроля хода работ на узел прибыла большая группа специалистов, в состав которой входили представители Главного управления вооружения и Главного штаба Войск ПВО, Главного конструктора, научно-исследовательских институтов Министерства обороны, военных строителей. Возглавлял эту группу генерал-лейтенант Ю.В. Вотинцев.

Выслушав мой доклад о ходе работ, и не придав значения тому факту, что подключение узла к командному пункту комплекса РО определяется главным образом задержкой поставки части аппаратуры, Юрий Всеволодович обвинил нас с командиром о неудовлетворительной работе командования части по подготовке узла к боевому дежурству. В общем, урок преподан был верный. Действительно, ссылаясь на отсутствие незначительной части аппаратуры, мы без особого напряжения занимались подготовкой личного состава к боевому дежурству. Выводы были сделаны правильные и, когда подошло время, личный состав без напряжения перешел в режим боевого дежурства.

В дальнейшем, мне часто приходилось встречаться с Юрием Всеволодовичем на многих объектах системы ПРН, сборах, семинарах, при работе в различных комиссиях. Я хочу отметить его деловитость, принципиальность в решении служебных вопросов, дотошность в разборе сложных технических

и алгоритмических ситуаций. Для примера, он требовал четкого обоснования размера полосы пропускания второго режекторного фильтра в устройстве обнаружения приемного устройства РЛС, позволяющего обнаруживать цели в условиях полярных возмущений. Это один из нескольких сотен, но очень важный параметр для РЛС, работающей в условиях воэмущенной ионосферы. Даже не все инженеры, эксплуатирующие приемные устройства РЛС, особо выделяли этот показатель в ряду других.

Эксплуатация и боевое применение войск РКО требовало от личного состава глубоких знаний устройства и эксплуатации различных радиотехнических, электронных и электротехнических устройств, составлявших объекты войск РКО. Исходя из этого, генерал Ю.В. Вотинцев серьезное значение придавал профессиональной подготовке личного состава частей и соединений войск РКО. В интересах войск РКО, он инициировал уточнение курса и планов подготовки курсантов Житомирского и Пушкинского училищ, выпускники которых направлялись для прохождения службы в войска РКО. Поддерживал постоянный контакт с руководством Харьковской и Калининской академий, корректируя программы подготовки специалистов для войск РКО на профильных кафедрах и привлекая начальников этих кафедр на всевозможные учебно-методические сборы и стажировку в войсках. По его инициативе, в Кубинке был создан учебный центр, в котором плановую подготовку проходили офицеры частей войск РКО. В последующем, после развала Советского Союза, на базе этого центра было создано радиотехническое высшее военное училище, которое обеспечивало специалистами, продолжающие нести боевое дежурство части войск РКО.

Очень тщательно разбирался Юрий Всеволодович со всеми случаями нарушения режимов работы или нарушениями боевой готовности средств, докапываясь до однозначной

причины нарушения – отказа техники, влияния всевозможных природных аномалий или ошибочных действий боевого расчета. На протяжении службы мне десятки, а может быть и сотни, раз пришлось участвовать в работе создаваемых по такому поводу комиссиях. В сложных случаях к выявлению причин нарушений привлекались специалисты главных конструкторов и военных научно-исследовательских институтов. К сожалению, таких случаев было достаточно много. Возникали отказы устройств, отдельных центров и даже узлов по различным причинам и в каждом таком случае Ю.В. Вотинцев требовал тщательного разбирательства, установления причин и предложений по исключению подобного в будущем.

В середине 70-ых – начале 80-ых годов средства войск РКО стремительно развивались, в том числе и Система предупреждения о ракетном нападении. Создавались загоризонтные РЛС и космическая система обнаружения стартов БР с территории США, модернизировался командный пункт СПРН, модернизировались действующие РЛС и строились новые, более совершенные и эффективные.

Одной из таких РЛС была станция «Дарьял» главного конструктора В.М. Иванцова. Это была новая импульсная РЛС с фазированными антенными решетками (ФАР), значительно превосходившая существующие РЛС «Днепр» по производительности, эффективности и помехозащищенности. Построенная на новой элементной базе, имеющая более сложную структуру, насыщенная техническими и технологическими новинками, эта РЛС представляла собой объект более высокого интеллектуального уровня.

В состав РЛС «Дарьял» входили передающий и приемный центры, разнесенные на местности. Оснащение РЛС фазированными антенными решетками позволяло практически мгновенно перемещать передающий и приемный лучи в любое место в пределах зоны обзора. ФАР приемника

обеспечивала формирование сложной диаграммы направленности, состоящей из нескольких игольчатых парциальных лучей в зоне обзора 110 градусов по азимуту и 40 градусов по углу места. Пиковая импульсная мощность РЛС, по сравнению с РЛС «Днепр» возросла более чем в сто раз. Вычислительный центр оснащался новыми машинами разработки М.А. Карцева, имеющими достаточно большое быстродействие и объем памяти. Для РЛС были разработаны более совершенные алгоритмы обработки информации. Все это позволило значительно повысить дальность обнаружения космических объектов, точность определения параметров их движения и пропускную способность. РЛС оснащалась системой автокомпенсации активных помех, аппаратурой и программами защиты от пассивных. РЛС была способна обнаруживать малоразмерные (с ЭОП, равной 0,1–0,3 м^2) головные части БР в любых вариантах налетов с использованием ложных целей, в том числе и в условиях постановки активных помех, на дальностях до 6000 километров. Одновременно РЛС могла обслуживать до 20 сложных целей, до 100 одиночных и до 50 космических помехоносителей. Для оценки насыщенности РЛС «Дарьял» радиоэлектроникой необходимо отметить, что РЛС включала в себя свыше 300 тысяч различных блоков, в то время как в РЛС «Днепр» их было около 25 тысяч.

Однако создавалась она, как и РЛС предыдущего поколения, по принятой неизменной схеме двумя головными организациями, Министерством Радиопромышленности и Войсками ПВО страны, усилия которых естественно были согласованы при строительстве. При создании этой РЛС, из поля зрения этих организаций были упущены ее структурные особенности и особенности ее боевого функционирования при несении непрерывного боевого дежурства. В результате часть оборудования РЛС, смонтированного войсками ПВО, в частности технологический кабель в передатчике,

РЛС «Дарьял» на Печоре

разработчиками в состав РЛС включен не был. К несчастью этот кабель оказался малонадежным, в ходе боевой работы стал регулярно выходить из строя, что значительно снижало боевые возможности РЛС. К сожалению ни заказывающее управление Войск ПВО, ни разработчики РЛС, решительных мер по устранению сложившегося несуразного положения не приняли. Не смогли оценить опасность сложившегося положения, при строительстве новых высокотехнологичных и энергоемких радиолокаторов, и в управлении Командующего Ю.В. Вотинцева. Пока на высоком уровне шла перепалка, кто же должен устранять этот дефект, при очередном пробое кабеля произошло его возгорание, и возник пожар на передающем центре РЛС. На несколько месяцев РЛС «Дарьял» на Печорском узле была выведена из рабочего состояния.

Много внимания уделял Юрий Всеволодович дальнейшему развитию войск РКО. Так в середине 80-ых годов прошлого столетия вопросы развития средств войск РКО рассматривала специальная комиссия, в которую были включены представители научно-исследовательских институтов ВПК и МО, разработчиков средств и заказчика, оперативного управления Войск ПВО и войск, осуществляющих боевое применение. Возглавлял работу этой комиссии Ю.В. Вотинцев. Я тоже

был включен в состав этой комиссии и хорошо помню, какими бурными и эмоциональными были выступления и требования представителей, участвующих в работе организаций, о путях развития и выборе средств для войск РКО. Юрию Всеволодовичу удалось убедительно примирить все стороны, согласовать все противоречивые требования, и комиссия подписала акт дальнейшего развития Войск РКО, основные рекомендации которого были приняты к реализации и узаконены Постановлениями ЦК КПСС и СМ СССР. Именно по рекомендациям комиссии, для Системы ПРН, была построена РЛС «Волга» в Белоруссии и интенсивно создавались новейшие РЛС «Дарьял-УМ» на Украине и в Прибалтике, строительство которых после распада СССР, было прекращено.

Безусловно, генерал-полковник Ю.В. Вотинцев являлся одним из видных организаторов создания нового рода войск в структуре Войск ПВО страны, войск Ракетно-космической обороны, и первым руководителем боевого применения средств этого нового в Вооруженных Силах рода войск. При его непосредственном участии создавались и под его руководством выполняли задачи опытного и боевого дежурства части и соединения противокосмической и противоракетной обороны, системы контроля космического пространства. Не обходил вниманием Ю.В. Вотинцев и боевое дежурство в Системе предупреждения о ракетном нападении.

Таким образом, Юрий Всеволодович Вотинцев своей службой в Вооруженных Силах и плодотворной деятельностью по созданию системы Ракетно-космической обороны, внес значительный вклад в обеспечение стратегической безопасности нашего Отечества ■

Работы на этих узлах были начаты в 1963–1964 гг. Формирование воинских частей для них было возложено на начальника управления генерал-лейтенанта М.М. Коломийца,

Генерал-лейтенант
М.М. Коломиец

Генерал армии
С.Л. Соколов

непосредственно подчиненного начальнику 4-го Главного управления Министерства обороны (4 ГУМО) генерал-полковнику авиации Г.Ф. Байдукову.

По первоначальному эскизному проекту информация об обнаружении БР должна была передаваться по средствам связи непосредственно с радиотехнических узлов на ЦКП Генштаба. Но это было исправлено, и в 1965 г. началось создание КП СПРН в Подмосковье.

Создание первых объектов шло ускоренными темпами под жестким контролем ЦК КПСС и правительства, чьи представители постоянно контролировали ход работ на местах.

Уже в июле 1968 года РО-1 обнаружил три отечественных БР, стартовавшие с подводной лодки из акватории Норвежского моря, что дало возможность на практике проверить правильность технических и, особенно, алгоритмических решений.

Примечательно, что летом 1967 года недавно назначенный первым заместителем министра обороны генерал армии С.Л. Соколов счел необходимым вместе с Г.Ф. Байдуковым и со мной

посетить строившиеся и находившиеся на этапе монтажа и настройки технологической аппаратуры узлы в Латвии и Заполярье. Не обращая внимания на то, что к его прибытию, как было принято, «марафет» на узлах не навели, он обстоятельно, спокойно и на удивление компетентно вник в состояние дел, узнал, что нужно, обещал помочь. И обещание выполнил.

В конце 1968 года комиссия под председательством первого заместителя начальника Главного штаба ПВО генерал-полковника В.В. Дружинина провела государственные испытания РЛС «Днестр-М» на узле в Заполярье. На Крайнем Севере радиолокационные станции работали в чрезвычайно сложной помеховой обстановке, обусловленной постоянным хаотическим возмущением ионосферы, приводившим, правда, к кратковременным, завязкам отметок, совпадавших по характеру с отрезками траекторий баллистических ракет. Это не исключало формирование и выдачу ложной информации предупреждения.

В 1970 году А.Л. Минц по поводу моих опасений сказал: «Юрий Всеволодович, ваше беспокойство небезосновательно. Но помните: я и ведущие конструкторы нашего института всегда будем с войсками. Мы сделаем все необходимое, чтобы обеспечить гарантированное исключение выдачи ложной информации предупреждения о ракетном нападении».

И действительно, боевые программы по мере набора статистики постоянно дорабатывались. Главные конструкторы Ю.В. Поляк и В.М. Иванцов систематически работали на узлах, а другие специалисты находились на них постоянно. Случаев выдачи ложной информации предупреждения на северном и северо-западном ракетоопасных направлениях не было.

Отрывок из книги генерал-полковника В.К. Стрельникова «Последнее предупреждение»:

Стрельников Владимир Константинович

(1925-2014)

В 1943 г. окончил Горьковский автотранспортный техникум и был призван в Красную армию. В 1944 г. закончил 3-е Ленинградское артиллерийское училище и был назначен командиром взвода учебного артиллерийского полка. Участник Великой Отечественной войны.

В 1955 году закончил Военную академию имени Фрунзе.

В 1955–1964 г. – командир зенитно-ракетного дивизиона, старший офицер оперативного отдела штаба армии, командир зенитно-ракетного полка 1-й армии ПВО особого назначения. В 1964–1965 г. – начальник оперативного отдела корпуса ПВО СССР.

После окончания Военной академии Генерального штаба назначен командиром 1-й отдельной дивизии предупреждения о ракетном нападении.

С июня 1977 по декабрь 1980 г. – Командующий 3-й отдельной армии предупреждения о ракетном нападении особого назначения.

С декабря 1980 по сентябрь 1990 г. – начальник Военной инженерной радиотехнической академии ПВО имени Маршала Советского Союза Говорова .

Кандидат военных наук, профессор.

Награжден орденами: «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской революции», «Отечественной войны» 1-й ст., «Красной Звезды» (два), «Знак Почета», «За службу Родине в ВС СССР» 3-й ст. и многими медалями.

...15 февраля 1971 года приказом министра обороны дивизия поставлена на боевое дежурство. Она стала именоваться «Отдельная дивизия предупреждения о ракетном нападении» (ОД ПРН).

Принятие комплексов СПРН на вооружение, заступление дивизии на боевое дежурство для обнаружения БР на главных Северном и Северо-Западном ракетоопасных направлениях

это не просто очередное, хотя и уникальное, мероприятие в Вооруженных Силах: это историческое военно-стратегическое событие для страны, имеющее решающее политическое значение в противоборстве ядерных держав. Был достигнут полный незыблемый паритет в силах и средствах сдерживания ракетно-ядерной войны и обеспечения неотвратимости возмездия ракетно-ядерному агрессору.

О важности СПРН, особенно после заступления на боевое дежурство, свидетельствуют многочисленные посещения, заслушивания докладов о состоянии дел на КП СПРН и в частях секретарями ЦК КПСС по оборонным вопросам, министрами обороны и оборонных отраслей промышленности, начальниками Генштаба, главнокомандующими Войсками ПВО, начальниками Главков, советниками министра обороны и многими другими высокими руководителями.

Фото на память. В первом ряду слева направо: Ю.В. Вотинцев, В.К. Стрельников, П.С. Плешаков, В.С. Гусаченко, Д.Ф. Устинов, Н.А. Редькин, В.Н. Никифоров. 1975

При этом всегда проявлялась доброжелательность, уважение и внимательность к личному составу, высоко оценивались его профессиональная выучка, четкость, подтянутость.

В апреле 1976 года КП посетил секретарь ЦК КПСС Д.Ф. Устинов с группой работников ЦК и конструкторов. После моего доклада был проведен осмотр боевых постов. Подводя итоги, Дмитрий Федорович сказал, что он доволен состоянием дел, но и интерьер помещений не соответствует ни выполняемой задаче, ни технике. Надо навести «марафет» (так и сказал).

Через месяц он стал Министром обороны, а через три месяца строители навели «марафет», существующий и поныне.

Однажды Маршал Советского Союза Н.В. Огарков заметил, что во время докладов начальниками боевых расчетов никто из них перед маршалом не дрожал, не терялся, хотя, наверное, делал это первый раз в жизни. Он нигде не видел такой фанатичной преданности своему вооружению.

Справа налево:
начальник Генерального штаба ВС СССР маршал Советского Союза Н.В. Огарков, генерал-майор Е.В. Калашников, генерал-полковник Е.С. Юрасов, генерал-полковник В.Д. Созинов, генерал В.К. Стрельников. 1976

В 1979 году по распоряжению начальника Генштаба под руководством начальника Главного штаба Войск ПВО генерал-полковника С.Ф. Романова на КП СПРН был проведен учебный сбор начальников главных штабов и оперативных управлений видов ВС, дежурных генералов всех ЦКП. Докладывать приказано было мне. Участников удивило, что существует в ВС такой КП, особенно зал боевого управления.

Вскоре на всех ЦКП были введены полковничьи должности помощников дежурных генералов по СПРН.

Заступление на дежурство не потребовало каких-либо дополнительных мероприятий, так как все – от боевых документов до отдыха личного состава боевых расчетов – было практически отработано в период опытного дежурства продолжительностью более года. Заступление на дежурство было обозначено боевыми приказами командиров дивизии и частей, а также соответствующим ритуалом с подъемом флага и исполнением гимна, для чего были оборудованы специальные помещения.

Особенностями боевого дежурства, в отличие от других родов войск ПВО, является его непрерывность; боевая задача выполняется в любое время суток в полном объеме, самостоятельно дежурными расчетами, без дополнительного включения аппаратуры и усиления боевых расчетов. И все это в реальном масштабе времени.

На личный состав налагалась ни с чем не сравнимая ответственность. Каждая часть отвечала за огромное по дальности, фронту и высоте ракетоопасное направление (РОН), дивизия – за несколько РОН, впоследствии армия – за все РОН. Ответственность возложена на них за всю страну, перед всем многомиллионным народом. Пропуск хотя бы одной ракеты противника может обратиться для страны необратимой катастрофой.

Трудность несения дежурства – не только в физической нагрузке личного состава, постоянно находящегося за пультами контроля и управления в малоподвижном и однообразном состоянии. Главная нагрузка – психологическая. Ввиду того, что все составляющие вооружения неразрывно взаимосвязаны и взаимозависимы не только внутри части, но и в масштабе Системы, она является абсолютно коллективным оружием. Действия одного человека могут повлиять на конечный результат

всей армии. Поэтому на каждом номере боевого расчета лежит огромный груз ответственности. У каждого должна быть уверенность в своих глубоких знаниях техники, в своем умении управлять ею, достигаемом на тренировках вне дежурства и за счет опыта, приобретаемого в ходе дежурства.

Такими качествами обладало большинство наших офицеров, что признали даже наши противники.

Особое внимание уделялось личной подготовке и слаженности в работе оперативных дежурных (ОД), дежурных инженеров (ДИ) и дежурных по связи (ДС), от качества боевой службы которых в решающей степени зависела боевая готовность в экстремальной обстановке самостоятельно под свою ответственность принимать решения.

Например, в 1976 году из-за аварии на головной подстанции Госэнерго на КП СПРН отключилась аппаратура передачи телекодовой и телеграфной связи с ЦКП и частями. Оперативный дежурный подполковник Силаев в этой обстановке принял единственное возможное решение, приказав ОД частей докладывать при обнаружении БР и о функционировании комплексов по каналам оперативно-командной связи, а дежурному по связи – включить на безвызовный режим все узлы связи. На всех КП были назначены офицеры, державшие непрерывно телефонные трубки у уха и докладывавшие о состоянии частей.

Таким способом поддерживалась связь и с ЦКП до восстановления штатного режима. За эти действия Силаев получил благодарность от начальника Генштаба. Этот случай стал поводом для замены соответствующей аппаратуры на более устойчивую.

Особенно отличались офицеры А.Т. Карпов, Б.Ф. Буртаев, Н.Д. Хижняков, Н.И. Науменко, М.И. Кошкин, С.Е. Петров и многие другие. Полковнику Карпову даже была посвящена статья в газете «Красная Звезда».

Впервые в ходе дежурств решалась задача психологической совместимости лиц боевого расчета, которые вместе находятся в изолированных помещениях непрерывно 12 часов в сутки месяцами и годами. Случались неоднократные замены людей не только номеров, но и начальников расчетов. Известен случай, когда за неуживчивость и строптивость офицер был освобожден от должности оперативного дежурного части.

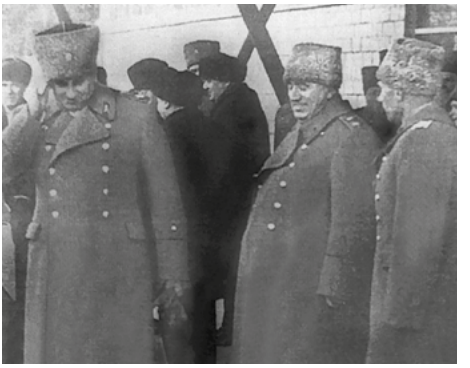
Главным показателем непрерывной боеготовности техники, самоотверженности, технической дисциплины и внучки личного состава является обнаружение отечественных и иностранных БР, а также сопровождение наиболее важных космических объектов (КО) и выдача о них достоверной информации на ЦКП о БР или на Центр контроля космического пространства (ЦККП) о КО.

Так, за 1970–1980 годы было обнаружено и видано на оповещение более 70 отечественных БР, стартовавших из акваторий Норвежского и Охотского морей. Ярким примером способности СПРН можно считать обнаружение БР, стартовавших парами с минимальным интервалом одновременно с обеих акваторий в марте 1977 года.

Неоднократно обнаруживались метеорологические ракеты, запускаемые в Норвегии.

С 1975 года Китай начал проводить испытания своих ракет, запуская их со своих баз с падением на полигоне в пустыне Такламакан. Ни одна ракета не была пропущена СПРН.

С 1976 года старты ракет с территории США начал обнаруживать комплекс УСК. В июле 1979 года впервые в автоматическом режиме была передана и принята на КП СПРН информация о старте МБР США с базы Ванденберг (Калифорния) с точкой падения на полигоне атолла Кваджелейн в Тихом океане. Это был момент завершения создания комплексной Системы ПРН.



На КП СПРН Министр Обороны А.А. Гречко и Главком Войск ПВО П.Ф. Батицкий, справа В.К. Стрельников

Заметным событием в процессе развития системы стало совещание, проведенное заместителем Председателя Совета Министров СССР Л.В. Смирновым 9 января 1969 года непосредственно на КП СПРН. На нем присутствовали Министр обороны маршал А.А. Гречко, Министр радиопромышленности В.Л. Калмыков, главком ПВО маршал П.Ф. Батицкий, главком РВСН маршал И.И. Крылов, а также генеральные и главные конструкторы систем РКО. Обсуждался главный вопрос что развивать и что создавать.

В ходе совещания участники ознакомились с оборудованием КП. Докладывали только офицеры, среди которых никого в звании выше майора не было. Конструкторы молчали. Маршал А.А. Гречко спросил у меня, где учились офицеры. Я ответил, что все они выпускники академии имени Говорова. Была отмечена их высокая техническая выучка. В заключение была показана работа КП при ракетном нападении. Здесь докладывал и показывал я. Для меня это был первый экзамен на знание оперативно-стратегической сущности СПРН, да еще в присутствии (впервые за мою службу) такого высокого руководства. Через полтора месяца мне было присвоено звание генерал-майора. Значит, экзамен я выдержал. В итоге внимания СПРН стало уделяться еще больше. Принято решение об ускорении работ по созданию космической системы обнаружения старта МБР с территории США (УСК) и разработке РЛС загоризонтного обнаружения (ЗГО) «Дуга».

В последующем на вооружение принимаются узлы в Крыму и Закарпатье. На ОС-1 и ОС-2 вводятся в строй РЛС с обзором космического пространства на Восточном и Юго-Восточном ракетоопасных направлениях.

РЛС «Днепр» в Севастополе

РЛС СПРН и ПРО выполняли задачи самостоятельно, без взаимодействия, что заметно ослабляло возможности по обзору космического пространства. РЛС работали в разных диапазонах частот по своим алгоритмам обработки и формирования выходной информации. Такое положение сложилось в силу узковедомственного подхода к делу, незнания и непонимания роли и значения СПРН как общенациональной системы, выполняющей чрезвычайно важные задачи в интересах страны с целью сдерживания потенциальной ракетно-ядерной агрессии и принятие ответственнейшего решения при ее проявлении.

К сожалению, нашлись ученые, которые пытались доказать, что СПРН – это составная информационная часть

ПРО, проводя аналогию с РТВ и ЗРВ противосамолетной обороны.

Маршал Батицкий резко осудил эту «теорию», поставив все на свои места ■

Уже в 1976 году мне довелось завершить испытания головного комплекса в полном составе: радиотехнических узлов в районах Заполярья, Латвии и КП под Москвой, ставшего командным пунктом системы предупреждения о ракетном нападении (КП СПРН). В дальнейшем удалось технически подключить к КП СПРН узлы дальнего обнаружения системы ПРО «А-35» (впоследствии сняты с вооружения и демонтированы), «Дунай-3» и «Дунай-3У», доработать боевые программы, обеспечив взаимный обмен информацией о баллистических ракетах и космических объектах.

РЛС «Дунай-3У» в Чехове

Однако это было не просто. Надгаризонтные средства системы предупреждения (А.Л. Минц) и средства дальнего обнаружения системы ПРО (Г.В. Кисунько) создавались независимо друг от друга. И это привело к тому, что средства работали в различной системе координат, определяющих параметры траектории баллистической ракеты. Использовались и разные вычислительные машины. У Минца – машины главного конструктора М.А. Карцева «5Э-73», а у Кисунько –

главного конструктора В.С. Бурцева. Различными были и автоматизированные системы передачи данных. Подобная несогласованность потребовала существенно доработать боевые алгоритмы и программы вычислительных машин на командных пунктах СПРН и ПРО, которые заняли около 30 проц. их памяти и быстродействия. В дальнейшем именно эти обстоятельства вызвали необходимость увеличить количество вычислительных машин и заменить их на ЭВМ нового поколения. А следствие – немалые дополнительные затраты.

Главный конструктор М.А. Карцев

Допущенная Минрадиопромом «самостийность» различных фирм, отсутствие требований на стандартизацию и унификацию вооружений неоправданно дорого обошлись как войскам, так и налогоплательщикам, затормозили ввод в строй новых объектов.

Эта разобщенность в начале 70-х гг. была в значительной мере преодолена. Главным конструктором СПРН назначили В.Г. Репина. Под его руководством в 1972 году был разработан и одобрен эскизный проект комплексной СПРН. В нем осуществились увязка и распределение требований к характеристикам надгоризонтных, загоризонтных и космических средств предупреждения, определялись принципы объединения и взаимного контроля их данных, правила формирования и выдачи выходной информации. Позже вся работа по созданию системы проходила в соответствии с этим проектом. Уточнения же вносились в процессе разработки новых предложений по средствам обнаружения.

А.В. Меньшиков

Первым этапом было упомянутое выше сопряжение на едином командном пункте радиолокационных узлов предупреждения и системы ПРО «А-35», осуществленное в 1973 году, а вторым – создание пункта и первой очереди системы предупреждения в 1976 году. В ходе этих работ были подтверждены разработанные в проекте комплексной системы принципы, приобретен опыт создания и ввода в эксплуатацию сверхсложных информационных систем. Коллективом главного конструктора В.Г. Репина, его заместителями и ближайшими помощниками докторами технических наук А.В. Меньшиковым, Б.А. Головкиным, В.П. Траубенбергом впервые и задолго до американцев были решены сложнейшие задачи полной автоматизации получения, обработки и объединения данных от разнотипных средств обнаружения баллистических ракет, формирования и выдачи информации предупреждения. Одновременно удалось справиться и с проблемой высокоскоростной и высокодостоверной передачи данных о баллистических ракетах и космических объектах с помощью систем, созданных под руководством главных конструкторов Ф.М. Липсмана, В.И. Шварцмана и И.М. Мизина. Непосредственно участвовал в этой работе старший офицер управления командующего ПРО и ПКО Б.А. Полуэктов.

Нужно отметить, что, несмотря на определенные сложности в отношениях с главными конструкторами отдельных средств предупреждения А.И. Савиным, Ф.А. Кузьминским, Ю.В. Поляком, В.М. Иванцовым, главному конструктору

системы В.Г. Репину удавалось достаточно четко определять требования к средствам и добиваться, в основном, их выполнения.

Из воспоминаний В.Г. Репина:

Репин Владислав Георгиевич

(1934–2011)

Доктор технических наук, действительный член международной академии информатизации. Главный конструктор СПРН, создатель СККП. Автор более 20 научных работ.

Награжден: Герой Социалистического Труда, орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового красного знамени и многими медалями. Заслуженный деятельной науки и техники РФ.

...Почти пятьдесят лет тому назад я вступил в сообщество людей, для которых делом жизни стало укрепление обороноспособности страны. За эти долгие годы я познакомился и работал вместе со многими членами этого замечательного сообщества, был свидетелем и участником многих интересных и важных событий. О некоторых из них я хочу рассказать в этом очерке.

В первой половине 1968 года проект «Аврора» территориальной системы ПРО был представлен на рассмотрение междуведомственной комиссии под председательством только что назначенного командующего войск ПРО и НКО Ю.В. Вогинцева.

Тогда я впервые познакомился с будущим первым командующим войсками ПРО и ПКО Ю.В. Вотинцевым. С ним меня связывает долгое двадцатилетие самой напряженной

и плодотворной работы и, несмотря на неизбежные для всякого сложного дела случавшиеся время от времени споры и размолвки, самые теплые и дружественные человеческие отношения. Я много приобрел от общения с ним и надеюсь, что не без взаимности.

Ю.В. Вотинцев внес большой вклад в создание и становление всех систем РКО – СПРН, СККП, ПРО, ПКО. Высокая, подчас подчеркнуто генеральская требовательность к подчиненным и коллегам из научных, промышленных и строительных организаций хорошо сочеталась в нем с желанием и умением учиться, добираться до сути технических проблем и вопросов, понимать необходимость компромиссов и искать совместно пути преодоления многих неизбежных, непредсказуемых трудностей. На мой взгляд, он близок к Образцовому эталону высокого военачальника, ответственного за создание, эксплуатацию и боевое применение современных, сложнейших по функциям и исполнению военно-технических систем.

Конечно же, во взаимоотношениях с ними, как во всяком живом и сложном деле, бывало всякое, в том числе иногда и непонимание трудностей и довольно резкие столкновения. Но это все-таки были редкие эпизоды, а перманентной основой были отношения самого искреннего сотрудничества. Хочется отметить какие-то черточки хотя бы некоторых из них. Это совсем не полные характеристики, а именно характерные черточки людей, которые стали моими большими друзьями.

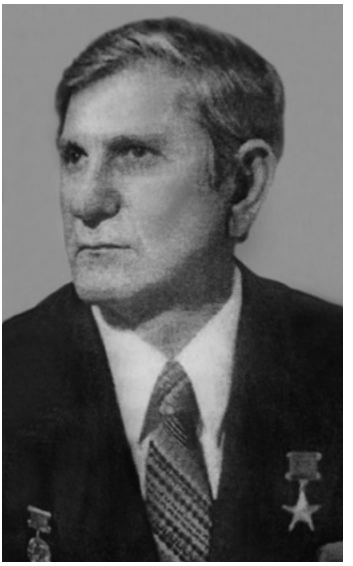
Юрий Всеволодович Вотинцев, заслуженный, опытный, очень требовательный и довольно жесткий военачальник, заслуживал восхищения постоянным стремлением к познанию новых и непривычных для него технических проблем. Он совсем не стеснялся, несмотря на высоту своего ранга, учиться и старался дойти до самой сути. Такую манеру поведения он старался привить и своим подчиненным. Стремление знать

и понимать все не только по докладам, но главным образом по собственным впечатлениям постоянно влекло его на создаваемые и несущие боевое дежурство объекты, к живому общению со строителями, монтажниками, разработчиками и своими подчиненными. Наверное, не менее половины своей службы командующим он провел на объектах. Безусловно, что в том деле, которым мы занимались и которое изобиловало просто неясными и СОВЕРШЕННО НЕЯСНЫМИ ВОПРОСАМИ, ЭТИ черты его характера имели громадное положительное значение ■

В тех же случаях, когда основные параметры новой техники не соответствовали заданным, путем умелого использования резервов, системного подхода, характеристики системы в целом удавалось довести до требуемого уровня. В создании первой и последующих очередей системы особенно следует отметить роль офицеров отделов боевых алгоритмов и программ, должностных лиц боевых расчетов, войсковых частей, многие предложения которых были приняты главными конструкторами системы и средств, способствовали улучшению их качества.

В 1968–1972 гг. Разрабатывается проект сплошного непрерывного поля надгоризонтного обнаружения на западном, юго-западном и южном ракетоопасных направлениях. Новые узлы создаются на Украине, в Казахстане и Сибири на базе РЛС «Днепр». В то время А.Л. Минц и В.М. Иванцов работали над принципиально новой станцией надгоризонтной радиолокации «Дарьял», имевшей фазированную антенную решетку. Сокращенный образец приемной части этой станции был успешно испытан на узле в Заполярье.

Вспоминает Главный конструктор РЛС «Дарьял» В.М. Иванцов:



Иванцов Виктор Михайлович

Р. 27.06.1933.
Доктор технических наук, Главный конструктор РЛС «Дарьял». Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственной премии СССР.
Награжден орденами: Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и медалями.

...После проведения Государственных испытаний войсковые части объектов СПРН переходили из подчинения Управления по вводу объектов в состав отдельной армии предупреждения о ракетном нападении, основного объединения в структуре войск ПРО и ПКО (ныне – РКО), и ставились на боевое дежурство. Бессменным командующим войск ПРО и ПКО (с начала их создания в 1967 г. и до 1986) был генерал-полковник Герой Социалистического Труда Ю.В. Вотинцев.

С Ю.В. Вотинцевым я познакомился еще в период работы на «Днестрах». Знакомство это было не очень близким, так как все организационно-технические проблемы решал Главный конструктор Ю.В. Поляк. Но уже тогда меня поразила гигантская трудоспособность Юрия Всеволодовича, его широкий кругозор, знание не только военных, но и технических проблем.

Более тесное знакомство у нас состоялось после постановки на дежурство РЛС «Дарьял». Вспоминается такой случай. Лето 1983 года. «Дарьял» на Печоре поставлен на дежурство. Но расслабляться не приходится. На РЛС в Азербайджане идут настроечные работы, масса своих проблем, связанных с рельефом местности и работой РЛС в южных

условиях. Периодически объект посещает «начальство». В какое-то время на объект прибыл Генеральный конструктор СПРН В.Г. Репин, его заместитель А.В. Меньшиков, руководители ГПТП. Зная хобби В.Г. Репина и А.В. Меньшикова, в воскресенье нас уговорили поехать на рыбалку, недалеко от объекта. Только расположились гонец. Меня и В.Г. Репина срочно вызывают в Москву. Быстро вылететь в Москву с юга в курортный сезон почти невозможно. Я говорю В.Г. Репину: «У меня в г. Тбилиси близкий знакомый по Балхашу – заместитель командующего Закавказским военным округом генерал М.О. Ааман. Давай поедем в Тбилиси – М.О. Ааман поможет вылететь в Москву».

Так и вышло. На следующий день мы уже были в Москве. Не заезжая домой, прямо с аэродрома поехали на КП СПРН. Входим в зал – идет совещание. Юрий Всевололович встретил нас не очень ласковыми словами (вместо того, чтобы спросить, как нам удалось так быстро добраться). Я хотел возмутиться, но Репин меня остановил. Понятно конечно на плечах Главкома, а значит и Командующего ПРО и ПКО, лежала огромная ответственность-обеспечить надежное функционирование «информационного щита» Родины – СПРН. А здесь ЧП СПРН выдала «ложную тревогу» (кстати сказать, у американской СПРН такое бывало намного чаще). По этому случаю была создана комиссия Министерства обороны во главе с заместителем министра обороны В.М. Шабановым. Разобрались, конечно. «Дарьял» был ни при чем. В СПРН шло наращивание новых средств. Случилась одна из технических «нестыковок», которую быстро устранили ■

В служебной деятельности офицеров боевых расчетов в войсковых частях пришлось совершенно по-новому организовать боевую подготовку. Особенностью ее заключалась в том, что она проводилась не со штатными подразделениями,

а порасчетно. Из четырех смен расчетов комплектовались две учебные группы. В каждой по два расчета. Техническая практическая подготовка проводилась в ходе боевого дежурства порасчетно на боевых постах. Все это позволяло личному составу в совершенстве знать свою технику.

Вспоминает полковник В.П. Сологуб:

Сологуб Василий Петрович

Р. 01.02.1946.

На военной службе с августа 1964 года. Окончил: Житомирское Краснознаменное военное училище войск ПВО, Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО, Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Проходил службу в должностях: старший техник приемной секторной РЛС «Дунай-3», затем на политической работе от замполита командира роты до заместителя командира войсковой части (командный пункт армии) по политической части. Далее четыре года в должности секретаря партийной комиссии при политотделе 3 ОА ПРН. Уволен в запас в 1992 году.

...Каждый из нас видит мир, оценивает происходящее и людей под углом дела, к которому приставлен, с позиций своей профессии. Я политработник, ветеран РКО, за время службы имел возможность не только видеть и слушать Командующего ПРО и ПКО, но и лично перед ним отчитывался, держал своеобразный суровый экзамен с глазу на глаз. Особенно памятны (1984–1985 гг.) заслушивания о состоянии дел на командном пункте армии (докладывали вдвоем с командиром части) в присутствии генерал-лейтенанта

Н.И. Родионова. И хотя поставленные задачи решались личным составом успешно, досталось нам с полковником В. Шмаковым по полной. Особенно за недостаточную техническую подготовленность. В сознание намертво впечатались слова: «Чихать и кашлять учиться не надо, а в остальном...» и в качестве резюме: «Разум не есть функция организма». Остальное опускаю. Было и негромким оно и печатным. Кажется, пробирало от некоторых дефиниций покрепче, чем командирский разнос.

По прошествии месяцев шести-восьми в гарнизоне очередное заседание комиссии: представители науки, промышленности, высшее руководство из рода и вида войск, Генштаба и правительства. Не наш уровень, но КП должен быть готов ко всему. И точно. Тут уж невольно вспомнится незабвенный баснописец И. Крылов с его: «И надобно ж беде случиться». Уже на исходе дня (в жизни привычней сочетание «рабочего дня», но для нас разницы не было, все дни на одну колодку), через оперативного дежурного получаем команду – командиру части с замполитом прибыть... время, место. Кому потребовались знаем, а вот – зачем?

Даже не успеваем через секретчика получить свои рабочие тетради с планами самостоятельной подготовки. После генеральского «допинга» нам пришлось поработать на повышенных оборотах и для «объективно подтвердить» можно было воспользоваться ими. В спешке пытаюсь выстроить оправдательные доводы типа: ...это инженерам и командирам хорошо, Харьков и Калинин их вооружают основательно, а мы (политсостав) технику своего рода ни в каких учебных заведениях не изучали. Преподаватели ВВУЗов сами от нас слушателей пытались хоть что-то разузнать». Казалось, что алиби хоть и не железное, но для некоторого снисхождения сгодится может. Дело прошлое, сознаюсь: боязно и стыдно было опять оказаться посрамленными.

Трудно сейчас восстановить происходившее в деталях, да и красок на сей раз было значительно меньше. В умных книжках вычитал, что в каждом месяце есть по два злых дня и один добрый (лучше бы наоборот). Видимо, тогда совпало с днем добрым. Генерал-полковник после доклада о прибытии и состоянии дел смотрел на нас пытливо, но не сердито, расспрашивал необидно, без попыток загнать в угол. Говорил заинтересованно, не для проформы. По-моему, вопросы задавались с целью вызвать на откровенность, снять зажатость. Вот уж действительно поверишь, что умный вопрос – важнее умного ответа. Никакие отмазки, естественно, не потребовались. Как вспомню – уши горят. Хорош бы я был со своими доводами: не учили видите ли... А у него откуда такие познания?

От многих известно, насколько командующий врос в специфику стратегических задач, создаваемого рода войск, в существо технических проблем, как упорно учился и постигал новое, непривычное. Такого же подхода к делу он требовал и от подчиненных.

Я имел честь быть в их числе. Рождение этих строк – дань и знак признательности. Отчетливо сознаю, что мне и другим авторам не под силу рассказать здесь и сотой доли о делах, пройденном и пережитом, свершениях такой незаурядной личности.

Наше беглое, на первый даже взгляд случайное, добавляет штрихи, дополняет портрет, облик. Поэтому еще одно воспоминание, оказавшееся сильнее других, оставившее глубокий след в памяти.

После досрочного выпуска из Житомирского Краснознаменного военного училища Войск ПВО страны, весной 1967 года, я с большой группой лейтенантов вместо предполагаемого Волхова (ЗРК С-75) оказался на Дунае (СДО – станция дальнего обнаружения) в Кубинке. Первичные должности,

выдвижение в управление части. Замечательные люди, великолепный воинский коллектив головной в/части соединения ПРО. Ответственные задачи, боевое дежурство, партийно-политическая работа, напряженная учеба. Очередное построение на строевом плацу вроде бы ничего особенного не предвещало. Своеобразная, неранжированная рота, с преобладанием в строю старших офицеров под командованием заместителя начальника штаба части подполковника С. Чучалова, смотрелась привычно. Но... картину на сей раз, сильно заостряет наша вооруженность карабинами СКС. А тут... и руководитель занятия! Генерал-лейтенант (погоны еще без третьей звезды и Геройская звезда еще впереди), в сапогах, под ремнем и, как все мы, с карабином. Наверное, его зоркий глаз подметил послабления и решил на нашем примере через управленческую структуру добиться повышения качества строевой выучки и слаженности подразделений и частей. В течение часа мы отрабатывали строевые приемы и движение с оружием. Не всё и не сразу получалось. Многие давно не держали в руках карабин, отдельные не получили основательной подготовки в статусе курсанта. Но методически правильно выстроенное занятие, четкие команды, личный показ руководителя увенчались успехом. К финалу обучаемые двигались и действовали значительно лучше. Генерал нас не гонял, как пессимистично предрекали «якобы, знающие его», а заинтересованно обучал. При этом обходился без помощников, не брал в руки никаких пособий и конспектов. Все последовательно, логично, делая по памяти ссылки на «Строевой Устав ВС СССР». И окончательно покорил нас, продемонстрировав выполнение воинского приветствия по команде «Для встречи..., на кра – УЛ» с карабином из положения «к ноге». «Это же просто, всего в два приема», – сказал он и ловко, словно играючи переместил оружие на середину груди, мушкой на уровне глаз. Также артистично

карабин был возвращен в исходное положение. Мой однокашник по училищу старшина Валентин Забродский, прошедший «солдатский университет» в одной из Групп Советских войск в этом случае сказал бы, что исполнено «на три щелчка».

После занятия, возвращая оружие в подразделение, можно было услышать разные мнения – многие восхищенно: «Вот это генерал!», другие приглушенно и буднично: «Чего тут удивляться? Кремлевец!» Нет, не довелось артиллеристу Вотинцеву пройти обучение в прославленном ВУЗе, у него за плечами две военные академии, обе с золотой медалью. А в довоенное время на берегу озера Сенеж, где летним лагерем располагалось Московское училище им. Верховного Совета учился сын легендарного Чапаева. Его артдивизион оборонял в 1941 году город Солнечногорск. В мемуарной литературе можно прочитать о тесном фронтовом содружестве Юрия Вотинцева и Александра Чапаева. Очевидно, из-за этого и вкралась ошибка о «кремлевце», с кем не бывает.

За незнание биографии такой знаковой фигуры в нашем виде Вооруженных Сил, мои тогдашние сослуживцы, конечно же, заслуживают снисхождения. Причины уже упоминались. Что же касается меня, то впечатления от необычного генерала не ослабевают на протяжении многих лет и, со всей откровенностью, могу сказать, что генерал-полковник Ю.В. Вотинцев по праву может быть отнесен к числу лучших людей нашей Родины. С течением времени значимость этого человека, думается, будет только возрастать.

Людям в погонах, особенно офицерам, желаю встретить на своем жизненном пути наставника, командира подобного калибра. Такие слова адресую и своим внукам ■

В 1984–1985 гг. узлы со станцией «Дарьял» начали ставиться на боевое дежурство на Севере и в Азербайджане,

на пять-шесть лет позже первоначально установленных сроков. Это происходило из-за издержек строительных организаций, срывов поставок оборудования заводами и главным образом из-за неготовности программно-алгоритмического обеспечения. Несмотря на неоднократные требования главнокомандующего Войсками ПВО страны, главного заказывающего управления и мои, в конструкторских бюро и НИИ Минрадиопрома вычислительной базы так и не было создано. Это приводило к тому, что практически на завершенных и готовых к эксплуатации объектах приходилось в течение трех-четырех лет отлаживать программно-алгоритмическое обеспечение с использованием штатных ЭВМ.

Я бы погрешил против истины, если бы не рассказал правды о том, как создавался узел надгоризонтной радиолокации на северо-восточном ракетоопасном направлении. Он должен был замкнуть непрерывное радиолокационное поле по внешней границе СССР. По нашему прогнозу, вблизи западного побережья США именно на этом направлении должны были базироваться американские атомные подводные лодки с ракетами «Трайдент», а затем и «Трайдент-2», способные простреливать всю территорию Советского Союза, что в дальнейшем и подтвердилось.

По проработкам и моделированию научно-исследовательского управления Института Войск ПВО страны, руководимого доктором техничерких наук, профессором генерал-майором авиации Е.С. Сиротининым, такой узел мог быть размещен в районе Норильска или Якутска. Из-за недостатка электроэнергии Якутск отпал. А вот руководство Норильского горно-обогатительного комбината гарантировало содействие в создании узла. Однако при этом возрастали затраты, так как доставка строительных материалов и оборудования шла кружным морским путем.

Вопрос о месте дислокации узла несколько раз рассматривался у начальника Генерального штаба Н.В. Огаркова. Я хорошо знал Николая Васильевича как человека высокой культуры, разумного, способного глубоко вникнуть в суть проблемы, принять правильное решение. Поэтому был поражен, когда он при поддержке заместителя министра обороны по строительству генерал-полковника-инженера Н.Ф. Шестопалова не согласился с норильским вариантом, а потребовал создавать новый узел только в районе Енисейска. В проекте Минрадиопрома этот пункт упоминался, но был нами сразу же отвергнут из-за того, что грубо нарушались положения Договора с США по ограничению систем ПРО (1972 г.), согласно которому надгоризонтные средства СПРН могли размещаться в непосредственной близости от государственной границы с антенной, обращенной вовне. Енисейск же расположен в глубине страны на расстоянии порядка 3 тыс. км от нашей морской границы.

К сожалению, взяли верх доводы работников Генерального штаба о том, что этот объект можно считать не узлом предупреждения, а средством обнаружения спутников (ОС-3). Несмотря на все наши возражения, Д.Ф. Устинов на очередном большом совещании во всеуслышание заявил, что если кто-нибудь в ПВО еще посмеет возразить против Енисейска, то простится с должностью.

Американцы средствами космической разведки буквально ежедневно фиксировали ход работ на узле. И когда обозначились его основные сооружения, заявили протест, который, в конечном счете, наше правительство приняло.

Урок, преподанный нам американской стороной, оказался весьма дорогостоящим, и не только в материальном отношении. Естественно, что он отразился и на обороноспособности страны.

Пришлось уже возведенных сооружений демонтировать под гражданские объекты (мебельная фабрика). Будем довольствоваться тем, что хотя бы она начнет выпускать продукцию. А вот Средств надгоризонтного обнаружения на северо-восточном направлении страны как не было, так и нет.

На других ракетоопасных направлениях станции «Днепр» работают непрерывно уже более 20 лет, технически и морально они устарели. В середине 80-х гг. на узлах в Латвии, Белоруссии, на Украине, в Казахстане и Сибири было развернуто строительство на тех же позициях новых станций «Дарьял-У» и «Волга».

К 1992 году было освоено более 50% отпущенных ассигнований. Сейчас же финансирование объектов, дислоцированных в ближнем зарубежье, прекращено, работы свернуты. В указанных республиках, особенно на Украине, принимаются меры по приватизации объектов предупреждения о ракетном нападении.

Устаревшие станции «Днепр» смогут работать еще два-три года, максимум пять лет, а потом все Содружество останется без части наиболее точных средств обнаружения атакующих ракет на траекториях их полета с определением района старта, места и времени до падения.

В 1972 году, когда шла реализация проекта СПРН, предложенного В.Г. Репиным, стало очевидно, что ее высокая надежность может быть достигнута только благодаря применению комплекса средств, использующих различные физические принципы. К ним относятся загоризонтная радиолокация и космические аппараты, способные обнаруживать старт ракет и выдавать информацию через две-три минуты после их запуска.

Вспоминает В.А. Алебастров:

Алебастров Валерий Алексеевич

Р. 14.12.1941.

Образование: Уральский политехникум – техник электромеханик, Томский политехнический институт, физико-технический факультет Томский Госуниверситет, физфак теоретическая физика. Аспирантура: Объединенный институт ядерной физики (ОИЯИ). НИИДАР — Главный конструктор, зам. Генерального конструктора г. Москва.

...Юрий Всеволодович Вотинцев каким он мне запомнился. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. Я, – один из самых молодых заместителей главного конструктора ЗГРЛС «Дуга».

После испытаний ЗГРЛС была разработана программа НИЭР и ОКР направленных на уточнение технических и алгоритмических решений для последующей модернизации ЗГРЛС «Дуга» – так называемая «Полярная программа».

Юрий Всеволодович в сопровождении представительной группы военно-технических специалистов прибыл на объект 2999 (РЛУ–1, г. Чернобыль) для ознакомления с ходом выполнения «Программы».

Накануне, Главный конструктор Ф.А. Кузминский поручил мне подготовить доклад. При этом рекомендовал сделать доклад максимально простым.

Следуя совету Главного, – максимально упростил, нарисовав на доске цветными мелками поясняющие картинки.

Во время доклада заметил, как меняется выражение лица Юрия Всеволодовича и учащаются прикуриваемые им одна за другой сигареты (Ю.В. очень много курил).

По завершению доклада он отреагировал: «Что вы тут читаете мне лекцию как ученику десятого класса. Думаете я

и мои специалисты такие уж профаны?» (За точность не ручаюсь, но смысл такой).

Я был готов провалится от стыда («максимально упростил»).

После небольшого перерыва, совещание возобновилось с вопросов Юрия Всеволодовича.

Я был поражен глубиной его пониманием проблем. Некоторые вопросы и комментарии часто заставали меня врасплох. Здесь уже было не до «профанации».

В целом обсуждения были весьма полезны и продуктивны. Некоторые пункты Программы были уточнены.

В заключении Юрий Всеволодович поблагодарил нас, пожелал успехов, а в заключение сказал примерно следующее: «Я не знаю ни одного случая в истории разработок новых типов вооружения, который при практическом воплощении удовлетворял бы «с листа» заданным тактико-техническим требованиям. Всегда после создания первого образца требовалась «доводка». Тем более это касается такого важного и сложного проекта, над которым работаете вы»

При той оппозиции к ЗГРЛС, которая сформировалась после испытаний даже в среде некоторых ведущих специалистов военных и гражданских, напутствие Юрия Всеволодовича были для нас как никогда кстати.

Меня удивляли некоторые из них, не утруждавшие себя в изучении глубины проблемы, но при этом вели «ненавязчиво, умеренно-критическую разъяснительную работу», как выразился один из них. Прямо как у А.С. Пушкина: «Порассуждать о всем слегка, с ученым видом знатока».

И еще: «Это не наш стиль признавать ошибки» (Это Александр, но не Пушкин). Только непонятно кого он имел в виду – себя или других.

Позднее у меня были еще несколько встреч с Юрием Всеволодовичем по работе в различных научно-технических

комиссиях. И всегда он удивлял меня своей компетенцией, умением добираться до сути технических и научных проблем ■

ПОЛЬЗУЯСЬ СЛУЧАЕМ – КРАТКО О «ПОЛЯРНОЙ ПРОГРАММЕ» И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТАХ («ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ»)

Это была без преувеличения беспрецедентная по своему объему и содержанию научно-исследовательская программа, включающая в себя целый ряд отдельных НИЭР и ОКР. Мне посчастливилось возглавить Программу.

Программа содержала два крупных раздела.

Первый раздел предусматривал детальное исследование внешних факторов, определяющих потенциальные возможности загоризонтного обнаружения (распространение радиоволн на полярных трассах, формирование плазменных образований следа стартующих ракет различного класса, характеристики помех и т.д.).

Второй раздел предусматривал поиск и отработку новых технических и алгоритмических решений, направленных на повышение эффективности методов адаптации ЗГРЛС к внешним геофизическим и помеховым условиям, на повышение достоверности алгоритма оценки текущих боевых возможностей, на совершенствование алгоритмов обнаружения.

Для решения перечисленных задач были использованы:

– Дооборудованные специальным измерительным комплексом, включающим в том числе ракетные вертикальные измерители поля, научно-исследовательские судна АН СССР «Профессор Визе» и «Профессор Зубов». (Всего было произведено около 150 ракетных измерений).

– Два низкоорбитальные спутника с многочастотными передатчиками на борту (6 месяцев измерений характеристик распространения на различных дальностях).

– Системы наземных измерительных комплексов (АИС, 5Г93, ИКС).

– Специальные созданные радиолокаторы, размещенные в Байконуре и Плесецке для измерения ЭОП плазменных следов стартующих ракет (РЛС 28Ж6).

– Экспериментальная ЗГРЛС 5Н77М (г. Николаев) для отработки и испытания новых технических и алгоритмических решений.

– ЗГРЛС 5Н32 (г. Чернобыль, г. Комсомольск-на-Амуре), – для непрерывного возвратно-наклонного зонирования ионосферы.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ «ПРОГРАММЫ»

– Существенно уточнены характеристики распространения радиоволн на приполярных и трансполярных трассах локации.

Поправки к радиолокационному затуханию при переходе от среднеширотной к приполярным трассам используемые в испытаниях, оказались мягко говоря не корректными. Оказалось радиолокационные затухание на трансполярных трассах проходящих вблизи Северного магнитного полюса сравнимы с соответствующим для среднеширотной. Дополнительное затухание характерно для трасс, проходящих через зону аврорального поглощения и обладает регулярной изменчивостью во времени суток (от 3 Дб до 15 Дб в зависимости от времени). Такие изменения хорошо отслеживаются по измеренным значениям уровней сигналов ВНЗ на ЗГРЛС.

– Существенному уточнению подверглись представления об ЭОП стартующих ракет. Вместо статистической модели ЭОП, использованной при испытаниях разработана детерминированная математическая модель на основе детального анализа газодинамических и электрофизических свойств парциальных составляющих плазменного следа БР. Выявлены

особенности формирования ЭОП в зависимости от траектории стартующих БР.

– Одним из важнейших результатов явился выявленный эффект ударной термоионизации за фронтом ударной головной волны при старте ракет по настильным траекториям. ЭОП формируемый этим эффектом оценен величиной – (50÷60) Дб/м^2 на высотах от 90 до 140 км, независимо от состояния внешней ионосферы. Этот результат является важнейшим потому что обнаружение ракет, стартующих по настильным траекториям средствами космического эшелона СПРН было серьезной проблемой.

– Детализация модели ЭОП в зависимости от высотно-временных характеристик стартующих ракет и изменение соответствующих спектрально энергетических характеристик сигнала цели позволили сформулировать образ (портрет) цели, который был использован при разработке алгоритмов обнаружения с применением теории распознавания образов. Это позволило на два порядка уменьшить частоту ложных тревог по одиночной цели.

– Исследование спектрально энергетических характеристик пассивных помех легла в основу разработки автоматического адаптивного алгоритма выбора оптимального для наблюдаемого класса помехи зондирующего сигнала. Это позволило уменьшить уровень помехи в среднем на (5÷6) Дб, тем самым увеличить реальный потенциал.

Новые технические и алгоритмические были внедрены и испытаны на ЗГРЛС 5Н77М.

В 1995 г. представилась уникальная возможность испытания модернизированной РЛС 5Н77М по реальным пускам БР.

В рамках договора о сокращении ракет средней и малой дальности уничтожались в том числе БР 5Ж45 – «Пионер» путем их «отстрела» из под г. Читы. В течение двух недель

было отстреляно 72 ракеты. Пуски ракет осуществлялись с интервалом 4 часа круглосуточно. РЛС 5Н77М находилась в режиме непрерывного дежурства. Все 72 запуска были обнаружены в автоматическом режиме.

К концу 1995 г. в распоряжении разработчиков оказалось представительная статистика по наблюдению стартов на РЛУ-1 и РЛУ-2: более 50 наблюдений стартов МБР «Минитмен» с мыса Канаверал и несколько десятков РН с мыса Кенеди.

Это позволило оценить реальную (не модельную) частность обнаружения стартов на РЛУ–1 и РЛУ–2 во времени суток. Результаты были значительно оптимистичнее чем при испытаниях.

При этом реальная частость обнаружения МБР–МИНИТМЕН на РЛУ–2 составила в среднем 0.5÷0.6 в первой половине суток (с 0 до 12 часов МДВ) и 0.1÷0.15 во второй (с 12 до 24 часов МДВ). На РЛУ–1, наоборот, – 0.1 – в первой половине суток – 0.5÷0.6 во второй.

Эти результаты были положены в основу калибровки усовершенствованного контрольно-испытательного стенда КИМС Ингул», построенного с учетом уточненных моделей загоризонтного обнаружения МБР, полученных в процессе выполнения «Полярной программы».

В начале 1986 г. была завершена модернизация Чернобыльской ЗГРЛС. Проведены предварительные оценки характеристик Чернобыльской ЗГРЛС на КИМС «Ингул».

Полученные результаты убедили меня в достижимости заданных характеристик обнаружения в системе двух (РЛУ 1 и РЛУ 2) узлов.

Не будь уверенным в этом, ни за что бы не согласился стать приемником Ф.А. Кузьминского в роли Главного конструктора. В ноябре 1996 г. планировались Госиспытания модернизированной станции.

Но увы! Грянула «перестройка – новое мышление», «процесс – пошел!», – взрыв газопровода, гибель теплохода «Адмирал Нахимов», Чернобыльская катастрофа.

После аварии на Чернобыльской АС вся новая аппаратура была эвакуирована в г. Комсомольск-на-Амуре для модернизации РЛУ–2. Требовалось 2-3 месяца для ее монтажа.

Но по неизвестным автору причинам модернизацию РЛУ–2 проводить не стали. Не знаю участвовал ли Юрий Всеволодович в принятии такого решения. Думаю, что нет. А ведь это было необходимо как минимум для ответа на вопрос был ли оправдан риск при принятии решения о создании узлов ЗГРЛС.

Затем из-за нехватки денег в перестроечный стране была не отремонтирована кровля технологического здания.

В результате пожар и брошенный узел.

«Доводка», как выразился Юрий Всеволодович, не состоялась.

К большому сожалению роль ЗГ радиолокации в обеспечении обороноспособности России недооценена и в настоящее время.

Часто в адрес ЗГ – радиолокации можно слышать суждения по Салтыкову-Щедрину: «А! Это тот генерал который шубу украл?

Да нет! Это у него украли! Ну да все равно замешан в какой-то грязной истории».

Иначе трудно понять почему ЗГРЛС «Контейнер», предназначенный для решения задачи раннего предупреждения о воздушно-космической агрессии создается в новой России уже целых 23 года ■

Уже значительно позже в беседе с корреспондентом газеты «Красная Звезда» Ю.В. Вотинцев более подробно изложил суть необходимости загоризонтной локации.

В 1970 году на опытном образце станции загоризонтной радиолокации «Дуга-2» на Украине при обнаружении пусков отечественных ракет из районов Дальнего Востока и акватории Тихого океана по полигону на Новой Земле были получены положительные результаты. Это обстоятельство позволило Минрадиопрому представить проект НИИ дальней радиосвязи (НИИДАР) на создание двух узлов на Украине и Дальнем Востоке (главный конструктор Ф.А. Кузьминский). В проекте утверждалось, что эти узлы способны обнаружить старт межконтинентальных баллистических ракет с баз на территории США. Решение было принято и узлы созданы, но был допущен просчет, заведший дальнейшую работу в тупик.

И моя вина как председателя комиссии, рассматривавшей проект и поддержавшей создание узлов, состоит в том, что эффективность загоризонтной радиолокации оценивалась с учетом результатов, полученных на опытном образце станции, обнаруживающей ракеты в условиях среднеширотной трассы и относительно спокойной ионосферы. В условиях же североширотных трасс, при наличии полярной шапки и постоянного хаотического возмущения ионосферы, вероятность обнаружения старта одиночных и небольших групп ракет на этих узлах оказалась весьма малой. А массовый их запуск с территории США достоверно обнаруживается лишь при благоприятном состоянии ионосферы.

Так что мои войска ПРО в середине 70-х годов не имели эффективного вооружения по уничтожению баллистических ракет. Поэтому многие военные и государственные деятели в СССР понимали, что надо сосредоточить основные усилия на создание такой системы предупреждения о ракетном нападении, которая могла бы в любое время с высокой точностью обнаруживать внезапное ракетно-ядерное нападение на Советский Союз, как с территории США и других государств, так и регионов мирового океана. С высокой достоверностью

устанавливать места старта баллистических ракет, места и время их падения на территории СССР для того, чтобы верховное руководство государства могло принять решение на ответно-встречный ядерный удар по агрессору.

В тот период над боевой системой предупреждения о ракетном нападении (СПРН) работал Радиотехнический институт Академии наук СССР, которым руководил академик АН СССР, Герой Социалистического Труда Александр Львович Минц. В этом научном центре были созданы первые довольно мощные РЛС для обнаружения межконтинентальных баллистических ракет. Гигантские радары стали возводиться в различных регионах государства (*Примечание автора книги.* Генерал-полковник Вотинцев в 1990 году не захотел лично раскрывать журналисту места базирования РЛС советской боевой СПРН). Однако эти радары по своим тактико-техническим характеристикам могли лишь обнаруживать цели на конечном участке траектории полета. Поэтому у них время предупреждения было крайне ограниченным. Значительная же часть советских межконтинентальных баллистических ракет в то время работала на жидком топливе. Для приведения их в готовность к пускам и проведения самих пусков уже после принятия решения на ответно-встречный удар требовалось тоже значительное время. Так что американцы своим неожиданным и массированным ракетно-ядерным ударом вполне могли разрушить советский ядерный щит. Последствия для нашего государства и народа могли быть катастрофическими. Перед руководством государства, Вооруженных Сил, АН СССР стояла острейшая проблема, как увеличить время для принятия решения об ответно-встречном ударе. Главное найти возможность обнаруживать американские ракеты уже в момент старта. А далее примерно 30 минут сопровождать их до падения на территорию Советского Союза. Эта сложнейшая научно-техническая задача

решалась по двум направлениям – создание РЛС загоризонтной локации, создание космических средств предупреждения.

Очень большие были трудности. Неразвитой были экспериментальная и производственная база, не хватало специалистов нужной квалификации. Одним словом, всюду были различные проблемы. Но мы понимали, что все трудности надо преодолеть и, как говорил главный конструктор боевой системы ЗГРЛС Франц Кузьминский «надеть наручники на американский империализм», а вернее накрыть постоянным радиолокационным полем ракетные базы США.

В научно-исследовательском институте дальней радиосвязи (НИИДАР) был в 1969 году разработан аванпроект создания боевой загоризонтной системы из трех ЗГРЛС. Но потом, после проведения различных экспериментов на сокращенной опытной ЗГРЛС под Николаевом и получения там положительных результатов, в целях сокращения расходов оставили всего два локатора. Создавались очень перспективные станции. Я сам в Николаеве на экране локатора видел, как на первом Скачке, это примерно 2-3 тысячи километров, взлетала пара истребителей. Они садились на аэродром, потом взлетали, расходились в воздухе. У меня не возникало никаких сомнений в том, что меня вводят в заблуждение и показывают какие-то мультики. Потом довольно внушительная комиссия, куда входили представители Военно-промышленной комиссии при Совете Министров СССР, Академии наук, Минобороны, промышленности, приказом от 29 сентября 1969 года определила целесообразность создания боевой системы ЗГРЛС. В проекте было отмечено, что ЗГРЛС на третьем скачке, на расстоянии примерно 10 тысяч километров будут фиксировать старты МБР с ракетных баз США. Так что ЗГРЛС создавалась не по чьему-то злому умыслу, или корпоративным соображениям.

Проект был просто потрясающий, фантастический. Ни одно государство мира в тот период не обладало такими сверхмощными боевыми радиолокаторами. А вот мы взялись за это сложнейшее дело. Кроме того, в случае удачи в дальнейшем ЗГРЛС вполне можно было бы использовать и для мирных целей, например в системе управления воздушным движением. Но это, так сказать, перспективное использование загоризонтной локации, которое мы обсуждали с главным конструктором системы Францем Александровичем Кузьминским. Кстати, он не любил своего иностранного имени. Предпочитал, чтобы его особенно друзья называли Александром. Чудачество прижилось. В паспорте Франц, а зовут Александр. Некоторые даже забывались и звали его вовсе запросто Сашей.

Головная станция боевой системы ЗГРЛС возводилась в районе Чернобыля, недалеко от Чернобыльской АЭС. От первого атомного энергоблока на локатор поступала электроэнергия. Вторая станция строилась в районе Комсомольска-на-Амуре.

Была определена научно-промышленная кооперация, которая должна была реализовать этот грандиозный проект. По тем времена на него выделялись огромные средства. Так, стоимость Чернобыльского узла ЗГРЛС, включая приемную и передающую позиции, военные городки, составляла 150 миллионов рублей, под городом Комсомольск-на-Амуре – 250 млн. рублей, а сокращенного опытного Николаевского образца – 200 млн. рублей. Общая стоимость этих объектов – 600 млн. руб. Гигантские средства выделяло государство на стратегические оборонные цели.

Узлы создавались. Вместе с заместителем Председателя Совета министров СССР – председателем Военно-промышленной комиссии при Совмине, Героем Социалистического Труда Леонидом Васильевичем Смирновым мы летали

на места размещения гигантских радаров и оперативно решали различные вопросы. Например, убедили секретаря Хабаровского крайкома КПСС Черного в необходимости скорейшего ввода в строй ЛЭП. На год раньше по тайге и бездорожью протянули ее на 200 километров до объекта.

Очень большие трудности возникали с элементной базой. Советская промышленность сильно в этом отставала от западной. Я сам видел, в каких условиях на заводах Минрадиопрома производились платы для нашей аппаратуры. Инженеры под микроскопом слой за слоем рисовали схемы. Кустарщина, да и только. Качества от такой элементной базы ждать не приходилось.

Один из наших ученых предложил ее промышленное производство. На первых порах было до 70 процентов брака. Но отступать было нельзя. Наконец было налажено производство аппаратуры. Она потоком пошла с заводов. Но так же потоком, например, по части ЭВМ, стали блоки выходить из строя. На двух ЗГРЛС их скопилось очень много. И никто не знал, что делать с этим массовым браком.

И тогда, не видя другого выхода, я пошел на крайность. На одно из совещаний у министра обороны пришел с плакатом и повесил его в кабинете на специальной стойке. Дмитрий Федорович Устинов это заметил. Он подошел и стал рассматривать мастерски изображенную гору различных блоков аппаратуры и надпись «Ни капли крови». Маршал удивленно посмотрел на меня, мол, что это ты себе позволяешь. Я объяснил причину, которая побудила меня на столь неординарный поступок на совещании в Минобороны СССР. Тут же Устинов дал команду одному из конструкторов. Буквально через месяц был для нас изготовлен специальный проверочный стенд. Неисправный блок вставлялся на проверку. На табло высвечивалась неисправность. Это существенно облегчило задачу по вводу в строй новых ЭВМ для ЗГРЛС.

Но особая сложность состояла в новизне самих ЗГРЛС. Особенно Чернобыльскому узлу предстояло обнаруживать цели в США, посылая сигналы через так называемую шапку полярной ионосферы. То есть диаграмма направленности этой ЗГРЛС была ориентирована через Северный полюс со всеми вытекающими физическими проблемами. Мы уже знали, что в регионе Северного полюса постоянно происходят возмущения ионосферы. Ее состояние непредсказуемо и сильно отличается от среднеширотных трасс.

Определенные закономерности, определяющие состояние ионосферы, существуют только лишь в одиннадцатилетнем цикле активности солнца. А в любой текущий момент времени плотность и другие характеристики ионосферы на трассе распространения сигналов являются слабо прогнозируемыми. Это отрицательно сказывалось на эффективности загоризонтного радара. И получалось, что час назад радар видел цели, а потом вдруг слеп. Чернобыльский узел таил в себе множество научных проблем и загадок. Их то и брался решать Франц Александрович Кузьминский. Длительное время велись наблюдения, были созданы специальные подразделения, которые анализировали состояние ионосферы.

В 45-м СНИИ Минобороны под руководством начальника управления этого института генерал-майора, доктора технических наук Або Сергеевича Шаракшанэ был разработан опытно-теоретический метод проведения испытаний сложных систем, базирующийся на сочетании натурных испытаний и математического моделирования. Была создана модель ионосферы, учитывающая, насколько это возможно, закономерности ее изменения и влияния на отраженные от целей сигналы. Для проверки правильности функционирования боевых алгоритмов и программ разрабатывались комплексные испытательные моделирующие стенды

(КИМС), работающие в реальном масштабе времени. КИМСы калибровались по результатам натурных испытаний и позволяли имитировать на входе приемников РЛС сигналы от реальных целей.

За разработку и реализацию опытно-теоретического метода испытаний Або Сергеевич с коллективом соавторов был удостоен Государственной премии СССР.

Для получения необходимых данных из района Читы в северном направлении запустили 4 группы ракет. Об этом предварительно, конечно, уведомили МИД США. Обнаруживал пуски ракет Николаевский узел. Данные этого эксперимента позволили откалибровать математическую модель Шаракшане для испытаний боевых ЗГРЛС. Откровенно скажу, что результаты тогда порадовали. Вероятность обнаружения одиночной цели оказалась 0,4, групповой 0,5–0,6, а массового старта 0,9. Однако дело состояло в том, что только на основании использования математической модели руководство Минобороны и я, как командующий ПРО и ПКО, не могли принять у промышленности систему боевых ЗГРЛС. Для полной уверенности в их боеспособности надо было реально подтвердить, что они могут обнаруживать старты баллистических ракет с территории США с высокой вероятностью.

В тот период американцы, как нам было известно из различных источников, периодически проводили запуски своих ракет «Минитмэн» с западного полигона Ванденберг в район острова Кваджелейн в Тихом океане. Вот мы разработчикам и порекомендовали доработать Комсомольскую ЗГРЛС. Довернуть диаграмму направленности ее антенны на американский ракетный полигон. Мы знали, что американцы не случайно интенсивно пускали ракеты. Они их дорабатывали, внедряли комплексы средств преодоления ПРО, усовершенствовали головные части.

Л. В. Смирнов

Неоднократно американцы по разным причинам переносили старты «Минитмэнов». Но вот 24 февраля 1980 года ЗГРЛС под городом Комсомольск-на-Амуре впервые в автоматическом режиме реально обнаружила старт баллистической ракеты с территории США. Это документально отражено в выводах работы государственной комиссии под моим руководством.

На испытаниях Комсомольского узла специально приехал из Москвы председатель Военно-промышленной комиссии Леонид Васильевич Смирнов. Он увидел информацию о массовом старте ракет на экране локатора. Тут же потребовал, чтобы вся информация с Комсомольского узла была выведена на КП СПРН.

Существует мнение, что, мол, создание космических систем предупреждения о ракетном нападении опережало наземные загоризонтные средства. Должен заявить, что именно загоризонтные радары развивались с опережением. Так в июле 1983 года с борта космического аппарата поступила информация, по которой был сделан ложный вывод о массовом старте американских ракет, направленных против Советского Союза. Сработал «терминатор».

Оказалась недоработанной программа ЭВМ для функционирования космического аппарата в условиях повышенной солнечной активности. Последствия этой ошибки могли оказаться катастрофическими. Верховное руководство государства, Вооруженных Сил могли принять ошибочное решение на ответно-встречный ракетно-ядерный удар по США. А это всеобщая ядерная война. Но в тот день, к счастью,

на командном пункте системы оперативным дежурным был настоящий профессионал, заместитель начальника отдела боевых алгоритмов подполковник С. Петров. Он каким-то шестым чувством, что ли, почувствовал ошибку. Очень быстро проанализировал ситуацию и не выдал ложную информацию на командный пункт системы предупреждения о ракетном нападении Войск ПВО страны.

Для разбора этого чрезвычайного случая была создана комиссия. Ее председателем был назначен первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-полковник Валентин Иванович Варенников. Его заместителями были назначены генеральный конструктор космической системы предупреждения и системы противокосмической обороны, академик АН СССР Анатолий Иванович Савин и я – командующий ПРО и ПКО. Мне довелось присутствовать на совещании, когда Варенников делал доклад по этому чрезвычайному происшествию члену Политбюро ЦК КПСС, Министру обороны СССР маршалу Дмитрию Федоровичу Устинову.

Атмосфера в зале заседаний была весьма накаленной. Устинов, как-то весьма жестко разговаривал с руководством Генштаба. Однако доклад Варенникова он принял без каких-то организационных выводов. Видно маршал хорошо знал, с какими трудностями приходится сталкиваться при создании космических подсистем СПРН, и какая работа необходима по их доводке до нужных кондиций.

Так же с большим трудом продвигалась и загоризонтная система. Уже во время дальнейших испытаний оказалось, что так обнадежившая нас было Комсомольская ЗГРЛС способна обнаруживать американские баллистические ракеты лишь при благоприятных условиях в ионосфере.

В тот непростой период как-то еще в ходе конструкторских испытаний главком ПВО Павел Федорович Батицкий

сказал разработчикам, что вы мне покажите хотя бы один раз, как эта ЗГРЛС обнаруживает пуски ракет с территории США, тогда я смогу сказать чего эти станции стоят. А без этого нам эти ЗГРЛС не нужны. А в газетах договорились до того, что сами военные вкупе с заинтересованными производственниками пытались подсунуть государству негодное и весьма дорогостоящее вооружение. Чушь я вам скажу, товарищ журналист (*Прим. автора*. При этом Вотинцев весьма выразительно посмотрел на меня, словно это я написал в газете «Советская Россия» материал, где обвинялись создатели ЗГРЛС и военные в круговой поруке, разбазаривании сотен миллионов рублей и в других смертных грехах).

Четыре года велись испытания боевых ЗГРЛС по реальным стартам. Ведь надо было набрать статистику по их работе в различное время года, суток, в наиболее неблагоприятное время наибольшей солнечной активности, когда крайне возбуждена ионосфера. С 1977 по 1981 годы с западного и восточного побережья США было проведено значительное число запусков боевых баллистических ракет и ракет со спутниками. Об этом официально поступали сообщения из Государственного департамента США.

Статистику по групповым пускам ракет мы набирали по запускам с западного ракетного полигона США многоразовых космических кораблей Шаттл. Это весьма мощный носитель.

В момент старта у него образуется достаточно большая эффективная отражающая поверхность от пламени работающих двигателей. Все запуски американских космических ракет-носителей Шаттл советские ЗГРЛС обнаруживали. В том числе и тот, который окончился катастрофой. На экранах ЗГРЛС под Чернобылем в реальном времени на траектории полета очередного Шаттла «Челленджер» операторы увидели большую вспышку.

После этого цель исчезла с траектории полета и с экранов радара. Я немедленно об этом доложил Главнокомандующему Войсками ПВО страны Главному маршалу авиации дважды Герою Советского Союза Александру Ивановичу Колдунову. Вскоре из США поступило подтверждающее сообщение о катастрофе Шаттла.

В определенный момент у меня, как у председателя государственной комиссии по приему боевой системы ЗГРЛС, да и у других товарищей, возникли сомнения в эффективности математической модели Або Сергеевича Шаракшанэ. Долго шли различные препирательства относительно этой модели. Но я настоял на ужесточении ее критериев и потребовал повторную калибровку. А это огромная работа. Ведь в первоначальном варианте математическая модель основывалась на эффекте Кабанова.

Замаместитель министра обороны по строительству и расквартированию маршал инженергых войск А.В. Геловани (в центре) на станции ЗГРЛ в Комсомольск-на-Амуре. В первом ряду первый справа – генерал-лейтенант М.М. Коломиец, второй слева – генерал-лейтенант Ю.В. Вотинцев, первый слева – нач. объекта полковник Г.М. Питалев

А согласно ему падающая электромагнитная волна зеркально отражается от ионосферы. Известно и школьнику, что угол падения равен углу отражения. На самом же деле, механизм распространения декаметровых волн значительно сложнее. Часть энергии распространяется в ионосфере как по волноводу, часть расходуется на ее «разогрев», а 20–30 процентов уходит в космическое пространство.

Генерал Шаракшанэ провел повторную калибровку математической модели. В результате требования по критерию сигнал/помеха удалось повысить на 15 децибел для Чернобыльского узла и на 5 децибел для Комсомольского узла. По этой модели, повторно, оценили вероятностные характеристики обнаружения стартов американских баллистических ракет и получили: по одиночной цели 0,1–0,2, по групповой – 0,4–0,5, по массовому старту – близка к единице. По массированному старту вероятность была весьма приличной. Тем не менее, эффективность обнаружения ЗГРЛС при испытаниях с использованием математической модели понизилась. С этим не согласился генерал-майор Шаракшанэ. Он ушел из 45-го СНИИ Минобороны и стал работать в другом месте.

Главный конструктор Ф.А. Кузьминский

Так что специально для газеты «Советская Россия» скажу, что и в среде военных были довольно жесткие разногласия по части боевых характеристик системы ЗГРЛС. И не надо всех оптом обвинять в волюнтаризме и разбазаривании народных денег. Мы такое сложнейшее вооружение создавали впервые. И очень все переживали за результаты. Не боялись за свои кресла и погоны, а именно переживали

за рождающуюся боевую систему, которой не обладала в тот период ни одна армия мира, ни одно государство.

Локация наземными радарами целей за 10000 километров это просто фантастика. Конечно, к сожалению, не все удалось у разработчиков и промышленности, у главного конструктора Франц Александровича Кузьминского. Но все же, американцы почувствовали силу наших ЗГРЛС на своих ракетных базах. Разработчикам была поставлена задача, определить степень затухания излученной радиолокационными узлами волны на расстоянии 9000 тысяч километров прямо в США. Было решено излучаемую энергию не распределять по всей территории США, а сосредоточить на девяти американских ракетных базах. Это было вполне реально.

Ученые и конструкторы с этой задачей справились. Мы получили данные, что американцы на своих 9 ракетных базах постоянно замеряют уровень электромагнитного поля. Они реально ощущали, что находятся под воздействием облучения каких-то мощных советских боевых радаров. Иные государства не могли так, как Советский Союз, своими боевыми радиолокационными средствами облучать ракетные базы США. У всех в мире не было таких мощных боевых систем предупреждения о ракетном нападении, как в то время у СССР и США.

После всесторонней проверки системы из двух ЗГРЛС по реальным стартам ракет и по откалиброванной модели Шаракшанэ, прежде всего я, как председатель государственной комиссии, вынес решение, что эти оба радара нельзя принимать на вооружение СПРН и в целом Войск ПВО страны.

Так что за мной в истории ЗГРЛС было решающее слово. А что мне оставалось делать. Зачем войскам вооружение с низкими тактико-техническими характеристиками. Конечно, разработчики и главный конструктор Франц Александрович Кузьминский сильно сопротивлялись. Но зачем

боевой системе ПРН еще недоработанное вооружение? Поэтому, несмотря на давление на меня буквально со всех сторон, в том числе и из Военно-промышленной комиссии, было решено Чернобыльский узел вернуть промышленности. Его радиолокационная трасса лежала через полярную шапку ионосферы, и это само собой подразумевало необходимость разгадать тайну прохождения через нее энергии радара. Была разработана так называемая «Полярная программа» доводки Чернобыльского радара, которая предполагала конструктивную переработку гигантского передатчика локатора.

Одновременно с этим намечался комплекс мер по исследованию самой ионосферы. Предполагалось даже использовать спутник со специальной аппаратурой, который бы регистрировал, сколько электромагнитной энергии от излучения ЗГРЛС попадает на территорию США в различные периоды времени. Это было сделано с тем расчетом, чтобы доработки Чернобыльского узла апробировать в реальных боевых условиях по реальным целям. А узел под городом Комсомольск-на-Амуре поставить в опытную боевую эксплуатацию и продолжить с помощью него наблюдение за западным ракетным полигоном США.

В ходе этого постоянного наблюдения набирать статистическую информацию о запусках и обнаружениях американских баллистических ракет.

Наступал самый ответственный период работы на уже созданной боевой, но не принятой пока на вооружение системе ЗГРЛС. Казалось еще немного и мы, как любил говорить Франц Александрович Кузьминский, «накинем наручники на американский империализм». Тем самым он подразумевал, что все ракетные базы США окажутся под нашим электромагнитным колпаком. Старты американских баллистических ракет будут обнаружены прямо над ракетными шахтами. Это даст существенный выигрыш по времени

руководству Советского Союза для принятия решения на ответно-встречный удар по агрессору. Под ним, конечно, понимался, прежде всего, США и весь блок НАТО.

Однако в этот период из-за интриг в Минрадиопроме Франц Александрович Кузьминский был вынужден уйти с должности главного конструктора. Об этом сейчас можно только сожалеть.

Доработкой Чернобыльской ЗГРЛС занялись специалисты НИИДАРа, под руководством Федора Федоровича Евстратова. На радаре поставили мощную и современную по тому времени вычислительную машину серии «ЕС». Выполнялась доработка боевых программ, разрабатывались и внедрялись алгоритмы адаптации параметров излучаемых сигналов, которые бы соответствовали состоянию ионосферы в данный конкретный период времени.

Специалисты НИИДАР добились устойчивого обнаружения американских многоразовых космических кораблей Шаттл на дальности 9000 километров. Результаты доработки аппаратуры с этого узла оперативно передавались на радар под городом Комсомольск-на-Амуре. Такова была общая методика доводки боевой системы.

Узел на Дальнем Востоке после существенных доработок аппаратурного комплекса 30 июня 1982 года был поставлен на боевое дежурство. В 1983 году 15 июля Комсомольский узел ЗГРЛС вводится в состав системы предупреждения о ракетном нападении Войск ПВО страны. Одновременно он следил за запусками ракет с западного полигона США Ванденберг.

Об эффективности боевой системы ЗГРЛС, наверное, стоит привести такой пример. В Минрадиопроме работал крупный ученый и конструктор в области системотехники и радиолокации, главный конструктор РЛС «Неман» Юрий Григорьевич Бурлаков. В этой РЛС были заложены по тому времени

поистине новаторские идеи. Она предназначалась для селекции боевых блоков на фоне ложных целей в системах ПРО. Вот маршал Колдунов и обратился к Бурлакову. Помню его вопрос почти дословно.

– Юрий Григорьевич, мне вот тут докладывали результаты работы комиссии по системе ЗГРЛС, – задал тогда вопрос маршал Колдунов, – заданным характеристикам ЗГРЛС не соответствуют. На вооружение их принимать нельзя, радары надо дорабатывать. А как вы оцениваете эти РЛС?

– Я хорошо с ними знаком, – ответил Юрий Бурлаков, – по обнаружению одиночных стартов эффективность их может быть повышена, но достичь результатов обнаружения стартов одиночных баллистических ракет 0,7–0,8, думаю, не удастся. Однако информацию о массовом старте БР эти ЗГРЛС дадут достоверную. Массовый старт они не пропустят, добавил он весьма убежденно.

С мнением Бурлакова маршал Колдунов считался.

Очень жаль, что Франц Александровича Кузьминского убрали из института. Если бы за ним была сохранена возможность продолжать дорабатывать свое детище, то он, наверное, смог бы еще многое сделать по совершенствованию ЗГРЛС. Но его убрали. И делу это не послужило. Даже наоборот. При этом особую роль здесь сыграл директор НИИДАР, бывший заместитель министра радиопромышленности Владимир Иванович Марков. Во время Великой Отечественной войны он был партизаном. Потом стал одним из руководителей Минрадиопрома. В НИИДАРе, когда Марков им руководил, были созданы неплохие РЛС дальнего обнаружения.

Однако он был несколько консервативен по отношению к системе ПРО. Уже не скажу точно когда мы узнали о том, что США настойчиво работают над созданием системы ПРО, в том числе с космическим эшелоном. Но тогда я помню, что именно Марков в присутствии заместителя Председателя

Совета Министров СССР – председателя Военно-промышленной комиссии при Совмине Смирнове и еще нескольких министрах и военачальниках сказал, что мы, то есть военные и предприятия промышленности, ведем по ПРО ненужные и пустые разработки.

В тот период у нас не хватало средств для полномасштабных опытно-конструкторских работ по тематике ПРО, не было соответствующей вычислительной базы. А Марков, вместо того, чтобы всемерно поддерживать такие изыскания возьми и скажи, что при усложнении американцами своих баллистических ракет, при оснащении их комплексами средств преодоления ПРО и разделяющимися головными частями, советские системы ПРО будут бесполезны. В ответ Владимиру Ивановичу я сказал, что его заявление не что иное, как идеологическая диверсия.

Против самого страшного оружия на планете Советский Союз должен иметь надежное противооружие. Надо не сворачивать работы по ПРО, а наоборот, помогать их вести, создавать для этого соответствующие условия. Если США первыми создадут более-менее устойчивую национальную систему ПРО, то для них может быть весьма заманчивой мысль первыми нанести превентивный удар по Советскому Союзу. При этом советские ракеты, запущенные в ответно-встречном ударе, уничтожить еще до подлета к территории США, а может быть еще во время старта.

К сожалению, приход Маркова на должность заместителя министра радиопромышленности СССР вызвал перетруску кадров специалистов, которые вели работы по тематике ПРО. Он убрал очень талантливого ученого и конструктора Григория Васильевича Кисунько. Пришлось ему в 45-м СНИИ Минобороны специально создать должность, выделить маленький кабинет для работы по подготовке кадров. Именно Марков убрал очень талантливого конструктора РЛС дальнего

обнаружения Александра Николаевича Мусатова. Его радар в то время был самым перспективным для ПРО.

По проекту строился всего за три года. Имел высокие тактико-технические характеристики. Состоял из блоков контейнерного типа, в которых еще на заводе монтировалась вся аппаратура. Но Мусатов выступил против действий Маркова и тот его убрал. Марков бесспорно хороший организатор. Но то, что он сотворил с многими талантливыми конструкторами, научными кадрами не делает ему чести. Потери оказались невосполнимыми.

В том числе НИИДАР потерял личности. На их место пришли, может быть более послушные, но не такие яркие личности. Ушли люди, которые прекрасно знали свое дело, были буквально влюблены в него и боролись за свое детище отнюдь не за награды.

Я скажу откровенно, если бы Франц Александрович Кузьминский остался главным конструктором ЗГРЛС, то о радаре под городом Комсомольск-на-Амуре говорили бы совсем по-другому и мы и американцы. Если бы Мусатов продолжал работать над своими станциями, то не надо было бы строить по 10 лет «пирамиды Хеопса» в виде огромных надгоризонтных РЛС СПРН. Мы вполне могли создать еще в середине 80-х годов отличные мобильные радары с достаточно дешевыми, компактными антенными системами. Но мы, благодаря в том числе и Маркову, пошли иным путем.

Наши надгоризонтные РЛС дальнего обнаружения строились примерно по 10 лет. Каждая из них обходилась бюджету где-то под миллиард рублей. Их обслуживали примерно по полторы тысячи человек, из которых 700-800 офицеры. В США же строили РЛС дальнего обнаружения, как раз по блочному принципу всего за 2-3 года. Тратили на каждую по 300-400 миллионов долларов. Обслуживали их до 400 человек. Американцы буквально в разы делали свою систему

предупреждения о ракетном нападении дешевле, чем в Советском Союзе. Вот такая невеселая арифметика.

На всех уровнях именно Марков провозглашал, что объекты ЗГРЛС следует как можно быстрее передавать войскам. Там, мол, в ходе боевой эксплуатации выявятся все слабые места радаров, а потом промышленность будет их совершенствовать. Так зачастую и происходило. Но нам военным от этого было не легче. Нести боевое дежурство на несовершенных станциях, да еще устранять огрехи промышленности, это я вам скажу очень большой труд. Например, на одной из ЭВМ по техническому описанию время безотказной работы блоков до ремонта было всего 76 часов. Военные инженеры смогли этот показатель довести до 600 часов. У конструкторов от удивления глаза на лоб полезли, как такое возможно.

Для войск это была надежная школа подготовки кадров. Ту же ЗГРЛС под городом Комсомольск-на-Амуре мы приняли в опытную эксплуатацию. Для ее совершенствования получали информацию из первых рук с Чернобыльского узла. Вместе с представителями НИИДАРа внедряли все новшества. На практике изучали, как радар будет вести себя на разных режимах работы, как будет обнаруживать цели.

Статья Григория Васильевича Кисунько в «Советской России» откровенно говоря, показывала широкой общественности государства неверную систему приема в эксплуатацию войсками такого сложного вооружения, как ЗГРЛС. Например, когда завершались конструкторские испытания, начинались совместные испытания промышленности и военных. Но их уже проводили только боевые расчеты из войск. Выявлялись все недоработки. Составлялся объемный план первоочередных работ по их устранению. На эти работы, как правило, уходило около года. В течение этого года военные специалисты эксплуатировали ЗГРЛС и контролировали проведение доработок.

И только после того, как все работы были завершены и военные инженеры убеждались в том, что они принесли положительные результаты, принималось соответствующее Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о постановке РЛС на боевое дежурство.

Но все же дамокловым мечом в системе заказов вооружения для Советской Армии был монополизм производителей. Я постоянно с ним боролся. Резко ставил вопросы перед руководством Войск ПВО страны. Меня в этом поддерживали Главкомы Батицкий, Колдунов. Нам удавалось с середины 70-х годов согласованные тактико-технические требования для разработки выдавать двум-трем разным фирмам. Например, по системе ПРО мы, по существу, имели три проекта. Два отклонили.

Из-за этого Кисунько был страшно обижен. И только один проект советской системы ПРО с существенными поправками, изменениями, дополнениями приняли к реализации. Американцы давно идут по такому пути создания вооружений. Они по каждой разработке на конкурсной основе выдавали заказ нескольким ведущим фирмам. Потом выбирали то, что наиболее надежно и эффективно. У них основными критериями являются сроки создания и стоимость вооружения. В наших же условиях монополизма Минрадиопрома такого добиться порой было невозможно.

Поэтому советская радиолокационная техника ПРО, СПРН была гораздо дороже американской. В условиях перехода к рынку, безусловно, все это скажется на возможности разрабатывать радиолокационное вооружение такого класса. Если раньше эти разработки финансировались из госбюджета и бюджетов министерств, то в рынке все это по идее должно оплачиваться только из бюджета Минобороны. В этих условиях для того, чтобы исключить бесполезные траты средств и создавать наиболее эффективные вооружения,

чрезвычайно важно определить стратегические направления. Какие уже созданные боевые системы необходимо дорабатывать, а какие еще только создавать.

При этом особенно важно ужесточить требования к создаваемым системам вооружения. Вести разработку проектов только на конкурсной основе. Иметь как минимум 2-3 альтернативных проекта. Каждый проект должен быть подкреплен математическим моделированием и макетами отдельных наиболее сложных подсистем. Не позволять промышленности, как мы делали раньше, наиболее сложные блоки и устройства создавать через два-три года, то есть после того, когда вся аппаратура в целом уже изготовлена. Это был настоящий долгострой вооружения, которое с каждым просроченным годом безнадежно устаревало.

Должно быть, одно неукоснительно выполняемое всеми правило – внедрять такие вооружения, которые смогут эффективно использоваться в течение 20 лет с учетом перспектив развития техники вероятного противника. К сожалению, в истории с ЗГРЛС пришлось сполна испытать все негативы, существовавшие при создании сложных боевых систем в Советском Союзе.

Чернобыльский узел был возвращен промышленности для доработки. Комсомольский узел принят войсками в опытную эксплуатацию, потом поставлен на боевое дежурство. Но вся система ЗГРЛС не принята на вооружение. Такое решение государственной комиссии по приему боевой системы ЗГРЛС очень расстроили руководство Минрадиопрома и НИИДАРа. За титаническую работу по ЗГРЛС никому не сказали даже спасибо, не говоря уже о государственных наградах и премиях.

К сожалению, у меня в тот период были серьезные разногласия с главным конструктором Франц Александровичем Кузьминским. Обусловлены они были тем, что

во время дебатов по приему ЗГРЛС он каждый довод комиссии о несовершенстве станций пытался как-то смягчить. Думаю, что такое поведение Кузьминского можно объяснить большим переживанием за многолетний труд. Но ведь мы военные не отвергали его ЗГРЛС, а давали возможность их доработать. Но видно, как говорится, судьба к главному конструктору оказалась очень неблагосклонной.

Правда, Кузьминской даже после того, как покинул НИИДАР, продолжал работать по теме ЗГРЛС. У него появились некоторые идеи по повышению надежности и эффективности боевой системы. Об этом он сообщил мне. Но я уже в тот период был в отставке и ничем помочь не мог. В НИИДАРе идеи Кузьминского тоже оказались невостребованными. К сожалению, НИИДАР в тот период ослабил внимание к боевой системе ЗГРЛС. Ко времени ввода в опытную эксплуатацию Комсомольского узла, изделие «Круг», которое ранее специально было создано для набора статистических данных по работе радара в различных режимах и временных периодах, оказалось ненужным. Появилась возможность набирать такие данные непосредственно на аппаратуре ЗГРЛС во время опытно-боевой работы. Военные специалисты и представители НИИДАРа «Кругом» перестали интересоваться. Его попросту забросили в тайге. Бесхозный «Круг» стали грабить разные проходимцы.

В конечном итоге этот своеобразный большой радиолокационный комплекс сгорел. Это позволило Григорию Васильевичу Кисунько написать известную, якобы разоблачительную статью в газете «Советская Россия».

Работы на Чернобыльском радаре продолжались до катастрофы на Чернобыльской АЭС. Узел попал в зону отчуждения и был законсервирован. Ситуация с ним понятна. А вот то, что НИИДАР дал согласие снять с опытного боевого дежурства Комсомольский узел ЗГРЛС, я считаю

большим просчетом. Сейчас нет угроз нашей стране из вне. Однако условия, в которых оказалось государство, не позволяют расслабляться. Весьма опрометчиво было прекращать работы по боевой системе ЗГРЛС. Ведь наши традиционные средства обнаружения СПРН удара баллистических ядерных ракет с подводных лодок не обнаружат. Не пора ли боевые узлы ЗГРЛС развернуть на периферии государства и контролировать районы патрулирования атомных подводных лодок в мировом океане? Американцы ведь весьма опасаются именно ЗГРЛС.

Когда начал работать Чернобыльский узел, произошел инцидент, спровоцированный США заявлением о том, что Советский Союз «задавил» их помехами в КВ диапазоне. Для разрешения конфликта была назначена комиссия, которая определила частоты «бедствия». Мы исключили эти частоты и тем самым ослабили накал обстановки между двумя супердержавами.

Путь, который я прошел вместе с разработчиками боевых ЗГРЛС был неизведанным и трудным, особенно применительно к широтным трассам загоризонтного обнаружения стартов американских баллистических ракет. На ошибках учатся. Но нельзя поддаваться нажиму отдельных чиновников и вообще закрывать работы по ЗГРЛС. Когда у государства есть совокупность средств, работающих на различных физических принципах, пусть даже с невысокими характеристиками, то общая эффективность их работы повышается. Так не только я считаю. Сейчас боевая система ЗГРЛС находится в критическом состоянии, из которого ее надо выводить. Одна космическая подсистема все задачи по предупреждению о ракетном нападении, видимо решить не сможет».

Важным условием объективной оценки эффективности этих узлов явилось использование математической модели,

разработанной в СНИИ под руководством доктора технических наук генерал-майора авиации А.С. Шаракшанэ. Эта сложнейшая модель содержала параметры ионосферы, где всесторонне учитывался 11-летний цикл солнечной активности в различные времена года и суток.

Несмотря на длительный и дорогостоящий процесс испытаний, доработок, узлы на вооружение приняты не были. Объект на Украине, по существу, был возвращен промышленности, и на нем выполнялась «Полярная программа» доработок технологической аппаратуры и программ, рассчитанная на существенное улучшение характеристик обнаружения. Из-за интриг в Минрадиопроме в самый ответственный момент Ф.А. Кузьминский был снят с должности. Программа выполнялась под руководством нового главного конструктора Ф.Ф. Евстратова.

В ходе выполнения указанной программы и внедрения ряда доработок коллектив НИИДАР под руководством Ф.Ф. Евстратова и Г.А. Лидлейна добился устойчивого обнаружения узлом на Украине запусков космических станций США типа «Шаттл» на дальности 9 тыс. км.

Катастрофа «Шаттла» 28 января 1986, года наблюдалась в реальном времени яркой вспышкой на экранах индикаторов, срывом сопровождения траектории в момент взрыва и прекращения работы двигателей ракеты-носителя. Немедленно главнокомандующему Войсками ПВО страны А.И. Колдунову и министру обороны СССР Д.Ф. Устинову мною были доложены результаты работы, что подтвердило сообщение из США.

Тяга двигателей ракеты-носителя «Шаттл» значительно превышает тягу двигателей баллистических ракет «Минитмэн», что приводит к увеличению размеров ионизированного следа, а, следовательно, и величины эффективной отражающей поверхности стартующей ракеты. Рассмотрев эти результаты, комиссия согласилась с расчетами на математических

моделях возможностей узлов загоризонтной радиолокации по обнаружению групповых и массированных стартов баллистических ракет с территории США.

Работы же на узле продолжались вплоть до катастрофы на Чернобыльской АЭС. Узел оказался в зоне отчуждения и был законсервирован.

Несколько раньше, в 1978 году, Главнокомандующий Войсками ПВО страны П.Ф. Батицкий обусловил начало совместных испытаний узла на Дальнем Востоке требованием реального и достоверного обнаружения стартов баллистических ракет типа «Минитмэн» с Западного полигона США Ванденберг по полигону на острове Кваджелейн в Тихом океане.

После неоднократного переноса старта ракеты «Минитмэн» по техническим причинам 24 февраля 1980 года факт автоматического обнаружения состоялся, и комиссия под моим руководством, проведя детальную проверку полученного результата, приступила к работе. Однако дальнейшие испытания показали, что узел был способен достоверно обнаруживать старты баллистических ракет с территории США лишь в благоприятных геофизических условиях.

Узел на Дальнем Востоке после значительных доработок 30 июня 1982 года был поставлен на боевое дежурство. Он периодически привлекался к обнаружению старта ракет с Западного полигона США в Ванденберге. Сейчас и этот узел снят с боевого дежурства.

Тогда многие считали, что путь, который я прошел вместе с разработчиками средств загоризонтной локации, был и неизведанным, и ошибочным, применительно к северо-широтным трассам. Что ж, это следует признать. Однако нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в период функционирования узлов все девять ракетных баз, расположенных на территории США, постоянно ощущали их воздействие. Другими словами, находились под «колпаком» нашего

электромагнитного излучения. Мечта Ф.А. Кузьминского, говорившего: «Мы наденем наручники на американский империализм», к сожалению, в полной мере не осуществилась. Дальнейшие работы показали, что загоризонтная радиолокация в условиях среднеширотных трасс и более спокойной ионосферы, несомненно, является эффективным средством дальнего обнаружения стартов ракет, самолетов и надводных кораблей на дальностях порядка 3 тыс. км.

Более успешно, хотя и не без трудностей, шла разработка космической системы, генеральным конструктором которой был А.И. Савин. Нарушение установленных сроков определялось главным образом отработкой программно-алгоритмического обеспечения и низкой надежностью первых космических аппаратов (главный конструктор – В.М. Ковтуненко).

В 1978 году в сокращенном составе, а в 1982-м – в полном, система была поставлена на боевое дежурство, однако ее боевые возможности оставляли желать лучшего как по тактико-техническим, так и по эксплуатационным характеристикам. К примеру, в июле 1983 года по информации, поступившей с борта космического аппарата КП этой системы, был сделан ложный вывод о массовом старте ракет с территории США. Нетрудно представить, перед принятием какого решения могло было быть поставлено руководство страны и Вооруженных Сил. Причина – недоработка боевой программы для условий повышенной солнечной активности.

К счастью, в то время обязанности оперативного дежурного на КП системы выполнял настоящий профессионал, заместитель начальника отдела боевых алгоритмов и программ подполковник-инженер С.Е. Петров. Мгновенно проанализировав и оценив обстановку и ситуацию, он не допустил выдачи ложной информации на КП СПРН.

Вспоминает генерал-майор Н.Н. Собинов:

Собинов Николай Николаевич

Р. 13.02.1942.

После окончания Ярославского военно-технического училища Войск ПВО страны (1962 г.) проходил службу в войсках Дальневосточного военного округа. В 1973 г. окончил Военную командную академию ПВО. С 1983 по 1988 гг. – командир части. С 1988 по 1997 гг. – заместитель командующего армией по боевой подготовке. В 1997 г. уволен из рядов вооруженных сил по достижению предельного возраста.

Награжден орденом Красной звезды.

...Мое знакомство с генерал-полковником Ю.В. Вотинцевым состоялось в годы, когда я после окончания академии, в 1973 г. был направлен в войсковую часть 03340, на должность начальника отделения оперативного и боевой подготовки.

В войсковой части я прослужил 15 лет, из них 5 лет командиром части (1983-1988 гг.)

У каждого человека своя оценка его деятельности. В моей памяти он остался требовательным командиром с феноменальной памятью, внимательно следившим за состоянием дел в подчиненных частях.

Генерал-полковник Ю.В. Вотинцев был членом военного совета Войск ПВО. Мое назначение на должность командира части состоялось и только потому, что он поддержал мою кандидатуру на Военном Совете. Я благодарен ему за это.

Моя первая встреча с ним в должности командира части состоялась в сентябре 1983 г.

В ночь, с 25 на 26 сентября с КП части на КП СПРН была выдана информация об обнаружении стартов одиночных ракет с территории США.

Оперативный дежурный КП части подполковник С.Е. Петров проанализировав и оценив обстановку, в том числе и доклады номеров боевого расчета, доложил на КП СПРН, что информация об обнаружении ложная. По данной ситуации на КП работала группа анализа части. Я прибыл на КП части после доклада оперативного дежурного части.

Через некоторое время на КП части прибыл генерал-полковник Ю.В. Вотинцев. Я встретил его и доложил о выдаче ложной информации и о том, что оперативный дежурный подполковник Петров, и в целом боевой расчет, в данной ситуации действовал правильно согласно Инструкции. На КП части находится группа анализа, которая занимается выяснением причин формирования ложной информации. По ситуации проинформированы Генеральный Конструктор системы А.И. Савин и Главный конструктор космических аппаратов А.Г. Чесноков.

Он внимательно выслушал мой доклад, уточнил некоторые детали без высказывания замечаний, упреков в мой адрес и адрес боевого расчета. В последствии он отмечал, что оперативный дежурный подполковник-инженер С.Е. Петров действовал в данной обстановке грамотно.

По прибытии А.И. Савина, А.Г. Чеснокова и других представителей было проведено совещание, сформирована рабочая группа из представителей промышленности и военных, которая и выяснила причины формирования ложной информации.

В те годы эта информация была закрытой и только в начале 90-х годов об этом заговорили СМИ. В 1993 г. в газете «Совершенно секретно» была опубликована статья Дмитрия Лиханова «Как это было в ночь с 25 на 26 сентября 1983 г.».

Может этому послужила статья генерал-полковника Ю.В. Вотинцева «Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы», опубликованная в Военно-историческом журнале (1993 г.).

Западные СМИ, общественные организации сделали из подполковника Петрова «Человека, который предотвратил ядерную войну», «Почетного гражданина народа». Ему вручили статуэтку, памятный знак, премии, в т.ч. и денежные.

Вся эта шумиха, не что иное как политическая спекуляция, целью которой было обострение вопроса о «Российской военной угрозе» и необходимости усиления контроля за нашими ядерными силами.

Помню хорошо один случай.

При запуске одного КА возникла ситуация, при которой не было фиксации одной из антенн в рабочем положении. Рекомендации боевому расчету по «раскачиванию» КА положительного результата не давали.

Незадолго до начала сеанса связи с КА на КП части приехал генерал-полковник Вотинцев. Я находился на КП, встретил его, доложил о ситуации. Он сказал, что сегодня прилетел из санатория и сразу же выехал в часть. Действительно, он был загоревшим, отдохнувшим. Так как подходило время вхождения в связь с данным КА с разрешения я вышел на КП, а генерал-полковник Вотинцев остался в кабинете. Боевой расчет вошел в связь с КА, антенна – в рабочем положении.

Я доложил, что связь с КА восстановлена, она устойчивая. Он пошутил: «Мне нужно было прервать отпуск раньше и приехать к вам». Мы попили чай, побеседовали и он уехал из части в хорошем настроении.

Идут годы. И пока мы живем, рядом с нами командующий генерал-полковник Ю.В. Вотинцев. Настоящий Командующий. Человек с большой буквы ■

Приказом Министра обороны по этому чрезвычайному факту была назначена комиссия под председательством первого заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника В.И. Варенникова. Его заместителями были А.И. Савин и я.

С Валентином Ивановичем мне довольно часто доводилось встречаться по делам службы. В моем представлении это интеллигент, широко образованный, с твердой волей, мужественный, по натуре доброжелательный. Человек долга, чести и совести. Расследование он провел объективно и компетентно.

Главнокомандующему Войсками ПВО страны А.И. Колдунову и мне довелось присутствовать при его докладе Д.Ф. Устинову о результатах, полученных комиссией. Судя по атмосфере совещания, взаимоотношения министра обороны с руководством Генерального штаба обострились. Но, несмотря на это, Дмитрий Федорович принял доклад Варенникова без вопросов, замечаний и оргвыводов. Скорее всего, Д.Ф. Устинов хорошо знал генеральных конструкторов А.И. Савина и В.М. Ковтуненко и относился к ним уважительно и с доверием.

Вспоминает генерал-майор Е.В. Гаврилин:

Гаврилин Евгения Васильевича

Р. 20.02.1937.
Генерал-майор, конструктор и испытатель радиотехнических средств систем ПРО, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, член Союза писателей России.
Награжден орденами: Красной Звезды, Знак Почета и многими медалями.

...Первая встреча, вернее сказать, просто пришлось мне увидеть Юрия Всеволодовича Вотинцева в августе 1967 года. Как нам стало известно, он в мае этого года был назначен командующим войсками противоракетной и противокосмической обороны и почти сразу же был определен председателем государственной комиссии по рассмотрению аванпроекта «Аврора» по противоракетной обороне территории страны. Я в то время работал в 45 институте Министерства обороны, занимаясь проблемами испытаний и ввода радиолокаторов системы ПРО города Москвы А-35.

Проходя мимо кабинета начальника управления, увидел вышедшего оттуда незнакомого генерал-лейтенанта, вид которого меня поразил и немного озадачил. Внешне все было, как говорится, при нем: идеально подогнанная генеральская форма, твердая походка постоянно спешащего по важным делам руководителя, но мне бросилось в глаза лицо генерала. На нем не отражалось совершенно никаких эмоций, складывалось ощущение, что генерал весь «ушел в себя», если можно так оценить увиденную картину.

Впоследствии мне пришлось очень много дней, порой ночей проводить в обществе Юрия Всеволодовича и всегда для меня оставалась загадкой его выражение лица, по которому невозможно определить какие эмоции в данный момент испытывает командующий.

Почти двадцать лет мне пришлось очень плотно работать с командующим ПРО и ПКО и его аппаратом, поскольку наше управление было основным заказчиком вооружения, которым оснащались войска противоракетной и противокосмической обороны.

И даже, когда я стал одним из руководителей заказывающего управления Юрий Всеволодович очень четко сохранял дистанцию, исключительно придерживаясь правила одна

сторона заказывает вооружения, а вторая сторона осуществляет его боевое применение.

Действительно при создании сложнейших автоматических систем вооружения, коими являются системы ПРО и ПКО, а в дальнейшем будем оперировать термином РКО, т.е. ракетно-космическая оборона. Командующим РКО, в конечном счете и стал генерал-полковник Ю.В. Вотинцев, неизбежно возникает конфдикт интересов заказчика и войск или в нашем случае командующего. Но целевая функция, в конечном счете, общая, страна должна получить систему вооружения самого современного образца, осуществляя боевое применение которой, войска выполняют задачи защиты не только нашего государства, но и в случае систем РКО, обеспечение стратегического баланса в мире.

Вот в этой противоречивой среде мне пришлось почти двадцать лет взаимодействовать с Юрием Всеволодовичем. Настоящее знакомство, точнее работа началась в комиссии по рассмотрению проекта системы РТЦ-181, которую возглавлял командующий, а секретарями комиссии были назначены два офицера. Один от аппарата командующего полковник А.Г. Кубарев и от 4 Главного управления ваш покорный слуга в звании майор. Комиссия была, по памяти, человек пятьдесят, все генеральные конструктора по данной проблеме, руководители предприятий и организаций, в том чсле от Минобороны. Заместителями председателя комиссии были определены Владимир Иванович Марков заместитель министра радиопромыленности и Михаил Григорьевич Мымрин заместитель начальника 4 Главного управления Минобороны по НИОКР.

Работа этой комиссии была крайне сложной и напряженной, порой на грани, как говорится фола и она несомненно по хорошему требует отдельного специального рассмотрения, но я хотел бы остановиться на своем восприятии работы председателя комиссии Юрия Всеволодовича Вотинцева.

Прежде всего бросалось в глаза, что он пытался любой вопрос разобрать досконально, требовал добраться до мелочей, что иногда вызывало недоумение некоторых ученых и конструкторов. Вот эту особенность характера что ли или методики работы я замечал у Юрия Всеволодача все последующие годы.

Наверное, найдется не много начальников такого уровня, способных доходить до таких технических подробностей. Меня просто изумляла его способность на совещании любого уровня спокойным, размеренным, чуть-чуть монотонным голосом называть самые сложные параметры, характеристики радиолокаторов, противоракет, параметры средств воздушно-космического нападения вероятного противника.

Память у командующего была просто фантастическая. При этом, в отличии от очень многих и не только военно начальников, он мог, взяв ручку сам формулировать замечания, оценки и предложения. В связи с этим вспоминается один небольшой конфликтный случай, который у меня произошел при написании заключения госкомиссии на проект РТЦ-181. Поздно вечером, примерно в 22.00 Юрий Всеволодович сам решил доработать выводы заключения комиссии. Мы с Кубаревым, как говорится «подносили ему патроны», помогали формулировать, что-то объясняли. В конечном итоге командующий увлекся и немного отошел от той договоренности, которая была достигнута на заседании комиссии. Закончив писать он передал мне лисписанный лист и, как положено большому командиру, попросил отнести в машбюро и отпечатать. Тон его просьбы не предполагал возражений, но беда моя состояла в том, что я не мог выполнить его просьбу, поскольку знал, что позиция моего начальника Михаил Григорьевича Мымрина была совсем другой. Я прямо так и сказал Юрию Всеволодовичу, ожидая мощного разноса. Но все произошло совсем иначе. Командующий удивленно поднял брови,

спокойно переспросил: «Так не будете печатать?». И получив мой утвердительный ответ, жестким немного скрипучим голосом приказал Кубареву ехать в 45 институт, и там отпечатать документ. Естественно у меня мурашки бегали по всему телу. Было реальное ощущение, что кара неминуема, но Юрий Всеволодович сухо по прощался и уехал. На следующий день Михаил Григорьевич мое поведение одобрил, поскольку вопрос был сложный и требовал всестороннего обсуждения. Но что символично, что командующий никогда не вспоминал об этом эпизоде и вообще у меня сложилось ощущение, что, несмотря на внешнюю строгость, Юрий Всеволодович был истинный командир, который справедливость и порядочность ставил на первое место. Много работая с ним невозможно было понять у него кроме работы, службы есть еще какие-нибудь заботы, интересы. В моем представлении это был поистине идеал командующего таким сложным родом войск.

Вспоминается эпопея, связанная с работой государственной комиссией по случаю ложного срабатывания системы. Группу в Серпухове возглавлял Юрий Всеволодович, а меня в нее делегировало руководство 4 ГУМО. Это был классический пример того самого случая, когда два мнения, а цель одна. Расскажу поподробней, поскольку случай этот христоматийный, достойный быть помещенным в учебники взаимоотношений заказчика, разработчика и эксплуатации.

Так вот я участвовал в работе Правительственной комиссии по расследованию причин формирование системой ложной информации наивысшей степени опасности. Слава Богу, информацию удалось локализовать внутри системы и исключить ее выдачи на главные командные пункты страны.

Комиссию возглавлял заместитель Министра обороны СССР генерал армии Виталий Михайлович Шабанов. Подкомиссию по космическому эшелону, который собственно и сформировал это ложное сообщение, командующий Войсками РКО

генерал-полковник Юрий Всеволодович Вотинцев. Работала наша подкомиссия как я уже сказал в районе города Серпухова.

Напряжение среди членов комиссии было запредельным. Трое суток Юрий Всеволодович держал всю комиссию в наивысшей степени напряжения, не давая практически спать членам Комиссии. Работу осложняло отсутствие (был в отпуске) генерального конструктора Анатолия Ивановича Савина, человека на редкость спокойного и способного сбалансировать и уравновесить любую ситуацию.

А балансировать в таких комиссиях есть что, поскольку как минимуму две стороны выступают с диаметрально противоположных позиций (еще раз вспомните заголовок статьи).

Командующий (в данном случае он же председатель комиссии) и его подчиненные всеми силами стремились доказать, что во всем повинен заказчик и разработчик программно-аппаратных средств. При этом, что вполне понятно, боевые расчеты армии в этом тяжелом происшествии неповинны.

Представитель генерального конструктора, объединяющий всю кооперацию организаций разработчиков, стремится всеми силами снять подозрения в свой адрес и «свалить» вину на недостаточный уровень эксплуатации со стороны личного состава войсковой части.

Заказчика не утраивает ни та, ни другая позиция, поскольку они крайние и, как правило, к истине привести не могут, которая в это время пока до хрипоты спорят эти крайние, «дремлет» где-то посредине. В этой борьбе может победить любая точка зрения, все определяется искусством полемистов, яркой броскостью предъявляемых аргументов и их весомостью.

Для заказчика это самая большая опасность, так как большая вероятность того, что истинную причину не удастся

установить, а по сему и невозможно провести нужные мероприятия, чтобы подобные ситуации больше никогда не реализовывались.

Это, наверное, один из сложнейших моментов в работе заказчика. Вдумайтесь, сбой произошел на космическом аппарате, находящемся в Космосе. Даже когда катастрофа самолета происходят, то анализируют записи, что-то физическое находят в обломках, что-то рассказывают свидетели. А что в нашем случае? Почти ничего, хорошо, если хоть какие-то записи телеметрии сохранились! А дальше – только мозговая атака. А чтобы она была успешной, дала позитивный результат, все члены Комиссии должны думать над тем, чтобы понять и найти ту единственно возможную причину, которая стала виной случившегося. Но, как говорилось выше, почти у всех членов комиссии задачи разные и слабо согласовываются с указанным тезисом.

Вот в таких противоречивых условиях наша комиссии три дня и три ночи вела поиск причин произошедшего. Учитывая ослабленный состав представительства генерального конструктора, мне пришлось вести не равную борьбу с командующим РКО. Это действительно была неравная борьба полковника (коим я был в тот момент) с генерал-полковником.

Кто помнит крутой нрав Юрия Всеволодовича, его железную логику и волю проявляемые для достижения цели, тот может мне, по крайней мере, посочувствовать. Но несмотря ни на что, я продолжал «держать удары», поскольку отчетливо понимал, что если я «сломаюсь», то до истины добраться не удастся, это точно. В то же время я также осознавал, что без поддержки со стороны заказчика, позиция Ю.В. Вотинцева будет весьма шаткой и вряд ли поддержана в военно-промышленной комиссии. Это отлично понимал и сам председатель комиссии, поэтому сходу «сломал» сопротивление 45 ЦНИИ МО, представителей генконструктора и я, как

представитель генерального заказчика, остался совсем без союзников. Трое суток все присутствующие, которые «капитулировали» оказались фактически в роли зрителей, наблюдали неравную борьбу маститого и многозвездного генерала с простым полковником, который кроме собственной головы не мог ничего противопоставить сопернику.

Когда на вопрос командующего мне удавалось найти довольно точный и убедительный ответ, он тут же давал команду подчиненным и, как по мгновению волшебной палочки, тут же появлялись рисунки, схемы, таблицы с результатами расшифровок телеметрии и еще куча всяких данных. Я имел только одну возможность защищаться. Брал чистый лист бумаги, ручку и сходу рисовал или изображал свои аргументы. Это было довольно трудно, но не безуспешно. При этом необходимо иметь ввиду, что своеобразное «состязание» проходило «как бой в Крыму» в клубах жуткого дыма. Юрий Всеволодович курил «как паровоз». Когда сигарета заканчивалась, он от нее прикуривал следующую и так до бесконечности. А я ведь никогда в жизни не курил и не переношу запаха дыма и в этих антисанитарных условиях трое суток – ужас!

Но я все же выстоял и мне кажется Юрий Всеволодович осознал причину моего упорства и серьезность, приводимых аргументов. Суть их состояла в том, что, что ложное срабатывание произошло в момент перехода зоны наблюдения космического аппарата со света на тень (когда Земля переходит с ночи на день или наоборот). Примерно такое явление можно наблюдать, когда выезжаешь из полутемного туннеля на свет. Какие то доли секунды ты ничего не видишь, испытывая ослепление. Нечто подобное, очевидно, происходило и с аппаратурой обнаружения космического аппарата. Нужно было набирать статистику по таким переходам (так называемый терминатор) и, обработав ее «обучить» боевые программы учитывать этот переход.

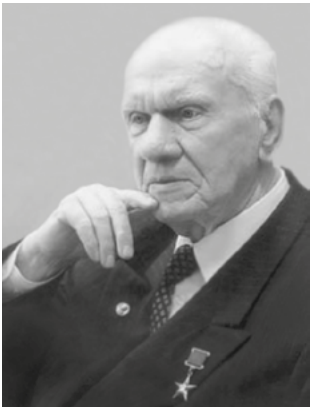
Юрий Всеволодович с большим трудом согласился. Для того, чтобы как-то сгладить его неудовольствие, «погоняли» еще немного формулировки и подписали акт. Все тело у меня болело и ломило от нервного перенапряжения. А как вы думаете? Вести серьезную дискуссию со столь эрудированным и прекрасно владеющим тематикой командующим очень непростое дело.

Несмотря на все перипетии этих и многих других подобных событий неизбежно сопровождающих ход работ по созданию систем класса РКО, у нас с командующим сохранились вполне нормальные рабочие отношения. Больше того, как принято было в Советской Армии, к Юрию Всеволодовичу все офицеры обращались «товарищ командующий», а меня попросил обращаться к нему по имени отчеству. Также он обращался и ко мне. Этим я не хочу сказать, что мы были как-то близки. Даже совсем наоборот мне всегда казалось, что Юрий Всеволодович четко держит дистанцию, но делал он я, бы сказал, столь филигранно, что это воспринималось как само собой разумеющееся без всякой обиды.

О нем в последние годы написано очень много добрых слов. Думаю, по большому счету, это справедливо. Юрий Всеволодович прочно и достойно занял место на скрижалях истории РКО. Работать с ним было ой как непросто, но, без сомнения, интересно. С этой объективной оценкой, как мне представляется был согласен и Владислав Георгиевич Репин: «Ю.В. Вотинцев внес большой вклад в создание и становление всех систем РКО – СПРН, СККП, ПРО, ПКО. Высокая, подчас подчеркнуто генеральская требовательность к подчиненным и коллегам из научных, промышленных и строительных организаций хорошо сочеталась в нем с желанием и умением учиться, добираться до сути технических проблем и вопросов, понимать необходимость компромиссов и искать совместно пути преодоления многих неизбежных, непредсказуемых

трудностей. На мой взгляд, он близок к образцовому эталону высокого военачальника, ответственного за создание, эксплуатацию и боевое применение современных, сложнейших по функциям и исполнению военно-технических систем».

Вспоминая те далекие трудные, но очень интересные и плодотворные годы, я все больше и больше утверждаюсь в мысли, что Юрий Всеволодович Вотинцев, первый командующий принципиально нового рода войск по праву принадлежит к первопроходцам создавшим оружие, позволившее сохранять и оберегать безопасность мира. Вечная им память потомков ■



Академик А.И. Савин

А.И. Савин, безусловно, талантливый ученый и конструктор, вместе с коллективом ЦНИИ «Комета» взялся за решение задачи обнаружения старта баллистических ракет с территории континентов, акваторий океанов и морей. Сложность заключалась в том, что космические аппараты (КА) с орбит на высоте 35-40 тыс. км должны были с высокой достоверностью обнаруживать старт ракет через две-три минуты после их запуска и выдавать информацию на КП космической системы.

Не стоит говорить о том, как сложно распознать старт ракет в темное время суток с территории США, буквально озаренной мощными источниками освещения. КА ежесуточно наблюдали буквально тысячи взлетов самолетов на форсаже. Не были еще до конца известны электромагнитные возмущения в космосе в результате непрогнозируемых вспышек на Солнце, а также при переходе КА так называемого «терминатора», когда из пространства, освещенного Солнцем, он уходит в тень от Земли.

К.А. Власко-Власов

Отладка системы проводилась методом экспериментов, разработанных для наиболее критических ситуаций, с целью выявить и устранить недостатки в аппаратуре обнаружения КА, программы ЭВМ на его борту, в аппаратурном комплексе, особенно в боевой программе КП.

Каждая работа детально анализировалась А.И. Савиным непосредственно на КП. Поражала его выдержка, интеллигентность, способность принципиально и критически анализировать собственные просчеты. Кстати, это было поучительным для некоторых других генеральных и главных конструкторов, которые при неудачах безосновательно пытались свалить вину на кого угодно, в том числе и на боевой расчет, считая себя безгрешными.

Нам, военным, импонировало, что А.И. Савин всегда сначала выслушивал мнение должностных лиц боевого расчета, специалистов СНИИ Войск ПВО страны, а затем своих заместителей и ближайших помощников – К.А. Власко-Власова, В.Г. Хлибко, Ц.Г. Литовченко. Советовался с М.И. Ненашевым и со мной. Вдумчиво вырабатывались предложения, вносились доработки, многократно проверявшиеся.

В.М. Ковтуненко обстоятельства, связанные с отказом КА, предпочитал рассматривать в своем кабинете в НПО имени С.А. Лавочкина, так как там находился макет космического аппарата, на котором можно было воспроизвести ситуацию, возникшую при отказе, а затем многократно проверить эффективность рекомендованных доработок. С Ковтуненко работалось непросто, приходилось вести ожесточенную дискуссию

с руководителями и конструкторами многих КБ и заводов-изготовителей, комплектующих для КА.

Каждый из них считал виновным в отказе КА кого угодно, кроме своей фирмы. К тому же нужно учесть: жесткие требования Генерального конструктора системы А.И. Савина, которого всегда поддерживали военные – начальник заказывающего управления М.И. Ненашев, специалисты СНИИ, войск и представители Главного управления космических систем. Постоянно возникал вопрос о рекламации, виновные обязаны были выплатить Министерству обороны примерно 3 млн. рублей за отказ КА.

Замечу, что для генеральных конструкторов, да и для меня, неудачный запуск или преждевременный отказ КА были не только трагедией, но и полезным опытом. При отрицательном результате после тщательного анализа появлялась возможность определить причины и принять меры по существенному повышению надежности.

По-другому к этому относился Главнокомандующий Войсками ПВО страны А.И. Колдунов. Ему приходилось подписывать доклады министру обороны, и, естественно, нелицеприятные. Сколько раз в грубой форме он учинял разносы и мне, и, правда, реже, А.И. Савину.

Главный конструктор А.Г. Чесноков

К середине 80-х гг. усилиями А.И. Савина и коллектива ЦНИИ «Комета», В.М. Ковтуненко, его ближайших помощников А.Г. Чеснокова и А.Л. Родина космическая система была доведена до требуемых характеристик и стала основной, наиболее надежной и эффективной в комплексной системе

предупреждения о ракетном нападении. Это имеет особо важное значение в связи с серьезным снижением боевых возможностей средств надгоризонтного радиолокационного обнаружения баллистических ракет на траекториях их полета, размещенных теперь уже в странах СНГ на нескольких основных ракетоопасных направлениях.

Космический эшелон СККП

Важнейшим звеном в комплексной СПРН являются несколько территориально разнесенных, синхронно работающих командных пунктов. КП в полностью автоматическом режиме получают обширные сведения о техническом состоянии всех средств системы, а информация предупреждения так же автоматически выдается на оповещаемые пункты управления Верховного Главнокомандования и командованию видов Вооруженных Сил на специальное табло «Крокус». В данном случае как никогда возрастает роль системы передачи данных (СПД).

Вспоминает первый командующий, 3 ОА ОН генерал-лейтенант В.К. Стрельников:

...Равноправной неотъемлемой частью единого комплекса СПРН является система передачи данных (СПД), состоящая из технологической аппаратуры на узлах и КП СПРН и внешних каналов связи – проводных, разнесенных по разным направлениям, космических, радиорелейных и радио. Такое насыщение каналами обеспечило устойчивую непрерывную связь между элементами системы, ее помехоустойчивость и засекреченность.

Телекодовая информация передается с высочайшей скоростью, уплотненной в сотни раз, с максимальной достоверностью и без сбоев. СПД разработана и внедрена коллективами под руководством главных конструкторов Ф.М. Липсмана, В.И. Шварцмана, И.М. Мизина.

Слабым, но исключительно важным элементом создаваемого вооружения являлась аппаратура боевого управления во всех звеньях от КП части до КП СПРН. Закладывалось такое положение в эскизных проектах. Ни одна комиссия в этом разделе проекта не разбиралась, считая это второстепенным, не учитывая, что поддерживать боеготовность, задавать режимы работы комплексов и управлять ими будут люди. Наивысшая эффективность боевого применения, в конечном счете, зависит от Удачности сочетания «человек техника».

Например, на КП СПРН на центральном пульте управления длиной 4 метра находилось около сотни цифровых малоразличимых транспарантов, а дежурили на нем только два человека. Здесь же – огромное табло в пять метров, тоже цифровое. При этом цифра «1» имела много различных значений, 4 из которых – противоположны одно другому, в зависимости оттого, где и когда они высветятся. Здесь и на всех оповещаемых ЦКП сигнал «Внимание» означал, что обнаружена БР

с недостаточной достоверностью, а на КП узлов этот же сигнал следовало понимать как «переполнено табло характеристик целей».

К чести главного конструктора В.Г. Репина, по нашему предложению эти недостатки были устранены в ходе модернизации. Была создана уникальная текстовая аппаратура на русском языке, обеспечивающая боевой расчет любой информацией в реальном масштабе времени на дисплеях. Наиболее безответственно было разработано оборудование КП узла ЗГО «дуга», где установили два пульта управления (каждый длиной по 3 м, отстоящие друг от друга на 2 м): один для оперативного дежурного, другой – для дежурного инженера. На каждом пульте – десятки транспарантов и клавишный блок. Пульты не взаимозаменяемые, с автономными программами. Чтобы выдать самую простую команду, надо нажать не менее четырех клавишей. Объем инструкции на пульт – 60 листов. Центральное табло высвечивается только в темноте, боевой расчет при этом должен сидеть 12 часов во тьме. Госкомиссия такой КП полностью забраковала.

Причиной этого являлось то, что заказчик, разработчик и военпред следовали порочному принципу «солдат при оружии» вместо «оружие при солдате». Потому и создаются средства управления, которые потом с новыми затратами приходится коренным образом переделывать.

В 1978 году я пригласил на КП СПРН двух главных конструкторов: УСК – А.И. Савина, и ЗГО – Ф.А. Кузьминского. Показал оборудование и рассказал, что было сделано по нашим предложениям. Кузьминский раздраженно спросил, где же я был, когда он создавал свой КП? Я его спросил в ответ, почему он не привлек меня и не спросил моего совета, когда разрабатывал КП ЗГО. Анатолий Иванович согласился с тем, что к созданию КП надо привлекать тех офицеров из войск, которые будут на них нести службу, и воплотил это мнение в жизнь.

Другой случай. В декабре 1977 года у нас состоялась первая армейская партконференция, на которой присутствовали Главнокомандующий Войсками ПВО Маршал Советского Союза П.Ф. Батицкий и Член Военного Совета Войск ПВО генерал-полковник С.А. Бобылев. Начало – в 10.00. В 9.00 получил доклад о том, что на КП находится Главком. Начальник штаба уже там. Прибыл, представился. Батицкий в благодушном настроении сидит за центральным пультом и молча все осматривает. На пути в Дом офицеров в машине задаю ему вопрос:

– Какие будут замечания?

Отвечает:

– Если бы были замечания, я бы высказал их без твоего вопроса. Там мне лихо докладывали твои хлопцы обстановку по своим телевизорам (дисплеям, то есть). А ты и начальник штаба разбираетесь в этом?

Я ответил, что данные об обстановке отражаются те, которые мы предложили конструктору, поэтому читать умеем. Павел Федорович спросил, как к этому отнесся конструктор. Я ответил, что положительно, и теперь критиковать будем не его, а сами себя, так как он сделал так, как мы просили.

Главком подвел итог разговора:

– Молодцы. А то наизобретают непонятно для кого – для гениев или для дураков ■

Подобные трудности пришлось испытать и при создании спецчемоданчика. Помню, мы втроем – главный конструктор СПРН В.Г. Репин, командующий отдельной армией особого назначения генерал-лейтенант В.К. Стрельников и я изобразили на листе бумаги эскиз лицевой панели, по-нашему, «крокусенка», для специальных чемоданчиков высшего руководства страны и Вооруженных Сил, содержащих информацию предупреждения.

Успешно была решена задача надежности и живучести системы и ее средств. Каждый объект имеет тройное

резервирование технологической аппаратуры и спец-технического оборудования, несколько разнесенных вводов электроснабжения. Созданы и автономные источники на базе МГД-генераторов. Проводная и кабельная связь также имеет несколько вводов. Объекты оснащены космической, радио и факсимильной связью.

Так создавалась комплексная система предупреждения о ракетном нападении.

В октябре 1977 года во исполнения постановления совета обороны была создана 3 ОА ПРН (ОН). Командующим армии был назначен генерал-майор Владимир Константинович Стрельников.

Главным звеном, выполняющим постоянно, непрерывно боевую задачу государственной важности, способное не допустить, гарантированно исключить возможность развязывания ракетно-ядерной войны стала 3 ОА ПРН ОН. Личный состав этой армии получил в свои руки самый совершенный к тому времени комплекс вооружения.

Их создали выдающиеся ученые и конструкторы страны, трудовые коллективы десятков заводов, проектные институты министерства обороны, сто тысячная армия военных строителей, под руководством начальника ГУС «Центра» генерал-лейтенанта А.Г. Караогланова.

Воины армии оказались способными занять достойное место в сложнейшей обстановке, решительно идти еще неизведанным путем воинской службы, со всесторонним учетом особенности присущем новой технике, они оказались достойными оказанному им доверию.

Несомненно, следует отдельно сказать о такой яркой личности как В.К. Стрельников. В 1967 году по окончанию Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К.Е. Ворошилова он был назначен командиром впервые формируемой дивизии предупреждения о ракет-

ном нападении. Командовал ей 10 лет, с его именем связано становление соединения, целенаправленное воспитание воинских коллективов, нацеленное на безусловное выполнение боевой задачи государственной важности. Накопленный опыт был успешно использован в службе будучи уже командующим. Он задавал тон освоения новой боевой техники, стал кандидатом военных наук. Владимир Константинович был и остался навсегда знаменем 3 ОА ПРН ОН, ее честью и совестью. Командный пункт системы предупреждения о ракетном нападении заслуженно носит его имя первопроходца.

Попытаюсь хотя бы кратко рассказать о руководящем составе управления армии.

Первым заместителем был назначен генерал-майор Г.А. Вылегжанин бывший командир дивизии разведки космического пространства, ранее служившего в радиотехнических войсках ПВО страны, полк под его командованием всегда показывал отличные результаты боевой подготовки. Он стал надежным помощником, боевым товарищем В.К. Стрельникову, вводе в строй поступающих на вооружении новых систем предупреждения о ракетном нападении. Начальником штаба генерал-майор Н.Г. Завалий. Фронтовик. Воспитанник первой зенитно-ракетной армии, начальник штаба корпуса противоракетной обороны. Первым привнес принципиально новое содержание работы штаба армии, подчинив ее непосредственному обеспечению постоянной наивысшей боевой готовности, совершенствованию ПРН.

Членом Военного Совета – начальником политического отдела армии, был назначен полковник А.Ф. Поздеев, ранее служивший в первой зенитно-ракетной армии в должности начальника политотдела 6-ого корпуса. А.Ф. Поздеев являл собой пример принципиального вдумчивого, требовательного, вместе с тем доброжелательного политработника-

воспитателя. В войсках его уважительно называли «комиссаром», что было высшей похвалой.

Главный инженер армии – В.П. Панченко воспитанник первых частей предупреждения о ракетном нападении, досконально знал подчиненных ему инженеров, имел тесные контакты с разработчиками комплексов и системы вооружения. Представлял собой образец высокой требовательности. Никогда и ни в чем не поступился интересами армии. Был задающим генератором в повышении надежных характеристик расширения боевых возможностей системы.

В 1980 году в командование армией вступил генерал-лейтенант Н.И. Родионов, прошедший славный путь в ПРО. ОН обладал незаурядным интеллектом, твёрдой волей, требовательностью и высказательностью по отношению к разработчикам новых комплектов вооружения и строителям. Н.И. Родионов поднял армию по боевому составу средств, выучке воинских коллективов, организованности и дисциплине на новую ступень.

Неоценимый вклад в создание, развитие и совершенствование эксплуатации системы внесли: М.М. Коломиец, В.В. Рожков, В.К. Стрельников, И.А. Слухай, В.М. Смирнов, А.В. Соколов, В.П. Панченко, Н.В. Кисляков, А.Б. Новицкас, Н.И. Родионов, В.И. Моторный, Г.А. Вылегжанин, А.К. Михайлов, Н.Г. Завалий, А.П. Блинов, В.М. Шумилин и многие другие. При создании и особенно при испытании и эксплуатации системы ПРО и СПРН следует отметить коллектив Специального научно-исследовательского института, созданного в 60-е гг., который мною уже упоминался. Его возглавляли в то время И.М. Пенчуков и его заместитель по научной работе Н.П. Бусленко. В последующие годы институтом руководил Ю.Г. Ерохин, а в настоящее время – Г.С. Батырь. Заместитель по научно-исследовательской работе – М.Д. Кислик. Этот институт являлся научным штабом

при рассмотрении возглавляемыми мною комиссиями ряда эскизных проектов.

Создавались благоприятные условия для выполнения возложенных на комиссии задач. Я об этом говорю с большим удовлетворением – ведь в течение долгих лет был постоянно связан с этим замечательным коллективом.

В СНИИ плодотворно трудились более 20 докторов и около 100 кандидатов наук. Ведущими учеными института были: по системе ПРО – Г.И. Бутко, по системе ПРН – Г.В. Кононенко, Б.С. Скребушевский, Г.С. Суворов, В.В. Огнев, А.М. Цейтленок.

Институт первым в Министерстве обороны успешно решил проблему оценки боевой эффективности сложных, по существу уникальных, полностью автоматизированных комплексов и систем вооружения. Задача решалась как по результатам натурных испытаний, так и путем математического моделирования.

Разрабатывались научно-методические основы испытаний и ввода в строй этих комплексов и систем. Более того, специалисты института, постоянно работая непосредственно на объектах, тщательно анализировали опыт эксплуатации и вырабатывали соответствующие рекомендации войскам и требования к разработчикам. Плодотворный труд ученых и специалистов института трудно переоценить. Забегая вперед, отмечу, что за выполненные и внедренные в практику войск исследования ведущие ученые были удостоены двух Государственных и нескольких премий Ленинского комсомола.

О чем бы хотелось сказать в заключение. С превеликим трудом, максимальным использованием интеллектуального и экономического потенциалов Советского государства создана комплексная система предупреждения о ракетном нападении... Она была, есть и, надеюсь, будет решающим

сдерживающим фактором в развязывании ракетно-ядерной войны. Ибо любой агрессор всегда получит гарантированный уничтожающий встречный или ответный удар.

Мы не можем, не имеем права закрывать глаза на то, что Великого Советского Союза больше нет. Амбициями политиков, получивших суверенитет, система предупреждения о ракетном нападении, особенно ее средства надгоризонтной локации, существенно ослаблена. Необходимы безотлагательные меры по восстановлению системы и ее совершенствованию под руководством и контролем правительства и Вооруженных Сил России. Ведь в США все компоненты системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе непрерывно совершенствуются.

Будет справедливо отметить, как же сегодня после двух десятков лет в совершенно новых условиях функционирует комплексная система предупреждения.

Редакционная коллегия попросила командира 820 главного центра предупреждения о ракетном нападении полковника А.В. Ревенок рассказать как сегодня личный состав центра выполняет поставленную боевую задачу.

Ревенок
Андрей Владимирович

Р. 22.02.1972.

Окончил: 1994 г. – Ставропольское высшее авиационное инженерное училище ПВО, 2008 г. – Военная академия Воздушно-космической обороны, 2016 г. – Военная академия Генерального штаба ВС РФ.

С 1994 года по 2008 год – служба в частях ракетно-космической обороны и ПРН на различных должностях. В течении 5 лет – командир части г. Балхаш, г. Печора. В 2016 году назначен начальником штаба – заместитель командира в/ч 26302. С февраля 2019 года – начальник Главного центра ПРН.

...В соответствии с решением государственного и военного руководства Российской Федерации, с 1 декабря 2009 года сформированный на основе 3-ей отдельной армии ракетно-космической обороны особого назначения Главный центр предупреждения о ракетном нападении выполняет боевую задачу по обеспечению военной безопасности Российской Федерации, являясь основой национальной Системы предупреждения о ракетном нападении.

За последние десять лет соединение претерпело серьезные изменения, как в организационно-штатной структуре, так и в повышении боевых возможностей.

С постановкой на боевое дежурство отдельных радиотехнических центров в городах Енисейск, Барнаул, Орск решена главная задача – создано сплошное многодиапазонное радиолокационное поле по периметру границ Российской Федерации.

Несмотря на «изоляцию» России, введение экономических санкций, наращивание боевых возможностей СПРН не прекращается.

Так, с постановкой на опытно-боевое дежурство космических аппаратов ЕКС в декабре 2017 года, успешно решена задача по контролю районов старта баллистических ракет в северном полушарии, выполняя стратегическую задачу, ранее не свойственную космическим аппаратам системы УС-КС.

Активно идет развитие средств наземного эшелона СПРН. На смену радиолокационным станциям старого поколения пришли РЛС высокой заводской готовности. Первой такой РЛС была построена РЛС метрового диапазона длин волн, расположенная в поселке Лехтуси Ленинградской области. Она стала основой новых станций высокой заводской готовности и явилась фундаментом для новаторских технических и программных решений, которые в последующем были использованы при создании РЛС данного типа, построенных

в городах Иркутск, Орск, Калининград, Армавир, Енисейск, Барнаул.

Конструктивно РЛС ВЗГ значительно отличаются от РЛС поколения 60-70-х годов прошлого века. В их конструкции уже нет больших зданий и сооружений, значительно повышена чувствительность антенных систем, что позволяет обнаруживать баллистические цели с меньшими энергозатратами и более высокими точностными характеристиками.

В ближайшее перспективе в состав Главного центра ПРН войдут радиолокационный комплекс в составе двух РЛС различного диапазона в г. Воркута и самая мощная РЛС высокой заводской готовности «Воронеж-ДМ» в г. Мурманск.

Проведенная модернизация составных частей РЛС «Дарьял» (г. Печора), «Днепр» (г. Мурманск и Балхаш (Республика Казахстан), «Волга» (г. Барановичи Республика Беларусь), созданных в 20-м веке, позволила не только сохранить уникальные решения, заложенные великими конструкторами А.Л. Минцем, В.М. Иванцовым, С.И. Мироновым, В.Е. Ордановичем, но и повысить их надежность, технические характеристики, уменьшив при этом экономические затраты на эксплуатацию и обслуживание.

Сегодняшнее состояние системы предупреждения о ракетном нападении обеспечивает выполнение стоящих стратегических задач, являясь гарантом военной безопасности Российской Федерации ■

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Создание в конце 40-х годов в США, а затем и в СССР баллистических ракет с ядерным зарядом предопределило возможность и даже необходимость использования космического пространства, как нового театра вооруженной борьбы. 50-е годы – начало напряженного, постоянно нагнетаемого соперничества между СССР и США в освоении космоса, борьба за превосходство в нем.

Вслед за первым нашим искусственным спутником Земли (ИСЗ), запущенным 4 октября 1957 года, США вывели на орбиту свой. Произошло это 1 февраля 1958 года. Ю.А. Гагарин первый виток вокруг Земли на космическом аппарате «Восток» совершил 12 апреля 1961 года, а астронавт США Дж. Гленн на «Меркурии» – 20 февраля 1962 года.

События последних лет свидетельствуют, что интерес к космическому пространству неуклонно возрастает. Сегодня ни ОДНО событие в мире практически не обходится без использования средств космического базирования, особенно при возникающих военных конфликтах и малых войнах. Большинство отраслей экономики используют данные, полученные с помощью космических систем. Это и связь, и навигация, и метеорология, и зондирование земной поверхности и т.д. При этом экономятся огромные финансовые средства. Отсюда вытекает исключительное значение космоса, при дальнейшем освоении которого используются все меры по совершенствованию форм и методов, влияющих на скорейшее выполнение задач по освоению космического пространства: принимаются различные решения, пишутся планы стратегического характера, разрабатываются новые космические технологии. Особую позицию в решении

с помощью космических систем военных и иных задач занимают США, стремящиеся к господству в космическом пространстве.

В связи с четко прогнозируемым в последующем бурным освоением космического пространства возникли новые сложные научно-технические проблемы.

Во-первых, по мере наполнения космоса объектами, сопровождающими запуски ИСЗ (ракеты-носители, обтекатели, различные фрагменты и т.п.), возрастала угроза безопасности пилотируемых кораблей. Это требовало создания надежной системы контроля космического пространства (СККП), которая могла бы обеспечить получение своевременной и точной информации. Откладывать решение этой приемы на последующие годы было крайне опасно, так как сложность «инвентаризации» космического пространства ежегодно возрастала буквально в геометрической прогрессии. По-видимому, этими же соображениями руководствовалось и министерство обороны США, принявшее в конце 50-х – начале 60-х годов решение о создании национальной системы контроля космического пространства – СПАДАТС» – с использованием радиолокационных и оптико-электронных средств, размещенных как на территории США, так и на некоторых военных базах, находящихся за ее пределами.

Во-вторых, уже в то время рассматривалась необходимость разработки и создания системы противокосмической обороны (ПКО), способной поражать объекты военного назначения. В связи с этим возникали требования к СККП по распознаванию и выдаче системе ПКО точных целеуказаний по объектам вероятного противника, которые могли быть назначены для поражения в космосе.

Идея построения в нашей стране СККП окончательно оформилась летом 1963 года. Именно тогда начальник

отдела специализированного научно-исследовательского института (СНИИ) А.Л. Горелик и заместитель начальника этого института Н.П. Бусленко, возглавив группу специалистов, разработали аванпроект системы контроля космического пространства (СККП). Он был одобрен и решением комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК) СНИИ, этот институт был определен головным по СККП. Сформировалось новое управление, первым начальником которого стал Е.М. Ошанин. В последующие годы начальниками управления были О.А. Чембровский, А.Д. Курланов и Ю.А. Диденко.

Изначально обнаружение и сопровождение космических объектов осуществлялось пунктами оптического наблюдения (ПОН), развернутыми войсками ПРО и ПКО, которые размещались в различных регионах страны с учетом наиболее благоприятных геофизических условий работы, особенно в ночное время. По согласованному плану к работе привлекли и оптико-электронные станции Астросовета АН СССР. Одним из основоположников и энтузиастов этого дела был заведующий кафедрой Рязанского пединститута доктор технических наук В.И. Курышев. Его учебники, методики и поныне используются для подготовки специалистов-обработчиков информации.

В 1965 году был разработан и одобрен эскизный проект СККП. Реализация его осуществлялась непосредственно коллективом управления, которым в СНИИ с 1966 года руководил А.Д. Курланов. На базе вычислительных средств института создавались программы, обеспечивающие обнаружение, взятие на сопровождение и распознавание искуственных спутников земли (ИСЗ), заложена основа Главного каталога космических объектов.

Вспоминает генерал-майор А.Д. Курланов:

Курланов
Александр Дмитриевич

Р. 01.08.1924.
Генерал-майор, участник Великой Отечественно Войны, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.
Начальник управления 45 СНИИ МО.
Награжден орденами: Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета и многими медалями.

...Я знал и глубоко уважал генерал-полковниеа Юрия Всеволодовича Вотинцева как военачальника высокого ранга, человека незаурядного, беспредельно преданного Вооруженным силам, их развитию, повышению боевой эффективности. Он был авторитетным командующим формировавшимся в то время родом войск в структуре Войск ПВО страны.

«Неизвестными войсками исчезнувшей сверхдержавы» с иронией назвал он эти формирования в своей статье. По праву Ю.В. Вотинцев считается отцом войск ракетно-космической обороны. Он, на мой взгляд, был одним из немногих военачальников, из числа тех с кем мне приходилось общаться в период службы в армии, кто уважал и ценил людей науки. занимавшихся практическим внедрением полученных результатов в практику войск. Он давал объективную оценку результатам научных исследований с глубоким пониманием решавшихся проблем.

Из множества качеств, которые используются для характеристики человека, в поведении Юрия Всеволодовича мне нравились его порядочность, благородство, интеллект, сдержанная

простота и доступность, дружелюбие, деликатное остроумие. Будучи начальником Управления контроля космического пространства 45-го СНИИ МО, выполнявшего головную роль в создании Системы контроля космического пространства, призванной войти в состав ракетно-космической обороны страны, я встречался с Юрием Всеволодовичем на всех этапах выполнения этой работы.

При поэтапном вводе в строй Центра контроля космического пространства (объект 3006), обусловленным периодичностью поставки промышленностью вычислительной техники, техники связи и другой аппаратуры, Юрий Всеволодович выполнял роль председателя комиссии. При решении возникавших проблем мы чувствовали его принципиальность, глубокое понимание возникшей проблемы. При необходимости он просил дать техническое обоснование предлагавшегося решения.

Меня поражало обращение Командующего войсками с командирами частей и ведущими специалистами. Он обращался к ним по имени и отчеству. Без надрыва в голосе выражал возникавшую неудовлетворенность. Наблюдая дружескую обстановку в отношениях сотрудников института, практически реализовывавших свои разработки боевых алгоритмов и программ, с офицерами боевых расчетов ЦККП, Юрий Всеволодович говорил мне, улыбаясь: «Александр Дмитриевич, своей демократией Вы делаете мне из боевой части народное ополчение».

Во внеслужебное время он не отказывался сыграть в шахматы или преферанс. Игрок он был азартный. По простецки, не допуская фамильярности, он вел себя в застольях. Не могу не отметить его нежные отношения с супругой. После застолья в институте в один из торжественных дней, Юрий Всеволодович пригласил к себе домой трех полковников (в том числе был и я) сыграть в преферанс. Дверь нам открыла его супруга.

– Анечка, открой нам пожалуйста бутылочку коньячку, – сказал Ю.В.

– Юрочка, вам сейчас нужен не коньячок, а по чашке кофе, – ответила супруга. Чудесно провели вечер в доме Юрия Всеволодовича.

Скорбно вспоминать. Армия потеряла талантливого военачальника высокого ранга. Добрую память о генерал-полковнике Вотинцеве Юрии Всеволодовиче хранят сотрудники 45-го СНИИ Министерства обороны. Он поддерживал с институтом тесные деловые связи ■

Первой специализированной радиотехнической станцией, выполнявшей задачи контроля космоса, стала РЛС «Днестр», размещенная в Казахстане Испытана она была в 1967 году комиссией под председательством маршала артиллерии Ю.П. Бажанова.

В 1968 году начальник штаба войск ПРО и ПКО генерал-лейтенант И.П. Писарев успешно провел испытания радиолокационного комплекса контроля космического пространства, состоящего из восьми РЛС «Днестр». Они располагались в Казахстане и Сибири, образовывая сплошной «барьер» протяженностью 5000 км на высотах до 3000 км. Для юстировки станций и подтверждения, заданных на них характеристик, был специально запущен ИСЗ «ДСП-1Ю». Главным конструктором этого комплекса, а в его составе и РЛС «Днестр», был Ю.В. Поляк.

В одном из районов Подмосковья с 1965 года ускоренными темпами создавался Центр контроля космического пространства (ЦККП). Три года спустя на нем уже функционировала вычислительная машина «5Э-51» генерального конструктора В.С. Бурцева, в которую была введена боевая программа, разработанная в СНИИ.

Но на ЦККП как бы по инерции большая часть расчетов выполнялась офицерами и прапорщиками вручную. Пришлось

несколько раз с ними встретиться, чтобы убедить, доказать необходимость автоматической обработки информации. Постепенно работа налаживалась. Решающую роль сыграла группа молодых офицеров, недавних выпускников Киевского высшего инженерного радиотехнического училища ПВО, прошедшая в СНИИ серьезную подготовку по СККП. Именно они вместе с И.Г. Сергеевым, будучи переведенными на ЦККП, способствовали внедрению научно-обоснованных способов боевой работы и эксплуатации автоматизированного комплекса вооружения.

Вот как вспоминает о роли Ю.В. Вотинцева в становлении Центра контроля космического пространства полковник Л.К. Оляндэр:

Оляндэр
Лафарг Константинович

Р. 13.11.1934.
В Вооруженных силах с 1953 по 1986 гг. Окончил Арзамаское военное училище связи в 1956 году, Военную радиотехническую академию имени Маршала Советского Союза Л.А.Говорова в 1966 году. С 1966 года по 1986 год проходил службу в ЦККП. последняя занимаемая должность – начальник отдела ЦККП. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах 3-й степени», орденскими знаками «С.П. Королев», За верность Отечеству» и 15 медалями.

...Становление ЦККП, его развитие и совершенствование, выполнение различных сложных и ответственных задач по анализу космической обстановки, определению районов падения отечественных и иностранных космических аппаратов, сопровождению аварийных отечественных аппаратов,

высокая оценка в международном и государственном масштабе всего сделанного личным составом связаны с именем другою талантливого военачальника, первого Командующего войсками ПРО и ПКО генерал полковника артиллерии Юрия Всеволодовича Вотинцева.

Личное общение на протяжение очень многих лет дают мне право высказать свое мнение о роли этого замечательного человека и военного руководителя в повседневной жизни коллектива ЦККП. Высокая требовательность к себе и подчиненным, обращение к подчиненным только по фамилии с обязательным добавлением слова «товарищ». Всегда при первом общении с Ю.В. Вотинцевым порождало мнение о нем, как о человеке сухом, пронизанном духом «солдафонства».

Он не прощал никаких послаблений в решении самых злободневных вопросов: поддержание высокой боевой готовности и уровня воинской дисциплины, четкое выполнение обязанностей при выполнении задач боевого дежурства, безупречная организация учебного процесса и высокое методическое мастерство руководителей, уставной внутренний порядок в подразделениях, развитие творчества и инициативы в совершенствовании учебно-материальной базы.

Только ближе изучив характер и человеческие качества этого умного и талантливого руководителя, постоянное общение с ним, прочно утвердили в нас вывод, что растущие требования к ЦККП исходят от невидимой невооруженному глазу любви к своему детищу, которое бережно оберегалась, воспитывалось и зрело в своем развитии. Сегодня, по истечение нескольких десятилетий, это мнение людей, подчиненных в разные времена генерал-полковнику Юрию Всеволодовичу Вотинцеву, обрело законченное, непререкаемое и неподдающееся никакой переоценке, звучание.

Оно приобрело форму искренней благодарности такому руководителю за совместную службу в войсках ПРО и ПКО.

Многие свидетели тех лет знают, что в лице Командующего удачно сочетались качества командира единоначальника и одаренного воспитателя людей. Каждый приезд Ю.В. Вотинцева в ЦККП всегда включал обязательное общение с личным составом. Этой науке общения постоянно учились и мы. Генерал-полковника Вотинцева знали все: солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры, руководители подразделений всех рангов, отличники учебы и военнослужащие, склонные к нарушениям воинской дисциплины, активисты подразделений и организаторы воспитательной работы.

Юрий Всеволодович был активным участником всех мероприятий, проводимых в масштабе части, интересовался в личных встречах жизнью членов семей военнослужащих, внедрять в практику работы заслушивание командиров подразделений на общих собраниях личного состава, объективной характеристикой каждому подчиненному. И неуютно чувствовал себя тот, в чей адрес звучала из уст командира серьезная критика за упущения в службе.

Особый интерес всегда вызывали его выступления перед личным составом с анализом военно-политической обстановки в стране и мире. Мы всегда восхищались ораторским мастерством и способностью подчинять себе внимание аудитории, которыми обладал наш Командующий. Свидетелями этого мы были почти ежемесячно, и сегодня с сожалением констатируем: ни один из нынешних руководителей подобного ранга и даже ниже не может похвастаться таким богатством форм общения и постоянной связи с подчиненными, которые пронес через всю свою армейскую жизнь Ю.В. Вотинцев.

При каждом посещении части он заслушивал начальников отделов и командиров подразделений в присутствии всего коллектива. Эта практика позволяла ему узнать атмосферу, царившую в том или ином подразделении. Искусственно

воздвигнутые барьеры во взаимоотношениях между командирами среднего и высшего звена и подчиненными, возникшие за последнее десятилетие, подрывают авторитет руководителя, его влияние переходит только в рамки административных решений или служебных совещаний и указаний. Живая связь с подчиненными и человеческое общение подменяются чванством и высокомерием, необоснованными «разносами», ничем не подкрепленными распоряжениями. Правда, сказанная вслух, стала редким явлением. Все это породило безразличие и равнодушие в среде офицеров и прапорщиков к перспективе своей службы, многочисленные примеры ухода из армии под различными предлогами.

Остается только сожалеть, что пример поведения и отношения к службе и жизни, данный Ю.В. Вотинцевым, которому мы стремились всегда подражать, сегодня оказался невостребованным.

Здесь уместно вспомнить тех офицеров-руководителей, которые оказались добросовестными учениками своего Командующего родом войск и через всю свою службу пронесли его идеи и высокую требовательность к своему образу военной жизни.

Они стали достойными проводниками всех замыслов, воплощавшихся в жизнь генерал полковником Ю.В. Вотинцевым.

Начальники отделов и пунктов тех лет несли в себе удачное сочетание командира и воспитателя, они всегда находились в гуще событий, переживаемых своим подразделением, частью в целом. Каждый из руководителей был образцом высокой культуры, непревзойденных технических знаний и прекрасного ораторского искусства. Их имена навсегда останутся в истории ЦККП, чтобы все будущие поколения достойно пронесли через свою службу в ЦККП плоды их ратного труда и вклада всех возглавляемых ими подразделений в успехи,

которыми гордилось высшее руководство страны, Вооруженных Сил СССР и России ■

В 1970 году первая очередь ЦККП в соответствии с Приказом Министра обороны была принята в эксплуатацию войсками ПВО.

К этому времени в космосе уже постоянно функционировали шесть американских систем военного назначения: разведывательная (детальной фоторазведки, радиотехнической, оптико-электронной разведки), обнаружения старта баллистических ракет и ядерных взрывов, навигационная, метеорологическая, топогеодезическая и связи. Каждая состояла из нескольких аппаратов. Кроме того, были исследовательские, коммерческие спутники связи, не говоря уже о большом количестве отечественных ИСЗ.

Вместе с ними на высоте до 2000 км находились буквально тысячи фрагментов, кусков, вплоть до болтов и гаек последних ступеней ракет-носителей и разрушенных ИСЗ. Задача контроля состояла в том, чтобы достоверно обнаружить, распознать и с высокой точностью сопровождать в этом хаосе отечественные и иностранные спутники с действующей аппаратурой.

В 1972 году ЦККП был принят на вооружение. Программно-алгоритмическая система Центра и его сопряжение с источниками и потребителями информации были разработаны, внедрены и испытаны учеными СНИИ: В.И. Мудровым, Б.Н. Ананьевым, А.В. Крыловым, А.И. Назаренко, Ю.П. Гороховым, Г.А. Соколовым.

Обстановка в космосе продолжала усложняться. Стало очевидным, что радиолокационное поле, создаваемое только восьмью РЛС «Днестр», как информационное средство, малоэффективно. В 1974 году Главнокомандующий Войсками ПВО страны П.Ф. Батицкий внес предложение возложить

дальнейшее совершенствование СККП на главного конструктора СПРН В.Г. Репина, за плечами которого был уже положительный опыт сопряжения РЛС дальнего обнаружения «Дунай-3» и «Дунай-ЗУ» системы ПРО с КП СПРН. Это было одобрено Минрадиопромом, Генеральным штабом и ВПК. За развитие СККП взялся заместитель министра радиопромышленности В.И. Марков – генеральный директор гигантского ЦНПО «Вымпел», обладавший мощными научно-техническим и производственным потенциалами.

В.Г. Репин и его заместители А.А. Курикша и Ю.С. Очкасов технически обосновали и внесли предложение по подключению к ЦККП всех радиолокационных узлов СПРН и ПРО, что коренным образом повлияло на эффективность информационных возможностей СККП с использованием уже созданных средств.

Однако ЦККП работал в своей системе координат, отличной от СПРН и ПРО. Вновь возникла задача существенной доработки боевых программ при выполнении требований невывода радиотехнических узлов из состояния боевой готовности. О причинах такого положения уже говорилось. Но повторюсь, одна из главных – монополизм генеральных и главных конструкторов, а также уклонение Минрадиопрома от определения жестких требований по стандартизации и унификации.

Подключение к ЦККП всех радиотехнических узлов привело к тому, что он буквально захлебнулся от потока информации, составляющей в сутки десятки тысяч стандартных сообщений о сопровождаемых ими космических объектах.

Пришлось вырабатывать дополнительную программу «Космос», которая позволяла ЦККП выдавать на каждый узел целеуказания только по вновь запущенным космическим объектам или требующим уточнения в Главном каталоге.

Теперь уже узлы стали передавать стандартные сообщения на ЦККП только по его заявке. В результате поток информации сократился до разумного минимума.

С большими трудностями мы столкнулись при решении задачи распознавания космических объектов, в первую очередь, военного назначения вероятного противника, выделением их на фоне архисложной общей космической обстановки. Исследованиями и разработками в этом направлении в СНИИ руководил А.Л. Горелик. Наряду с определением возможности иметь радиолокационный и оптический портрет космического объекта разрабатывались и создавались специализированные технические средства, в том числе для применения на отечественных пилотируемых кораблях. Так, во время полета корабля «Союз-14» в июле 1974 года П.Р. Попович по целеуказанию ЦККП с помощью специального оптического прибора «Сокол» обнаружил в космическом пространстве американскую станцию «Скайлэб» и произвел необходимые измерения. Для подготовки космонавтов к выполнению подобных экспериментов в СНИИ был создан специальный лабораторный комплекс-тренажер. На нем космонавты отрабатывали задачи обнаружения космических объектов на фоне звездного неба, сближения и распознавания их, используя при этом и специально разработанную Институтом кибернетики Украинской АН цифровую ЭВМ «Белка». Были проведены эксперименты и по обнаружению ядерных источников энергии на борту инспектируемых аппаратов.

Приобретенный опыт подтвердил необходимость создания специализированных средств для СККП, что в дальнейшем и было сделано.

Приходилось ЦККП, совместно с источниками информации, работать при сложных аварийных ситуациях с отечественными космическими аппаратами.

Так, в 1977 году был запущен «Космос-954» с ядерной энергетической установкой. В связи с возникшей аварийной ситуацией на борт аппарата выдали команду, по которой должен был быть отработан импульс, поднимающий его на несколько сот километров выше – на орбиту длительного существования. Из-за неисправности вместо нужного импульса сработал другой – резкого торможения, и аппарат стал быстро снижаться. Расчеты показали, что ядерная энергетическая установка при входе в плотные слои атмосферы не сгорит, а фрагментами может упасть на Землю, что повлечет за собой радиационное заражение. Об этом широко оповещалось в средствах массовой информации многих стран.

Сопровождение «Космоса-954» и прогнозирование времени и района падения ядерной энергетической установки велось на ЦККП с 20 декабря 1977 года. ЦККП точно определил время падения фрагментов – 24 января 1978 года в 15 ч. 12 мин. в безлюдном горном районе на территории Канады, откуда они нами были вывезены.

Такая же ситуация позднее сложилась с аппаратом аналогичного типа «Космос-1402», запущенного 30 августа 1982 года. ЦККП определил, что фрагменты его упадут в Атлантическом океане в районе острова Вознесенья 7 февраля 1983 года в 14 ч. 06 мин. И вновь не ошибся. В обоих случаях наш прогноз оказался точнее, чем у американцев.

Случалось работать и при аварийных ситуациях с пилотируемыми кораблями. Весной 1985 года во время полета в автоматическом режиме была обесточена станция «Салют-7». Следует отметить, что Главное управление космических средств Министерства обороны (ГУКОС МО), произведя запуск, осуществляло сопровождение космических аппаратов по их активному ответу. Если же в результате аварии или по выработке ресурса аппарат на орбите молчал, ГУКОС

МО пользовался своими прогнозными расчетными данными орбиты и Главным каталогом ЦККП.

По данным ЦККП, «Салют-7» – многотонная станция – начала быстро снижаться и непременно должна была крупными фрагментами упасть на Землю с непредсказуемыми последствиями. В конце мая ко мне приехал руководитель полета этой станции космонавт В.В. Рюмин с просьбой оказать содействие и обеспечить наведение транспортного корабля «Союз Т-13» с В.А. Джанибековым и В.П. Савиных на борту для стыковки с «Салютом-7». Начальник Главного штаба Войск ПВО страны генерал-полковник авиации И.М. Мальцев утвердил план нашей совместной работы с ГУКОС МО.

С 5 по 8 июня ЦККП по данным точного измерительного комплекса «Аргунь» и других средств подвел транспортный корабль к станции на 2,5 км и обеспечил стыковку при ручном управлении. Джанибеков и Савиных оживили «Салют-7», проявив мужество и продемонстрировав отличное знание техники. Им удалось обеспечить в дальнейшем сход станции с орбиты и затопление ее в Тихом океане. Американцы по достоинству оценили возможности нашей СККП.

По оценке США, космические системы военного назначения (разведывательная, навигационная, топогеодезическая, связи и др.) при их комплексном использовании в два-три раза повышали эффективность боевого применения как стратегических наступательных сил, так и тактических на поле боя. Убедительное подтверждение тому – воздушно-наземная операция США в войне против Ирака «Буря в пустыне». В ней было задействовано 60 космических аппаратов военного назначения. «Буря в пустыне» открыла новую эпоху в земных войнах – широкое использование космоса.

Придавая особое значение живучести, неуязвимости и скрытности своих космических систем военного назначения,

США в 80-х годах начинают вывод новых аппаратов этих систем на орбиты с высотой 20-40 тыс. км. Расчет предельно прост. Основные средства космических систем военного назначения выводятся за пределы досягаемости радиолокационных средств СККП и боевых возможностей средств ПКО.

Это обстоятельство потребовало от нас, в свою очередь, развернуть работы по созданию специализированных комплексов СККП – радиолокационных, оптико-электронных, лазерных, способных обнаруживать и сопровождать космические аппараты на высотах до 40 000 км.

На Северном Кавказе и Дальнем Востоке развертывались комплексы «Крона» – главные конструкторы В.П. Сосульников и Н.Д. Устинов. Комплекс «Окно», разработанный конструкторским бюро (КБ) Красногорского завода (главный конструктор Н.С. Чернов), создан в Таджикистане.

В подтверждение того, что наши возможности по контролю космоса и воздействия на космические аппараты возросли, приведу такой пример. В 1981 году США произвели первый запуск космического аппарата «Шаттл». Естественно, это привлекло внимание правительства и руководства Министерства обороны. Пилотируемые орбитальные ступени «Колумбия», а затем и «Чэлленджер», при запуске с Западного испытательного полигона ВВС США (Ванденберг) проходили с востока на запад над средними широтами СССР, преимущественно в светлое время суток. Это 8 из 14 витков за сутки, совпадающих с часовыми поясами нашей страны. Высота орбит – 300-400 км, полное согласование с очередностью прохождения разведывательных космических аппаратов США.

Генеральный штаб и ВПК требовали к исходу каждых суток обстоятельно докладывать, какие средства привлекались для сопровождения, а также результаты работы СККП. Эти донесения мне и приходилось готовить.

Как-то осенью 1983 года по «кремлевке» позвонил министр обороны Д.Ф. Устинов: «Юрий Всеволодович, здравствуйте! Передо мной ваш доклад о работе по «Шаттлу». Скажите, почему не привлечен экспериментальный лазерный комплекс на полигоне?» Я знал, что этот комплекс находится в ведении генерального конструктора Н.Д. Устинова, сына министра. На нем бригада из 300 специалистов от организаций промышленности выполняла доработки. Об этом я и доложил министру обороны. «Переговорите на этот счет с Николаем Дмитриевичем», – сказал Д.Ф. Устинов. Звоню Н.Д. Устинову. «Нет, – отвечает он, – сейчас никак нельзя. У нас идут регламентные работы. Как-нибудь в другой раз». 10 октября 1984 года вовремя 13-го полета «Чэлленджера», когда его витки на орбите проходили в районе Государственного полигона Войск ПВО страны у озера Балхаш эксперимент состоялся при работе лазерной установки в режиме обнаружения с минимальной мощностью излучения. Высота орбиты «космического челнока» составляла 365 км. Наклонная дальность обнаружения и сопровождения 400-800 км. Точное целеуказание лазерной установке было выдано радиолокационным измерительным комплексом «Аргунь» – генерального конструктора Г.В. Кисунько.

Как сообщил потом экипаж «Чэлленджера», при полете над районом Балхаша на корабле внезапно отключилась связь, возникли сбои в работе аппаратуры, да и сами астронавты почувствовали недомогание. Американцы тут же заявили официальный протест. В дальнейшем лазерная установка, да и часть радиотехнических комплексов полигона, имеющих высокий энергетический потенциал, для сопровождения «Шаттлов» не применялись.

С созданием ЦККП, подключением к нему всех информационных средств СПРН и ПРО, развертыванием в 80-х годах работ по специализированным средствам контроля космоса

Генерал-лейтенант
В.И. Марков

постепенно складывалась эффективная, полностью автоматизированная СККП. Если рассматривать космическое пространство, как потенциально возможный театр вооруженной борьбы, то достижение паритета с США и в этой области, несомненно, повышало обороноспособность страны.

Велика заслуга военных ученых и специалистов СНИИ, своевременно спрогнозировавших и научно обосновавших не только необходимость создания СККП, но и требования к ее средствам. Ученые и конструкторы, инженеры и рабочие предприятий ОКБ «Вымпел» Минрадиопрома ответственно и с энтузиазмом создавали средства для СККП. Заслуживает уважения и признательности твердое повседневное руководство генеральных директоров ОКБ «Вымпел» В.И. Маркова, а с 1981 года О.А. Лосева – заместителей министра радиопромышленности. Постоянный, жесткий контроль за работой осуществлялся председателем ВПК Л.В. Смирновым и его заместителем Л.И. Горшковым.

Генерал-лейтенант
О.А. Лосев

Трудно переоценить вклад личного состава войск, который непосредственно участвовал в монтаже и настройке технологической

аппаратуры, спецтехнического оборудования, доработке и отладке боевых программ, вводимых в ЭВМ. Многие предложения войсковых инженеров принимались разработчиками и внедрялись в производство. Наибольший прирост боевой эффективности, надежности средств и СККП в целом был достигнут уже в ходе эксплуатации.

Главный инженер ЦККП В.В. Никольский с группой специалистов при участии главного инженера войск ПРО и ПКО Н.В. Кислякова разработали, опробовали и внедрили, так называемый, адаптивный метод обслуживания техники. Суть его сводилась к тому, что за каждым блоком ЭВМ был установлен строжайший контроль. По набранной статистике определялось среднее фактическое время наработки на отказ – нормальной работы в часах. Используя эти данные, как норматив, не дожидаясь возникновения неисправности, блок вынимали и отправляли в ремонтно-поверительную базу в соседнем помещении. Его немедленно заменяли новым блоком из ЗИПа. В результате при технических условиях наработки ЭВМ на отказ – 90 часов безотказная работа составила 900-1100 часов. Генеральный конструктор ЭВМ «5Э-51» В.С. Бурцев непосредственно участвовал в этой работе и совместно с Главным заказывающим управлением узаконил «адаптивный» метод в инструкциях по эксплуатации. Казалось бы, это лишь один штрих из опыта эксплуатации, но и он стал известен, был одобрен Минрадиопромом, ВПК и оперативно внедрен во всех частях и соединениях войск ПРО и ПКО, для всех видов технологической аппаратуры и спецтехнического оборудования. В итоге – существенное повышение боевой готовности.

ЦККП располагал превосходным коллективом офицеров, прапорщиков, хорошо подготовленных сержантов и солдат. В течение ряда лет Центр признавался одной из лучших частей в Войсках ПВО страны и был единственным коллективом

в войсках ПРО и ПКО, награжденным Вымпелом Министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть». Командир полковник И.Ю. Юхневич одним из первых в Войсках ПВО страны был награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II и III степени и Трудового Красного Знамени. Орденов и медалей были удостоены многие офицеры и прапорщики.

К концу 80-х годов у ЦККП, если можно так сказать, открылось второе дыхание. В сжатые сроки военными строительными организациями совместно с подразделениями Минмонтажспецстроя (ММСС) было введено в эксплуатацию новое технологическое здание, в котором был развернут самый совершенный по тому времени вычислительный комплекс «Эльбрус» Генерального конструктора В.С. Бурцева. Комплекс с быстродействием в миллионы операций в секунду обусловил возможность в автоматическом режиме наиболее полно использовать информацию от средств обнаружения СПРН, ПРО и специализированных комплексов контроля космического пространства для выполнения широкого круга задач, поставленных уже СККП.

Вспоминает командующий войсками ПРО и ПКО (1986-1991) генерал-полковник авиации В.М. Красковский:

Красковский Вольтер Макарович

(1931-2011)

Окончил Армавирское военное училище, военно-воздушную академию, Военную академию Генерального штаба. Проходил службу в войсках ПВО в должностях от летчика инструктора, до первого заместителя

начальника Главного штаба войск ПВО страны. В июне 1986 года назначен Командующим войсками ПРО и ПКО Воск ПВО страны.

...9 августа я доложил Главкому о результатах своей поездки. Через 2 суток начальник Главного штаба возвратился из отпуска и приступил к своим обязанностям. Я получил возможность полностью заняться подготовкой к новой должности.

В этот день мы смогли несколько часов провести в беседе с генералом Ю.В. Вотинцевым. По моей просьбе прошлись с ним более детально по списку руководящего состава войск. Беседа наша проходила в кабинете Юрия Всеволодовича. Он заметно волновался, много курил.

Состояние его, прослужившего в Вооруженных Силах 50 лет, прошедшего войну и возглавлявшего войска ПРО и ПКО, начиная с их колыбели, я хорошо понимал.

Генерала Ю.В. Вотинцева я ближе узнал во время службы в Главкомате. Мне нравилась его четкость выражения мыслей. В выступлениях на Военных советах войск его речи отличались высокой патриотичностью, возвышенностью. Тем, кто их слушал, внушалась уверенность в глубокой преданности и непогрешимости дел в войсках. Я всегда воспринимал его выступления именно таким образом. Войска ПРО и ПКО были закрытыми, находились на особом счету, так как предназначались для решения задач стратегического значения. Их командующий был хорошо известен в Вооруженных Силах, пользовался непререкаемым авторитетом, как у руководства Вооруженных Сил, так и у личного состава войск ПВО. Многие годы командования ПРО и ПКО (около 19 лет) и возраст Юрия Всеволодовича могли вызвать и переоценку состояния дел в войсках.

Юрий Всеволодович был сыном революционера, председателя ТуркЦИКА, зверски убитого в Ташкенте в 1919 году.

За время командования престижными войсками к его боевым наградам прибавилось много других орденов, в том числе звезда Героя Социалистического Труда. Глядя на генерала Вотинцева, я думал, что и на этот раз мне приходится менять на посту человека намного старше и опытнее себя, к тому же очень заслуженного. Невольно задавал себе вопрос: «Справлюсь ли? Хватит ли мне опыта, закалки, ума, чтобы оправдать доверие войск и тех, кто рекомендовал меня на этот пост?» С такими мыслями закончился последний день моего пребывания в штабной должности...

...Еще в конце 1987 г. я доложил главкому наши соображения о целесообразности сформировать соединение контроля космического пространства на базе войсковых частей, входящих в состав ЦККП, комплекса истребитель спутников («ИС-М») и находившихся в стадии завершения создания специализированных средств радио оптического комплекса распознавания космических объектов «Крона» в г. Зеленчуке и оптико-электронной станции обнаружения стационарных космических объектов «Окно» в районе г. Нурек (Таджикской ССР). Главком поддержал эту идею и вышел с ходатайством в Генеральный штаб, где согласились с нашим предложением, и директивой ГШ ВС СССР от 17 июня 1988 г. был утвержден штат управления и штаба ККП» ■

Все положительное в освоении и эксплуатации средств СККП является результатом инициативной, осмысленной и напряженной работы И.Ю. Юхневича, а также главного инженера по этому направлению в службе вооружения управления командующего войсками ПРО и ПКО И.Г. Сергеева, главного инженера ЦККП В.В. Никольского, начальника штаба А.П. Зайцева, Л.К. Оляндэра и многих других командиров и инженеров.

А вот какую оценку ЦККП дал несколько по времени позже генерал-полковник Ю.В. Вотинцев в книге «Смотрим в космические дали»:

«Убедительным подтверждением внедрения передовых технологий и их совместного УСПСШНОГО использования является создание ЦККП, который по данным радиолокационных и оптоэлектронных средств ведет постоянный контроль за обстановкой в космосе и является Единственным в стране держателем главного каталога космических объектов. Общее количество космических объектов, находящихся в каталоге, как действующих, так и прекративших свое существование, составляет несколько тысяч. Сопровождение космических объектов и их распознавание важно не только в интересах Министерства обороны, но и ДЛЯ других министерств и ведомств, имеющих спутники исследовательского и иного общехозяйственного назначения. ЦККП выдает информацию о функционировании принадлежащих им космических аппаратов и данные, поступающие с их бортов. В качестве примеров международного сотрудничества можно остановиться на Двух фактах. Совсем недавно имела место возможность столкновения международной космической станции (МКС) с блоком российской БР, но по данным ЦКК П была выдана рекомендация по повышению орбиты, гарантирующая исключение столкновения. Еще более сложная задача затопление станции «Мир». Специалистами ЦККП совместно с другими организациями была разработана такая траектория спуска станции с орбиты, что даже при разделении ее на отдельные фрагменты, она была затоплена в безопасном районе Тихого океана. Заметим, что при аварийных ситуациях, связанных со сходом с орбит КА с ядерными энергетическими установками, прогнозирование возможных районов их падения нашими

средствами было осуществлено значительно точнее, чем аналогичными американскими».

Войска контроля космического пространства по заслугам были объединены в составе отдельного корпуса.

Вспоминает первый командир отдельного корпуса контроля космического пространства генерал-лейтенант А.И. Суслов:

Суслов Александр Иванович

Р. 1945.

В Вооруженных силах с 1963 по 2000 гг. Окончил Опоческое радиотехническое училище в 1966 г. Военную командную академию ПВО имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. проходил службу в войсках Противоракетной обороны, Контроля космического пространства, и Противокосмической обороны. 1992–1994 гг. – заместитель командующего армии предупреждения о ракетном нападении (ПРН). 1994–2000 гг. заместитель начальника кафедры оперативного искусства ПВО Военной академии Генерального штаба. Награжден орденами «Красная звезда», «Знак почета» орденским знаком «За верность отечеству» и 15 медалями.

...Начало Службе контроля космического пространства в нашей стране положило Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15.11.62 г. №1189-497 «О создании отечественной Службы контроля космического пространства». Его детализировала Директива Генерального штаба №75372 от 12.12.62 г. Для этих целей в радиотехнических войсках Войск ПВО страны было сформировано 20 пунктов

оптического наблюдения, на вооружении которых находились астрономические приборы Трубка зенитная командира (ТЗК) и Большая морская труба (БМТ-110М), простейшие инструменты обработки измерений и приборы Системы единого времени (СЕВ). Впоследствии (1978 г.) они были заменены Системой спутниковых теодолитов (ССТ-2). Таким образом, число станций, привлекаемых для слежения за космическими объектами, превысило 120.

В январе 1965 г. Министр обороны СССР и вышедшая позднее директива Генерального штаба поручили 4-му ГУ МО сформировать на базе 45-го НИИ МО «Кадр Специального ЦККП». В 45-й СНИИ МО из 4-го ЦНИИ МО ранее были переданы все работы по контролю космического пространства. Уже 6 марта 1965 г. подписана директива Главного штаба ВПВО о формировании на базе 45-го СНИИ МО «Кадра Специального ЦККП». В апреле 1965 г. принято решение правительства о строительстве комплекса технологических зданий для ЦККП в окрестностях г. Ногинска. Первый временный штат «Кадра Специального ЦККП» введен 27.04.1965 г. 07.10.1965 г. «Кадру Специального ЦККП» присвоен номер: войсковая часть 28289.

20.11.1965 г. – подписан первый в истории ЦККП приказ, в котором говорилось, что во временное командование «Кадром Специального ЦККП» вступил подполковник В.П. Смирнов. В конце 1965 г. начальником ЦККП назначен полковник Н.А. Мартынов, окончивший с золотой медалью Военную академию Генерального штаба, главным инженером стал подполковник В.П. Смирнов.

«В 1967–1968 гг. одновременно со строительством РЛС в Оленегорске и Скрунде Советский Союз начал сооружение четырех РЛС типа «Днепр». РЛС этого типа представляли собой результат модернизации РЛС «Днестр-М» и стали известны на Западе под тем же именем – Hen House. Две такие РЛС были расположены на узлах в Балхаше (Казахстан) и Мишелевке (возле Иркутска). На обоих этих узлах с середины 1960-х гг. работали РЛС «Днестр» системы контроля космического пространства. Одна из РЛС «Днепр» была построена в Скрунде, где к тому времени уже работала РЛС «Днестр-М», и еще одна – на новом узле в Севастополе».

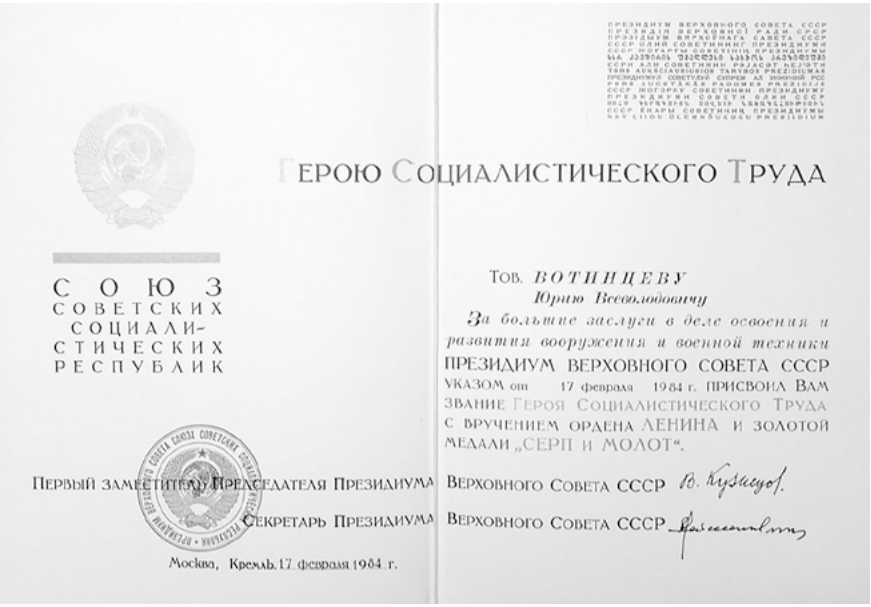
Генерал-полковник артиллерии Ю.В. Вотинцев

01.10.1966 г. на основании директивы Генерального штаба подразделение «Кадр Центра контроля космического пространства» было преобразовано в Центр контроля космического пространства, выведено из состава 45-го СНИИ МО и передано в подчинение командиру в/ч 73570.

ЦККП стал функционировать как самостоятельная часть с 01.01.1967 г.

30 марта 1967 года в Решением Правительства СССР в составе Войск ПВО страны было сформировано Командование войск противоракетной и противокосмической обороны. Командующим был назначен генерал-лейтенант Ю.В. Вотинцев. В этом же году он стал членом Военного совета войск ПВО и председателем Межведомственной комиссии по рассмотрению эскизных проектов и совместных испытаний. В 1974 году Вотинцеву присвоено звание генерал-полковника артиллерии.

За выдающиеся заслуги в укреплении оборонного могущества СССР Указом Президиума Верховного Совета ССР от 17 февраля 1984 года Вотинцеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда.



ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Тов. *ВОТИНЦЕВУ*
Юрию Всеволодовичу

За большие заслуги в деле освоения и развития вооружения и военной техники ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УКАЗОМ от 17 февраля 1984 г. ПРИСВОИЛ ВАМ ЗВАНИЕ Героя Социалистического Труда с вручением ордена ЛЕНИНА и золотой медали „СЕРП и МОЛОТ“.

Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва, Кремль. 17 февраля 1984 г.

Отличительной чертой деятельности генерала Ю.В. Вотинцева было требование к подчиненным видеть перспективы своей работы на два-три шага вперед. При посещении частей

он практиковал заслушивание командиров подразделений в присутствии всего личного состава. Основными для заслушивания были вопросы – над чем в настоящее время работает личный состав подразделения. Особенно ему нравились те проблемы, которые были новыми, перспективными, предусматривающие автоматизацию процессов работы.

Для разработки документов, регламентирующих выполнение поставленных задач в процессе боевого функционирования ЦККП, осенью 1968 г. при штабе части была сформирована внештатная оперативная группа. На эту группу командование части возложило задачи планирования боевого цикла обработки информации, отработки боевых и оперативных документов, организации взаимодействия с источниками и потребителями информации, разработки штатной структуры ЦККП и ряд других. Группа активно участвовала в организации **проверок боевой готовности подразделений части**.

Эта группа (еще до оформления ее в штатное подразделение штаба) в 1968 г. приступила к разработке внутренних документов: инструкций по ведению боевого цикла обработки информации, по порядку ведения работ при обнаружении, сопровождении и распознавании космических объектов.

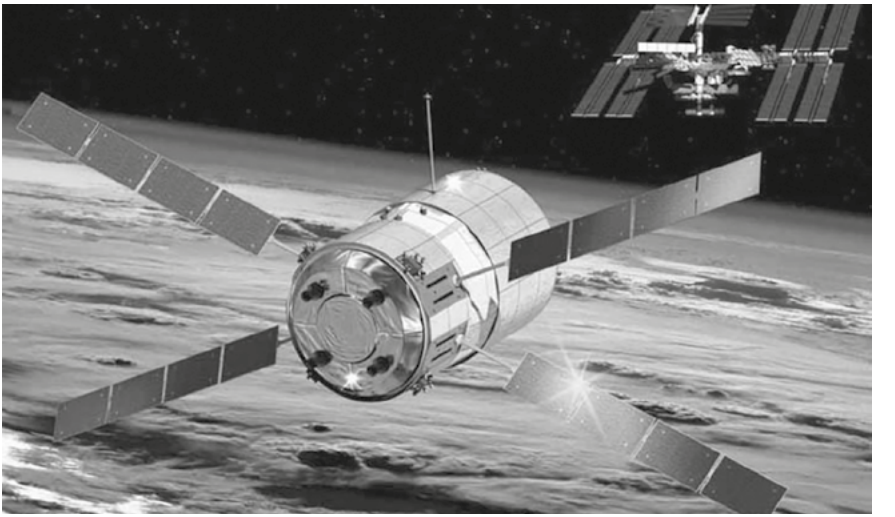
Началась сложная, скрупулезная предварительная работа по подготовке приказа министра обороны о принятии в эксплуатацию ЦККП. Эта работа приняла интенсивный характер сразу после проведения государственных испытаний по приему ЦККП первой очереди. Уже в то время было понятно, что роль СККП в решении задач ПКО становится многогранной и во многом определяющей. Только ЦККП, являясь основным элементом СККП, проведя тщательный анализ космической обстановки, мог с достаточной степенью достоверности определить наиболее опасные космические аппараты

Командующий войсками ПРО генерал-полковник Ю.В. Вотинцев и генерал-лейтенант М.М. Коломиец среди руководящего состава частей соединений войск ПРО и ПКО

иностранных государств (точнее, государств – вероятных противников) и выдать информацию для активного воздействия по ним.

В начале 1968 г. в ЦККП начала поступать информация от первых радиолокационных станций «Днестр-М» системы предупреждения о ракетном нападении (одна РЛС, расположенная в районе г. Балхаш). Главным конструктором этих станций был Ю.В. Поляк. Началось широкомасштабное использование радиолокационной информации. В отличие от оптической информации (каждое измерение содержало в себе две координаты – азимут и угол места или склонение и прямое восхождение) радиолокационное измерение содержало шесть координат (три координаты определяли местоположение объекта и три координаты содержали сведения о скорости их изменения). Использование радиолокационной информации позволило сократить время обнаружения космических объектов до трех суток, значительно повысить точность их сопровождения. Зона контролируемого участка околоземного космического пространства была

ограничена возможностями радиолокационных средств и составляла по высоте полета космических объектов от 200 до 1500 км и по наклонению плоскости орбиты – 45–135 градусов. Впервые появилась возможность не только определять положение космического объекта, но и получать некоторые так называемые некоординатные характеристики (ориентация, стабилизация, примерные значения эффективной отражающей поверхности и др.), которые использовались в интересах распознавания космических объектов. Специалисты ЦККП впервые столкнулись с большим информационным потоком (более тысячи измерений в сутки), что потребовало срочной автоматизации обработки информации. В дальнейшем система радиолокационных средств непрерывно совершенствовалась. На смену «Днестру-М» пришли более мощные РЛС СПРН «Днепр», «Дарьял» и «Дунай» системы ПРО.



Таким образом только ЦККП, являясь основным элементом СККП, проведя тщательный анализ космической обстановки,

мог с достаточной степенью достоверности определить теперь наиболее опасные космические аппараты иностранных государств.

С первого января 1969 г. распоряжением начальника 4-го ГУ МО задачи по осуществлению контроля космического пространства с 45-го СНИИ МО были сняты и переданы ЦККП, личный состав которого приступил к выполнению поставленных задач на собственной материальной части. Начался новый период в жизни ЦККП – период самостоятельного ведения контроля космического пространства.

В январе 1970 г. вышли приказ Министра обороны СССР и приказ Главнокомандующего Войсками ПВО страны о принятии в эксплуатацию Войсками ПВО ЦККП. В январе 1971 г. начальником Генерального штаба были утверждены «Положение о ЦККП» и «Положения по взаимодействию» центра с видами Вооруженных Сил СССР. Они определили статус ЦККП как части центрального подчинения, его роль и место в Вооруженных Силах СССР, его правовые и юридические основы, конкретизировали поставленные ранее перед ним задачи.

В 1973 г. успешно прошли испытания четырехмашинного вычислительного комплекса 5Э51 и новой алгоритмической системы, в которой обработка координатной информации была практически полностью автоматизирована. За успешное выполнение задания по вводу в эксплуатацию ЦККП первой очереди большая группа сотрудников 45-го СНИИ МО удостоилась высоких

Лауреаты Государственной премии СССР. Слева направо: А.В. Крылов, В.И. Мудров, М.Д. Кислик, А.И. Назаренко, А.Д. Курланов, З.З. Швецов, Б.Н. Ананьин

правительственных наград: Государственной премии (1971 г.) и премии Ленинского комсомола. Лауреатами Государственной премии стали Б.Н. Ананьев, М.Д. Кислик, А.В. Крылов, А.Д. Курланов, А.И. Назаренко, Е.М. Ошанин, З.З. Швецов.

В 1974–1976 гг. продолжались интенсивные работы по совершенствованию методов контроля космического пространства. На смену частным автоматизированным циклам пришла система боевых программ, позволившая автоматизировать процесс от момента получения информации до момента записи результатов ее обработки в Главный каталог системы. В строй вошел новый вычислительный комплекс на базе ЭВМ 5Э51. Новая программная система была разработана в основном силами 45-го СНИИ МО и представляла собой комплект подсистем, каждая из которых заключала в себе законченный цикл обработки информации в интересах решения какой-то конкретной задачи части. Значительно повысилась степень автоматизации вычислительного процесса.

Управление ЦККП осуществлялось с автоматизированного командного пункта.

1972-й – начало 1973-го ознаменовались событием, которое стало знаковым в истории ЦККП: личный состав впервые самостоятельно осуществил информационно-баллистическое обеспечение испытания противоспутникового оружия.

Особое место в работе ЦККП занимало информационное обеспечение работ по калибровке отечественных радиолокационных средств. Для решения этой задачи запускались специальные космические аппараты серии «Тайфун-1», а затем – «Тайфун-2». В ЦККП сотрудниками СНИИ-45 была разработана специальная система боевых программ по оценке эталонных параметров КА и калибровке радиолокационных средств.

Важное значение для процесса обнаружения и сопровождения космических аппаратов (КА) имели данные о маневрах КА и времени, когда он был осуществлен. Необходимо было оценивать влияние маневра на изменение параметров орбитального полета КА.

В 1975 г. вышел приказ Министра обороны о принятии ЦККП на вооружение, и с 15.02.1975 г. центр заступил на боевое дежурство в составе четырех боевых расчетов.

Часть осуществляла выдачу информации о космической обстановке по запросам Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Главного штаба ВПВО, Главных штабов видов ВС при проведении учений, испытаний новых образцов военной техники, а также при возникновении военных конфликтов. Можно вспомнить известные всему миру события:

– военный конфликт между Англией и Аргентиной в районе Фолклендских островов (1986 г.);

– боевые действия в Республике Афганистан;

– нарушение государственной границы СССР легкомоторным самолетом, управляемым гражданином ФРГ М. Рустом (май 1987 г.).

Большой вклад в укрепление авторитета центра внес полковник И.Ю. Юхневич, который командовал им на протяжении 13 лет (1973–1986). Его организаторские способности, целеустремленность в работе, громадная работоспособность, умение общаться с людьми явились теми рычагами, которые позволили части достичь успехов в боевой работе, боевой и политической подготовке. Он сумел сплотить коллектив части для решения поставленных боевых задач. При нем ЦККП на протяжении 12 лет носил звание отличной части, был занесен в Книгу почета Военного совета Войск ПВО страны, награждался переходящим Красным знаменем Военного совета (1982, 1985). Дважды часть награждалась переходящим призом ЦК ВЛКСМ «За умелое

И.Ю. Юхневич

освоение оружия и боевой техники». За успехи в боевой и политической подготовке и умелое выполнение поставленных боевых задач более 150 офицеров части в мирное время были награждены орденами и медалями СССР и РФ (в числе награжденных медалями находилась большая группа прапорщиков). Признанием наших достижений явилось награждение части в 1978 г. вымпелом министра обороны СССР.

И.Ю. Юхневич сумел сплотить вокруг себя большую группу офицеров-единомышленников, которые, возглавив основные подразделения, проводили работы по наращиванию боевых возможностей, повышению качества боевой и политической подготовки, укреплению воинской дисциплины. За время командования частью полковник Юхневич был награжден тремя орденами («За службу Родине в Вооруженных Силах» III и II степени и Трудового Красного Знамени). Здесь уместно заметить, что первый свой орден Ипполит Юльянович получил из рук Маршала Советского Союза А.А. Гречко.

Особую роль сыграл ЦККП при обеспечении работ по восстановлению работоспособности орбитальной станции «Салют-7». Только принимая во внимание твердую позицию ЦККП в том, что скорость вращения орбитальной стации позволяет провести работы по восстановлению ее работоспособности, на заседании ВПК было принято решение о посылке экипажа спасения на космическом корабле «Союз-13» в составе В.А. Джанибекова и В.П. Савиных. Используя

информацию радиолокационных средств и точного измерительного комплекса «Аргунь», ЦККП сумел вывести «Союз-13» на расстояние прямой видимости, что и обеспечило успешное выполнение экипажем задачи стыковки с аварийной орбитальной станцией.

В 1982 г. было принято решение ВПК при Совете Министров СССР, в котором шла речь о создании Наземной сети астрономических средств и в течение года была осуществлена опытная эксплуатация сети, которая показала: существующие средства способны успешно решать задачи обнаружения и сопровождения геостационарных ИСЗ, а также ИСЗ, находящихся на высокоэллиптических орбитах. Руководство этой работы осуществляли от 45-го СНИИ МО – полковник В.Д. Анисимов, от Центрального научного производственного объединения (ЦНПО) «Вымпел» – И.Н. Кузнецов, от ЦККП – полковник Л.К. Оляндэр.

Ввиду отсутствия на тот период военных средств наблюдения за высокоорбитальными космическими объектами вся тяжесть выполнения поставленной задачи легла на плечи образованной Наземной сети астрономических средств (НСАС).

Эффективность сети проверена при работе в течение двух месяцев по слежению за отечественными «аварийными» космическими аппаратами, находящимися на высокоэллиптической орбите в июле-августе 1983 г., – «Космос-1481» (09.07) и «Космос-1456» (13.08).

Решением Военно-промышленной комиссии при Совете Министров СССР №318 НСАС была преобразована в Наземную сеть оптических средств, которая насчитывала в своем составе 18 станций (21 оптическое средство).

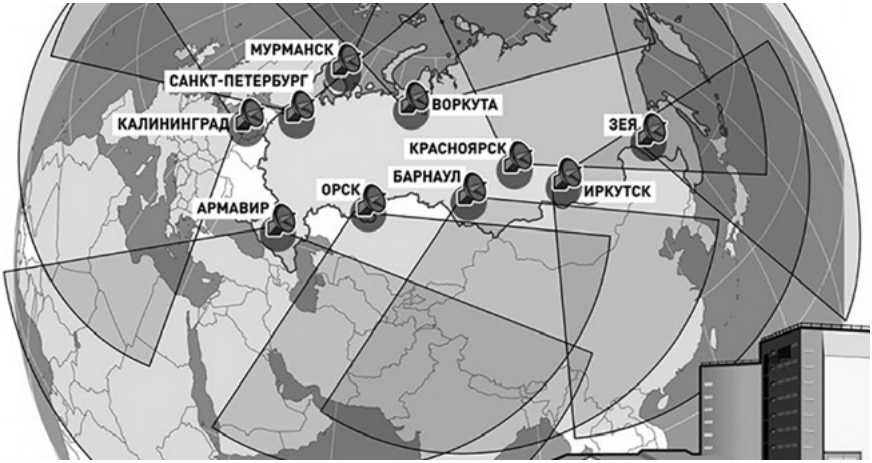
К началу 1990-х гг. стало совершенно ясно, что система контроля требует своего организационного оформления. У ЦККП, составлявшего на то время костяк СККП, не было ни

Радиооптический комплекс распознавания (РОКР «КРОНА»)

сил, ни возможностей управлять такой разноплановой системой. Возникла необходимость формирования специального соединения.

СККП является составной частью РКО и основной системой их информационного обеспечения. Об этом свидетельствует и высказывание генерал-майора В. Старухина: «Для ведения информационно-разведывательных действий в космическом пространстве – средства системы контроля космического пространства. Перейдя в практическую плоскость деятельности, мы оказываемся перед проблемой соответствия находящихся на вооружении комплексов и систем современному уровню противников, им противостоящих. Иными словами, вопрос в модернизации имеющихся средств вооруженной борьбы и создании образцов с улучшенными тактико-техническими характеристиками» ■

В настоящее время ЦККП совместно с другими частями соединения продолжает осуществлять контроль космического пространства, выполнять поставленную перед ним боевую задачу и остается одной из передовых частей Войск воздушно-космической обороны Российской Федерации.



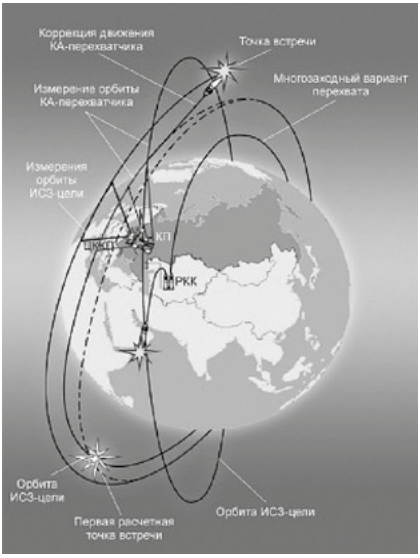
СИСТЕМА ПРОТИВОКОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

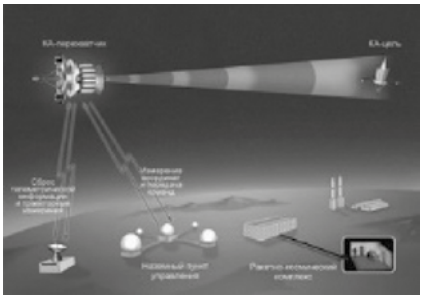
Над проблемой уничтожения космических аппаратов военного назначения вероятного противника Генеральный конструктор А.И. Савин с коллективом ЦНИИ «Комета» работали с 1962 года. К концу 60-х годов совместно с Генеральным конструктором ракетной и космической техники В.Н. Челомеем был создан уникальный автоматизированный комплекс ПКО. Он состоял из наземного командно-вычислительного и измерительного пункта, расположенного в Подмосковье, специальной стартовой площадки на полигоне Байконур, ракеты-носителя и космического аппарата-перехватчика.

А.И. Савин, его заместитель К.А. Власко-Власов сконструировали оригинальную по научно-техническому замыслу, компактную радиолокационную станцию определения координат (космического аппарата-цели и перехватчика) и передачи команд (коррекции) на борт перехватчика (СОК и ПК), также выносные приемные посты. На вычислительном комплексе была введена и отлажена боевая программа.

В свою очередь, В.Н. Челомей определил ракету-носитель, из принятых уже на вооружение, сконструировал космический аппарат-перехватчик с головкой самонаведения и осколочной боевой частью, а также специальный космический аппарат-мишень с размещенными на нем радиодатчиками, прекращение работы которых в момент поражения позволяли объективно определить и факт поражения, и степень вывода мишени (цели) из работоспособного состояния.

Воинские коллективы ПКО в Подмосковье и на Байконуре освоили технику, боевую эксплуатацию комплекса и с участием разработчиков были способны выполнить задачу по поражению аппарата-мишени.





1 ноября 1968 года в Советском Союзе впервые в мире было осуществлено поражение космического аппарата на орбите с использованием КА-перехватчика, входящего в состав орбитальной системы перехвата наземного базирования, которую в последствии стали называть комплексом противокосмической обороны (ПКО).

В августе 1970 года по целеуказанию ЦККП комплекс ПКО в мире поразил запущенный аппарат-мишень. На специальном приемном устройстве в Подмосковье было зафиксировано, что в момент поражения большинство радиодатчиков аппарата-мишени прекратили работу, а степень поражения – полное выведение мишени из строя.

После доработок и опытной эксплуатации с 1 июля 1979 года комплекс ПКО был поставлен на боевое дежурство. Интенсивно продолжались работы по расширению его боевых возможностей и повышению эффективности.

Задача ставилась так, чтобы в определенных условиях военно-политической обстановки по решению Верховного Главнокомандования войска ПКО и СККП были способны в короткое время разрушить основные космические системы военного назначения вероятного противника и тем самым существенно понизить эффективность применения стратегических наступательных сил и средств поражения на поле боя. И решалась эта задача весьма успешно.

Вспоминаю, как на совещании у первого заместителя начальника Генерального штаба С.Ф. Ахромеева, проведенного в начале августа 1983 года, было в частности заявлено, что в одном из ближайших выступлений Ю.В. Андропов объявит о прекращении нами испытаний комплекса ПКО в одностороннем порядке. Я категорически возразил против этого и сказал, что нам необходимо еще хотя бы три-четыре месяца для экспериментального подтверждения реализуемых принципов модернизации комплекса. Ответ С.Ф. Ахромеева был резким: «О чем вы думали раньше?»... И 18 августа 1983 года после соответствующего заявления Ю.В. Андропова комплекс ПКО замолчал.

Командиру комплекса С.С. Мартынову пришлось перевести в другие части и представить к увольнению в запас многих офицеров и прапорщиков, превосходных профессионалов. Все это происходило именно тогда, когда было завершено техническое и организационное объединение ПРО, СПРН, СККП и ПКО, сложилась единая система ракетно-космической обороны (РКО), функционирующая автоматически по единому программно-алгоритмическому обеспечению. Потребовалось почти 20 лет, чтобы выполнить указание

Д.Ф. Устинова о необходимости преодолеть разобщенность в создании этой уникальной стратегической оборонительной системы вооружения, служившей гарантом против развязывания ракетно-ядерной войны.

Что касается комплекса ПКО, то теперь он оказался, как говорится, не у дел. Ненужным было сопряжение его с ЦККП и создание там единого командного пункта. Наверное, только ветераны ЦККП будут помнить, сколько было затрачено ума и труда для того, чтобы составить, вести и ежечасно уточнять специальный Каталог с элементами орбит космических аппаратов военного назначения иностранных государств. По ним поддерживалась постоянная готовность к немедленной выдаче целеуказаний комплексу ПКО для поражения.

Вспоминает генерал-майор В.А. Байкин:

Байкин Владимир Андреевич

Р. 04.09.1957.
Начальник комплекса «ИС-М» (1996–1997 гг.). С 2000–2010 командир дивизии ПРН, заместитель командующего армии РКО, кандидат технических наук, доцент.

...В семидесятых годах прошлого столетия на боевое дежурство в СССР был поставлен уникальный комплекс противокосмической обороны «ИС» (истребитель спутников).

Это был единственный комплекс такого рода в мире.

На протяжении нескольких десятилетий он во взаимодействии с системами ПРО, ПРН и ККП обеспечивал мир для нашею государства.

Я напрямую столкнулся с комплексом «ИС-М» (уже модернизированным) в 1996 году.

В течение предыдущих шести лет я проходил службу в отдельном оптико-электронном комплексе контроля космического пространства, дислоцированном в горах на территории Республики Таджикистан.

Осенью 1995 года после излечения в госпитале и восстановления здоровья, вследствие тяжелого ранения, я вернулся в свою родную часть, которой я командовал (ОЭК «Окно»).

В конце 1996 года я передал дела и должность командира Нурекской части полковнику К.Г. Худякову и прибыл к новому месту службы в Ногинск–9 (Дуброво) на должность начальника КП Комплекса ПКО «ИС-М».

Дела и должность принимал у полковника Г.И. Киричанского. Надо отдать должное командирам подразделений части, ветеранам и всему личному составу за достойный вклад в дело обороноспособности нашей Родины за прошедший к тому времени период.

На боевом счету части было более двадцати успешно выполненных учебно-боевых задач по предназначению. Часть неоднократно поощрялась за достигнутые успехи Министром обороны СССР, Главнокомандующим Войсками ПВО страны. Офицеры и прапорщики части, гражданский персонал, в основном, были высококлассными специалистами своего дела и в профессиональном отношении подготовлены очень хорошо.

Главное, на что мне пришлось обратить внимание, это изучение материальной части вооружения, так как ни в военном училище, ни в военной академии я не изучал Комплекс ПКО «ИС-М».

Подготовку в Житомирском военном училище и в Тверской военной командной академии ПВО я проходил как офицер ПРН. После выпуска из академии я волей случая

был распределен в Отдельный корпус ККП и ПКО «ИС-М» и 8 лет службы прошли в этом славном объединении.

Помощь в освоении техники мне оказывали: полковники А.В Уманский и А.В. Никольский; подполковники В.Г. Урманов, А.В. Ещенко, О.В. Грищук и многие офицеры части.

Не упускал я возможность учиться и у офицеров боевых расчетов в ходе заслушивания при личных проверках несения дежурства.

Основную свою задачу про предназначению часть в то время уже не выполняла, так как действовал мораторий, принятый СССР в одностороннем порядке, на запрещение использования противоспутникового оружия.

Всего лишь один год выделила мне служба на командование КП Комплексом ПКО «ИС-М». Но этот год стал для меня еще одной ступенькой для совершенствования моих командных навыков и получения новых знаний, которые не раз мне пригодились в дальнейшем ■

Замечу, что в США в соответствии с провозглашенной в 1983 году Р. Рейганом доктриной осуществлялось ускоренное создание противоспутникового комплекса «Асат» на базе самолета Ф-15 с ракетами воздух-космос «Срэм-Альтаир», которые могли быть применены для поражения космических объектов на высотах до 1000 км. В комплексе применяются самонаводящиеся ракеты с неядерной боеголовкой. Испытания комплекса «Асат» американцы успешно завершили в 1987 году и, видимо, расставаться с ним не собираются. В качестве ударных средств в космосе рассматривалось использование пилотируемых космических кораблей «Шаттл» с установкой на них различного оружия, включая лазерное.

Хорошо, если бы нам не пришлось сожалеть о потерянном времени и расплачиваться за принятые в 1983 году решения.

АРБИТР В ПОСЛЕДНЕЙ ИНСТАНЦИИ

Создание войск ПРО и ПКО диктовалось научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и гонкой вооружений в космосе, в которую был втянут Советский Союз, – с другой.

Наличие этих войск в составе Вооруженных Сил СССР, а ныне России, сдерживало военные амбиции США в 60-е, 70-е и 80-е годы, да и сейчас служит гарантом от нанесения неожиданного, безнаказанного, безответного ракетно-ядерного удара по нашей стране.

Не опасаясь навлечь на себя гнев своих многочисленных оппонентов в родном Отечестве, утверждаю, что успешное становление и развитие войск было бы невозможно без жесточайшего порядка, организации и даже тоталитаризма в соответствующих не коридорах, а кабинетах власти в ЦК КПСС, Совмине СССР и Министерстве, обороны. И если не убеждает в этом своя отечественная история, то рекомендую взять пример с ... США.

Если бы подобная обстановка сложилась 30 лет назад, нам не удалось бы сделать и толики того, что было создано в условиях «холодной войны» в деле укрепления обороноспособности. А сделано было немало, и не хуже, а по определяющим позициям и лучше, чем в Америке. Приведу конкретный пример.

Буквально с первых же дней после вступления в должность Командующего войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны я столкнулся с тем, что все объекты ПРО и СПРН, на которых к тому времени велись работы, создавались во исполнение постановлений ЦК КПСС и Совета Министров. Поначалу полагал, что эти директивные документы готовятся в аппарате ЦК и Совмине. В дальнейшем, когда мне непосредственно

приходилось вместе с другими специалистами участвовать в разработке проектов таких документов, понял, какой многогранный и творческий это труд, и какова роль в нем ЦК КПСС.

Начиналась же работа над проектами постановлений по войскам ПРО и ПКО в НИИ Войск ПВО страны. Было создано специальное управление стратегической оценки и прогнозирования развития средств нападения.

По результатам анализа, математического моделирования и натурных экспериментов разрабатывались тактико-технические задания на новые средства вооружения. При этом учитывались сроки на разработку порядка пяти-шести лет и дальнейшей эксплуатации в течение не менее десяти лет.

Главными критериями были: высокая эффективность и надежность при минимально допустимом сроке создания и стоимости. Замечу, в оборонной промышленности до начала 80-х годов наш теперешний «деревянный рубль» соответствовал 1,1 доллара США. Тактико-технические требования рассматривались на уровне Главного заказывающего управления, моего управления и после одобрения главнокомандующего передавались в Военно-промышленную комиссию.

Однако приходилось выдерживать длительную, изнурительную борьбу с могущественными генеральными конструкторами, ибо перед ними ставились новые сложные научно-технические вопросы.

Нужно было преодолевать и упорное сопротивление министерств-монополистов. Ведь Минрадиопрому, Минавиапрому и Минэлектронпрому, да и другим, предстояло перестраивать производство, осваивать новую элементную базу, возводить новые заводы. Противоречия между заказчивом и организациями промышленности, настаивающими на значительном снижении заданых требований, нередко приводили к конфликтам. При решении спорных вопросов в качестве

последней инстанции выступал отдел оборонной промышленности ЦК КПСС, в котором работали такие крупные ученые и инженеры, как Н.Н. Детинов, В.Ф. Федоров, Г.С. Савастеев. Согласованные проекты представлялись на подпись Председателю Совмина и направлялись в ЦК.

А здесь, и я это подтверждаю со всей ответственностью, на первом плане всегда были интересы государственные, отнюдь не министерств и ведомств. Хорошо зная это, научно-производственные, трудовые и воинские коллективы решали сложные задачи с высоким качеством в минимальные сроки, укладываясь в весьма ограниченные бюджетные средства. Повышение обороноспособности страны было для людей, непосредственно в этом участвующих, поистине святым делом.

Министр обороны СССР Д.Ф. Устинов вручает Золотую Звезду и орден Ленина генерал-полковнику Ю.В. Вотинцеву. Февраль 1984 г.

ЭЛИТА ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Комплексы и системы вооружения войск ПРО и ПКО создавались талантливыми, учеными-конструкторами, военнными и гражданскими. Каждый из них был личностью по-своему индивидуальной. Например, интеллигентнейшие люди, ученые с мировыми именами Ю.Б. Харитон, А.Л. Минц со своми достойными учениками Ю.В. Поляком, В.М. Иванцовым и В.К. Слока. Взрывной, резкий в полемике Г.В. Кисунько и скромный, честнейший, трудолюбивый И.Д. Омельченко. Талантливый, жесткий, принципиальный А.Г. Басистов и умный, обаятельный М.Г. Миносян. Лояльный к своим соисполнителям В.Г. Репин. Уравновешенный, выдержанный, самокритичный А.И. Савин. Темпераментный, взыскательный В.М. Ковтуненко. Справедливый в оценке достигнутого П.Д. Грушин. Упорные и умелые Ф.А. Кузьминский, А.Н. Мусатов, В.П. Сосульников, Ф.Ф. Евстратов. Однако было то общее, что объединяло их всех – высокая ответсвенность за защиту многонационального народа великой страны надежными средствами СПРН, ПРО, ПКО, и СККП.

Различие же в подходах к решению фундаментальных научно-технических проблем, бескомпромиссная борьба, конкурирующие проекты дали в конечном счете возможность определить наиболее рациональные направления в оснащении войск вооружением.

Понимаю, что вряд ли имею право оценивать элиту нашего военно-промышленного комплекса, но многие годы совместной работы дают мне возможность сказать о каждом из них так, как подсказывает память.

Большинство ученых и конструкторов прошли армейскую службу. Г.В. Кисунько начал ее рядовым ленинградского ополчения, Р.А. Валиев – ополченцем в битве под Москвой. Непосредственно ответственный за вооружение войск ПРО и ПКО, заместитель министра радиопромышленности СССР – генеральный директор ОКБ «Вымпел» В.И. Марков был разведчиком партизанского отряда в Белоруссии, а сменивший его на этом посту О.А. Лосев – командиром разведывательной батареи пушечного артиллерийского полка на 2-м Белорусском фронте. Многие окончили военные училища и академии. И все они считали, что именно армия определила их дальнейшую судьбу.

С ПЕРВОГО КОЛЫШКА

Создание войск РКО начиналось с выбора площадок под строительство комплексов вооружения. Генеральными, главными конструкторами определялись районы страны, при размещении в которых наиболее полно реализовывались бы тактико-технические характеристики комплексов, наносился минимальный ущерб экологии, обеспечивалась надежная биологическая защита населения. Инженерное управление Войск ПВО страны – начальник К.В. Урывин – определяло допустимый объем капитальных вложений, при выборе площадок учитывало безусловное согласие местных органов власти, способствовало нормальным условиям работы.

В 70-е годы на строительстве одновременно нескольких площадок войск РКО работало до 100 тыс. военных строителей. В период завершения строительно-монтажных работ и широкого фронта монтажа и настройки технологической аппаратуры на одной площадке число строителей составляло 30 тыс., специалистов Минмонтажспецстрой – две-три тысячи, а промышленности – три-четыре тысячи человек. Военных строителей нужно было обеспечить жильем, столовыми, помещениями под мастерские и склады. И эта неимоверно сложная задача решалась.

Конечно, возникало много проблем. Генеральные и главные конструкторы в ходе создания комплексов вооружения вносили существенные изменения в планировку технологических помещений, раскладку кабелей, ужесточали требования к качеству воды для охлаждения аппаратуры и температурно-влажностному режиму. Изменения в первоначальный проект вносили и представители ММСС. Заказывающее инженерное управление Войск ПВО страны поставляло аналогичные

Генерал-полковник
А.Г. Караогланов (второй слева)

по характеристикам, но отличные от проекта агрегаты спецтехнического оборудования. Случалось, что ко времени поставки агрегаты, предусмотренные проектом, были сняты промышленностью с производства и заменялись другими. В результате требовалась переделка, дополнительные затраты и время.

Строительство на площадках в Подмосковье велось Главным военно-строительным управлением Центра (начальник А.Г. Караогланов). Его девизом было: «Строить хорошо». Именно на выполнение этого требования нацеливались подчиненные офицеры, личный состав военно-строительных отрядов (ВСО). И до сих пор воинские части выражают признательность строителям главка за высокое качество, эстетичность объектов. Например, радиолокационного узла дальнего обнаружения с РЛС «Дунай-ЗУ», уже упоминавшегося мною.

Генерал-полковник
Н.В. Чеков

В приграничных районах, где природные условия были более сложными, работы велись Главным управлением специального строительства, начальником которого был К.М. Вертелов, а с 1979

Генерал-полковник К.М. Вертелов

года – Н.В. Чеков. Они постоянно лично принимали участие в строительстве объектов СПРН, СККП войск РКО. Таким образом, в том, что системы вооружения были созданы и надежно выполняют боевую задачу государственной важности, велика заслуга военных строителей.

Первый заместитель начальника строительства и расквартирования войск Министерства обороны СССР К.М. Вертелов – компетентный, волевой и требовательный человек, блестящий организатор – увлекал военных строителей на самоотверженный труд, умело маневрировал силами и средствами военно-строительных подразделений, создавая надежную организацию труда и добиваясь повышения его качества. Для решения проблем, связанных с переделками, по требованию конструкторов, К.М. Вертелов на каждой строительной площадке имел группу проектировщиков из ЦПИ-20 Министерства обороны, без права выезда. На месте оперативно с надлежащим оформлением они решали все возникающие вопросы.

Кроме того, К.М. Вертелов был инициатором разработки детальных «совмещенных графиков». В них определялось, какую технологическую аппаратуру и к какому сроку промышленность должна поставить на строительную площадку, степень готовности помещений и спецтехнического оборудования для монтажа и настройки аппаратуры. Военные строители и специалисты ММСС делали все от них зависящее, чтобы в срок выполнить свою часть работ. Отставание и срывы были в промышленности. Когда это стало

очевидным, прекратилось огульное обвинение военных в срыве промежуточных и конечных сроков создания комплексов вооружения.

Из воспоминаний генерал-полковника Л.В. Шумилова:

Шумилов Леонид Вениаминович

Р. 25.03.1935.

После окончания высшего инженерно-технического училища ВМФ был направлен на Северный флот, где прослужил двадцать лет, в том числе три года на Новой Земле. Затем был назначен заместителем командующего Черноморским флотом. В 1981 году стал начальником Главного управления строительной промышленности. В октябре 1985 года стал первым заместителем начальника строительства и расквартирования МО СССР. Его главными направлениями в этой должности были космический комплекс «Энергия-Буран» и войска ПВО страны. Закончил службу Начальником государственной экспертизы и инспекции.

...В 1963 году в Мурманской области было развернуто строительство объекта «695» с РЛС «Днестр-М» Системы предупреждения о ракетном нападении. Строительство было поручено УНР, где я был главным инженером, а начальником – Александр Григорьевич Захарьин. Через год его перевели в Белорусский военный округ и начальником УНР назначили меня.

Объект располагался в удаленном от населенных пунктов районе, поэтому всю инфраструктуру: дороги, высоковольтные линии электропередач, водозаборные и очистные сооружения и т.п. – нужно было начинать с нуля. С точки зрения

своего предназначения, объект прикрывал одно из главных, северо-восточное ракето-опасное направление, поэтому стройке уделялось особое внимание Министерства обороны и сроки строительства были жесткие.

К строительству были привлечены специализированные организации Министерства монтажных и специальных строительных работ, Минрадиопрома, Минэнерго, Минсвязи и многие другие. Объект часто посещало и руководство стройорганов Минобороны, в частности, генерал-армии Александр Николаевич Комаровский, заместитель МО по строительству и расквартированию войск, бывал ежеквартально, а начальник ГВСУ МО, которому подчинялось СУ СФ, генерал-лейтенант Всеволод Викторович Волков, еще чаще.

Я имел воинское звание инженер-капитан, а многие мои подчиненные были старше по званию, и по возрасту. Это требовало большой корректности в отношениях с сослуживцами, в сочетании с высокой требовательностью к подчинённым.

На объекте часто бывал главный конструктор РЛС академик РАН Александр Львович Минц. Последние два года создания комплекса он жил у нас практически безвыездно.

По его просьбе мы построили типовой 12-ти квартирный дом, сделав из него 4 квартиры. В одной проживал он сам, во второй – его помощники, третья предназначалась для приезжающих в командировку из Москвы, а четвертая была общехозяйственного назначения, где размещалась столовая, совещательные кабинеты и т.п.

Во время одной из наших встреч, представляя своих помощников, Александр Львович сказал: «Если Вы будете получать на возникшие вопросы все ответы от них, и не будет необходимости обращаться ко мне, то по окончании объекта за практическую деятельность они получат степень кандидатов наук».

Первое время они каждое утро встречали меня, спрашивая, какие есть вопросы? Затем все легло в рабочую колею.

Кандидатов они получили, и насколько я помню, выросли в крупных ученых.

Александр Львович был очень интересный человек. Иногда он рассказывал о службе командиром радиовзвода в 1-й Конной Армии у Семена Михайловича Буденного, делился воспоминаниями о совместной работе с академиком Игорем Васильевичем Курчатовым, а также тяжелыми невзгодами в своей жизни.

В целом, работа шла дружно и слажено, хотя трудностей возникало много.

На стройке появлялось много молодых специалистов. Однажды доложил о прибытии молодой лейтенант Алексей Алексеевич Макарычев, которому было поручено в те времена сооружение командного пункта. Сегодня – это генерал-лейтенант, Герой Социалистического Труда. И тогда, с первой в своей жизни серьезной задачей он справился с честью. Наша служба затем проходила в течение ряда десятилетий слажено и дружно. Да и после армии мы поработали совместно, дружим и по сей день.

Большое количество участников строительства объекта выросло в крупных руководителей в последующие годы. В их числе: Валерий Иванович Боловачев, Сергей Семенович Порохин и многие другие.

Работа на объекте шла шесть дней в неделю и в воскресенье до обеда. Рабочий день заканчивался подведением итогов руководством УНР на местах работ.

Приезды руководства Министерства обороны были серьезными проверками хода дел.

На объект часто приезжали руководители войск противовоздушной обороны и Министерства обороны. Объект посещал первый заместитель Министра обороны – генерал армии (тогда) Сергей Леонидович Соколов, главнокомандующий войсками ПВО, заместители главкомов. Частые встречи были

с генерал-полковником Г.Ф. Байдуковым. На конечном этапе строительства объект посетил генерал-полковник Юрий Всеволодович Вотинцев.

Подготовка к его приезду и отношение к ней всего руководства объекта говорило о глубоком уважении к этому человеку, не только как к начальнику, но и как к высокому профессионалу и человеку.

Я, как руководитель стройки, был всегда докладчиком и также очень серьезно готовится к этой встрече.

Никаких серьезных замечаний в адрес строителей не было.

После 1985 года, будучи первым заместителем у Маршала инженерных войск Н.Ф. Шестопалова мне очень много приходилось бывать на всех основных объектах ПВО вместе с Вальтер Макаровичем Красковским, Владимиром Васильевичем Литвиновым и многими другими руководителями.

Вместе с Юрием Всеволодовичем Вотинцовым, к сожалению, выезжать на объекты не получалось, но очень много интересных отзывов от разных руководителей войск ПВО мне приходилось слышать. Все они были исключительно уважительными и удостоверяющими его значительную роль в совершенствовании систем РКО и непрерывной модернизации существующих систем ■

В течение нескольких лет в средствах массовой информации резко и справедливо критикуется состояние воинской дисциплины, воспитательной работы в военно-строительных отрядах. Да, дедовщина, преступность там были и есть. Негативное состояние дел во многих ВСО – результат, прежде всего, комплектования их призывниками, имеющими судимость, с низким образованием, слабым знанием русского языка. Большинство младших офицеров, непосредственно отвечающих за воспитание подчиненных, были из числа призванных из запаса на два года. О тяжелейших условиях

обустройства, жизни и быта уже говорилось. Но ведь именно военными строителями созданы крупнейшие объекты оборонной промышленности и народного хозяйства.

Вместе с военными строителями в таких же условиях работали гражданские специалисты ММСС. Руководил ими заместитель министра Минмонтажспецстроя Б.В. Бакин – человек очень деловой, глубоко знающий все многообразие сложных систем спецтехнического оборудования (спецтоков) для технологической аппаратуры, вентиляции, кондиционирования, пожаротушения и др. Он добивался оперативности в изготовлении и поставке металлоконструкций. И будучи министром, Б.В. Бакин наши объекты не забывал.

Умело и слаженно вели монтаж, настройку технологической аппаратуры специалисты головного производственно-технического предприятия Минрадиопрома, генеральным директором которого был В.Н. Казанцев. Из ведущих сотрудников этого предприятия на каждый объект назначались начальники, утверждаемые министерством. Они совместно с командирами и главными инженерами воинских частей организовывали постоянное, непосредственное участие личного состава в монтаже и настройке технологического оборудования, монтаже и наладке спецтехнических систем.

Специалисты предприятия обучали личный состав, принимали экзамен на допуск к самостоятельной эксплуатации техники. После сдачи объектов в эксплуатацию эти начальники оставались здесь и возглавляли комплексные бригады представителей промышленности, выполняющих гарантийное обслуживание.

УПРАВЛЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОЙСКА РКО

Истины ради нужно сказать о несомненных заслугах генералов, офицеров и служащих управления, самоотверженный, напряженный и творческий труд которых во многом способствовал созданию надежного противоракетного и противокосмического щита СССР. За период 1967–1986 годов состав управления омолаживался за счет лучших офицеров из войск. Но особенно значима роль первого состава офицеров – подготовленных и воспитанных в зенитной ракетной армии особого назначения, преимущественно инженеров, которые привнесли с собой профессионализм, высокую культуру и нравственность, ответственное, порядочное и добросовестное отношение к делу. Все они трудились с полным напряжением духовных и физических сил. Тяжело сознавать, что преждевременно ушли из жизни В.В. Голубев, С.И. Горюшкин, К.И. Зиханов, В.Д. Румянцев, А.А. Игнатов, И.А. Алешин, Ю.М. Гриднев.

Совместно с учеными НИИ, СНИИ и академий коллективом управления была разработана концепция боевого применения войск РКО в оперативно-стратегических операциях Войск ПВО страны. Основополагающим в ней было обоснование комплексного боевого применения войск предупреждения о ракетном нападении, противоракетной, противокосмической обороны и контроля космического пространства при едином централизованном управлении с Центрального командного пункта Войск ПВО страны. Основные силы и средства сосредоточивались на решении задачи своевременного и достоверного предупреждения о ракетном

нападении, и вместе с тем повышалась эффективность противоракетной и противокосмической обороны. Реализация концепции требовала, чтобы генеральные и главные конструкторы разработали единый боевой алгоритм и внедрили соответствующие программы на вычислительных средствах командных пунктов полностью автоматизированных систем вооружения. По мере развития и совершенствования комплексов и систем вооружения боевой алгоритм и программы уточнялись, как и концепция боевого применения войск РКО.

Концепция проверялась на учениях, проводимых под руководством Главнокомандующего Войсками ПВО страны, начальника Генерального штаба и Министра обороны СССР, а также в кризисных и аварийных ситуациях.

Управление планировало проведение в совокупности мероприятий по оперативно-тактической, боевой подготовке, материально-техническому обеспечению, укреплению воинской дисциплины и нравственной обстановки в воинских коллективах, особенно в среде младших офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат с тем, чтобы войска были способны выполнить боевую задачу государственной важности в любое время и в любых условиях.

Именно этому была подчинена систематическая работа комплексных групп управления в соединениях и частях. Кроме плановых проверок за период обучения и учебный год, проводились внезапные выезды в войска, которые приурочивались ко времени запуска отечественных и американских баллистических ракет и космических аппаратов. Это позволяло проверить степень боевой готовности по реальным целям.

Офицеры управления работали спокойно, деловито. Выявляя недостатки, они находили правильные решения по их устранению непосредственно в ходе работы. Учили личным примером.

Вспоминает ветеран ракетно-космической обороны полковник Г.И. Свиридов, прослуживший в управлении командующего ПРО и ПКО генерал-полковника Юрия Всеволодовича Вотинцева более 5 лет:

Свиридов Геннадий Иванович

Р. 28.03.1937.

...Но не только приходилось участвовать в испытаниях. Неоднократно приходилось заниматься «мемуарной» деятельностью. На объект очень часто приезжали высокие гости. Как-то до нас дошла информация, что объект посетит новый молодой секретарь ЦК КПСС, на которого были возложены обязанности контролировать ход ввода объектов ПРН, ПРО, ПКО и ККП.

Узнав про это, командующий прибыл на чеховский объект. На КП его ждали командир узла, его заместители и я. Он начал ставить всем задачи, что надо сделать до приезда представителя ЦК КПСС. Неожиданно, получил задачу и я. «Геннадий Иванович, сказал он. Вам необходимо написать мне доклад минут на сорок пять об истории создания наших объектов ПРН, ПРО, ПКО и ККП». Дав соответствующие направления, что отразить в докладе, он, убывая в гостиницу, сказал: «Доклад должен быть представлен мне завтра к девяти утра». Всю ночь пришлось трудиться над этим «шедевром». К четырем утра проект доклада на двадцати пяти листах был подготовлен. Николай Иванович Родионов вызвал машинисток и те до восьми утра сумели напечатать написанный материал.

К девяти утра, прибыв на объект, командующий спросил: «Где мой доклад?» Я протянул ему три экземпляра его доклада. Он сел за стол. Прочитал его. Сделал несколько правок, которые были оперативно внесены в первый вариант. Получив исправленный вариант доклада, он еще некоторое время знакомился с ним. А потом, отдав нам все экземпляры, объявил, встав за трибуну: «Я сейчас выступлю с тезисами о развитии наших войск. А Вы, Геннадий Иванович, следите за текстом и останавливайте меня, когда я отхожу от него». В первый раз его сорокапятиминутного выступления я раза два или три его останавливал. В очередной раз написанный текст был воспроизведен им без отступлений от напечатанного. Я и слушавшие его руководящий состав части, были поражены его компьютерной памятью ■

Наряду с тактико-техническими, проводились и масштабные учения по наземной обороне. Опыт этих учений оказался и теперь не лишним, так как многие узлы СПРН и СККП находятся в странах СНГ, а некоторые — в районах военных конфликтов.

В таком же ключе работали в войсках управления армии, корпусов и дивизий.

Основополагающий армейский принцип «Делай, как я» имеет глубокий смысл. Именно так в далеком 1938 году меня, 19-летнего лейтенанта, учил командир 7-й батареи Тбилисского горно-артиллерийского училища капитан В.Т. Багдасарян. Человек незаурядный. Настоящий профессионал. Его высокая, порой жесткая требовательность уживались с внимательным и заботливым отношением к подчиненным. Он был поистине мастером обучения и воспитания командиров взводов, нашего многонационального коллектива курсантов.

Три года службы под его командованием оставили неизгладимый след во всей моей дальнейшей деятельности. Принимая те или иные решения, я всегда ориентировался

на принципы, заложенные незабываемым комбатом. Как важно, чтобы у каждого молодого офицера в начале службы был свой Багдасарян, непосредственный командир, заслуживающий любви и уважения. 50 календарных лет службы Отечеству дают мне право утверждать, что высокая боевая готовность невозможна без адекватной профессиональной подготовки командиров, офицеров, инженеров всех степеней. Они являются определяющими в процессе обучения всего личного состава подразделений и частей. Новая боевая техника, непрерывная ее модернизация и совершенствование настоятельно требуют постоянного повышения своего профессионального уровня. Поэтому я, да и большинство руководящего состава соединений и частей, не считали для себя зазорным учиться у специалистов промышленности, инженеров в частях при каждом удобном случае, и даже за счет отпуска.

И дело не только в том, чтобы не отстать от развития техники, но и в способности аккумулировать разумные и обоснованные предложения из войск, добиваться их внедрения промышленностью. Буквально тысячи таких предложений существенно повысили эффективность и надежность техники, улучшили условия ее эксплуатации.

Боевая готовность невозможна без высокой нравственности обеспечивающих ее людей. На командире постоянно сфокусированы, если можно так сказать, десятки, сотни, тысячи глаз, от которых не скроешь ни фальшь в поведении, ни противоречивость в поступках. В полной мере реализовать принцип «Делай, как я» может только высокосовестливый, глубоко порядочный командир. Только тогда он может считаться профессионалом.

Буду откровенен – стать и всегда таким оставаться – ноша, которая по силам не каждому. Удручающая обстановка монополизма, неприступной бюрократии, мздоимства, узаконенного должностного хамства, лакировки действительности

на всех уровнях – вот та благодатная почва, на которой произрастают уродливые явления нашего бытия. И армия – не исключение.

Поначалу я прослыл в войсках, как теперь говорят, в их верхних эшелонах власти чуть ли не «белой вороной»: оплачивал обед в солдатской столовой, позакрывал во всех частях так называемые «греческие залы» для приема различных проверяющих и начальников, не допускал «тыканья» в общении с солдатами и офицерами, не употреблял бранных слов, не имел (да и не имею до сих пор) ни дачи, ни собственной машины. Если бы это было мелочью, то так бы мне и остаться «белой вороной», но со временем это стало вызывать раздражение у одних и радостное удивление, и надежду – у других. Подчиненные поняли, что не просто можно, но и должно жить и служить так, как их командующий. С большим удовлетворением констатирую, что весь руководящий состав армии, корпусов, дивизий и частей имел высокий нравственный уровень.

Части в войсках РКО создавались заново. Многие взамен расформированных, имевших славные боевые традиции. И хотя все стало новым: ответственнее задачи и сложнее техника и вооружение, но традиции и Боевое Знамя должны оставаться неприкосновенными, аккумулирующими волю и честь защитника Родины. Именно поэтому я неоднократно обращался в Генеральный штаб с просьбой о преемственности наименований расформированных частей и соединений. Но ни понимания, ни даже отклика так и не дождался...

Нелишне вспомнить, что в 60-е годы организационно-штатная структура войск РКО определялась методом проб и ошибок. Навязываемая нам Главным организационно-мобилизационным управлением Генерального штаба типовая структура роты, батальона, полка противоречила

опыту эксплуатации принципиально новых, полностью автоматизированных комплексов вооружения.

Со временем стало очевидно, что основным подразделением должен быть отдел. Это 20–40 офицеров и несколько прапорщиков и младших специалистов. Начальник отдела под личную ответственность принимал аппаратуру и оборудование, определял и готовил четыре смены боевого расчета из числа офицеров, три смены младших специалистов, группу регламентных работ. Он непосредственно отвечал за постоянную готовность и исправность всех трех комплектов аппаратуры и оборудования, имея один – в режиме «боевая работа», второй – «готов к боевой работе» и третий – в холодном резерве или на регламентных работах, в ремонте. Отделы объединялись в составе станции, центра, частей.

В состав частей входили отделы боевых алгоритмов и программ, ремонтно-поверительные базы, узлы связи и передачи информации, роты охраны и подразделения обеспечения.

Генеральный штаб возражения снял, учитывая важность выполняемой боевой задачи, статус частей поднял до бригад. Части получили наименования радиотехнических узлов, противоракетных, командно-вычислительных центров и вошли в состав дивизий, корпусов и армии. Примерно 60 проц. их численности составляли офицеры и прапорщики. Именно так закладывалась основа профессиональной армии.

Тогда же, в конце 60-х годов, со всей остротой встала проблема подготовки кадров по специальностям войск РКО. По предложению П.Ф. Батицкого, поддержанному Генеральным штабом, в Военной командной академии противовоздушной обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова был создан специальный факультет – начальник П.Ф. Тушев, начальники кафедр В.С. Просветов и И.С. Федосеенко. В Военной инженерной радиотехнической

Ю.В. Вотинцев вручает дипломы выпускникам ВИРТА

академии ПВО три из шести факультетов и часть кафедр были переведены на новый профиль подготовки слушателей.

Начальники факультетов – П.К. Грицак, Э.Я. Лусс, Г.В. Якубовский. Начальники кафедр – ученые с мировыми именами Я.Д. Ширман, Я.С. Шифрин, А.В. Колосов, А.А. Метешкин. Начальники академий – маршал авиации Г.В. Зимин и маршал артиллерии Ю.П. Бажанов с присущей им ответственностью отнеслись к становлению факультетов.

Решительная поддержка Г.Ф. Байдукова позволила создать в академиях превосходную учебно-материальную базу по вооружению войск РКО. Из зенитных ракетных войск были переведены на новый профиль два училища, статус их был повышен. Это – Пушкинское высшее командно-инженерное училище радио-электроники – начальник В.И. Громадин и такое же Житомирское – начальник Е.Е. Полуэктов. Выпускники академий и училищ по профилю РКО имели высокий авторитет. Они назначались не только в войска, но и в части, подчиненные Генеральному штабу и Главному управлению космических средств. Развал сверхдержавы

привел к тому, что Харьковской инженерной академии, Житомирского высшего училища просто нет. Потеря для войск РКО, конечно, велика. Но часть преподавателей и курсантов из Житомира переведены в Кубинку, где на базе 12-го Учебного центра, готовившего младших специалистов, развернут филиал Пушкинского высшего училища.

Вспоминает генерал-майор С.А. Андреев:

Андреев Сергей Алексеевич

Р. 20.09.1935.

Окончил военную командную академию Войск противовоздушной обороны (1968), Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1990). В Вооруженных силах РФ с 1954 по 1986, в войсках РКО с 1968 по 1986, в ОРТУ ДО, начальник штаба центра, начальник центра, командир. С 1977 по 1980 – командир 2-ой дивизии разведки космического пространства в г. Балхаш. С 1980 по 1986 – в 12-м учебном центре ПВО: зам. начальника, начальник.

Награжден орденами: Красная Звезда, За службу Родине в Вооруженных Силах III ст. и медалями.

В Войсках противоздушной обороны страны я начал служить с 1954 года, в поселке Малино, Московской области, в/ч 51831, в дивизионе зенитно-ракетного комплекса С-25. На 60-ти пусковых установках, в боевой готовности к пуску, на боевом дежурстве, находились ракеты В-300.

Первые стрельбы по самолетам-мишеням ТУ-4, на полигоне Капустин ЯР начались весной 1952 года. Стрельбы прошли успешно, все самолеты-мишени были сбиты.

Уже тогда о Юрии Всеволодовиче Вотинцеве мы, военнослужащие, были наслышаны много уважительно-поучительного.

Более глубоко и предметно я познал генерал-полковника Ю.В. Вотинцева будучи командиром 2-ой дивизии РКО (Казахстан, г. Балхаш-9) и начальником 12-го Учебного Центра В ПВО страны (п. Кубинка-2), то есть, когда он был для меня прямым и непосредственным начальником.

Для него главным военным делом всегда было:

совершенствование боевой готовности частей дивизии, боевой подготовки личного состава, создание крепких, сплоченных воинских коллективов частей, подразделений, военно-патриотическое воспитание молодых военнослужащих;

подготовка боевых расчетов для несения боевого дежурства, группы регламентных работ, организация и качество учебного процесса офицеров из частей РКО на семи циклах, в школе прапорщиков, в военной школе младших специалистов Учебного Центра;

на кафедрах Московского военного института радиоэлектроники Космических войск, других филиалов военных ВУЗов, расположенных в Кубинке-2 были основой плановых и внезапных проверочных выездов групп офицеров, возглавляемых генерал-полковником Ю.В. Вотинцевым.

Мне посчастливилось: готовиться и встречать, и докладывать выполнение боевой задачи Радиотехническим Узлом дальнего обнаружения баллистических ракет противника (пункт дислокации Усолье-Сибирское) политическому, государственному и дипломатическому деятелю, руководителю всем военно-промышленным комплексом Советского Союза, Заместителю председателя Совмина СССР Якову Петровичу Рябову.

Докладывать выполнение боевой задачи на юго-восточном направлении по обнаружению, сопровождению и выдаче информации по баллистическим ракетам с полигонов запуска Министру Обороны СССР, Маршалу Советского

Союза Дмитрию Федоровичу Устинову (место доклада – Обком КПСС Иркутской области).

Для моей личной подготовки к этим докладам и состоянию жилищно-бытовых условий населения и личного состава и по другим вопросам командующий РКО генерал-полковник Ю.В. Вотинцев вложил огромный труд и обоснованные знания в предложения названным руководителям для улучшения боевых возможностей техники, стоящей на вооружении частей.

Митинг жителей военного городка Кубинка-2 постановил улицу назвать вместо «Прожекторная» «Улица имени генерала Ю.В. Вотинцева». Глава Поселения Кубинка утвердил это Постановление.

Охватить полноту деятельности Героя Социалистического Труда генерал-полковника Ю.В. Вотинцева в организационной структуре войск РКО здесь и сейчас не возможно.

Я благодарен Юрию Всеволодовичу за мое место в штате Рода войск и совместную службу ■

Необходимость выдвижения молодых перспективных командиров для замещения должностей командующего войсками РКО, командующего армией, командиров корпусов и дивизий, начальников оперативных штабов настоятельно требовала их подготовки в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К.Е. Ворошилова. Так, В.К. Стрельников, окончивший эту академию в 1967 году и назначенный командиром отдельной дивизии предупреждения о ракетном нападении, по уровню своей подготовки, оперативному кругозору и способности командовать оказался на голову выше других старших офицеров в роде войск. Подтверждает это и мой личный опыт. И все равно пришлось преодолеть множество кадровых барьеров. Только поддержка начальника академии генерала армии М.М. Козлова и начальника кафедры по профилю ПВО

генерал-лейтенанта Н.А. Асриева дали возможность ежегодно направлять в это учебное заведение по одному офицеру. Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР успешно закончили командующий войсками РКО В.М. Смирнов, командующий армией Н.И. Родионов и начальник штаба армии Н.К. Сергеев, командиры отдельных корпусов Н.П. Карташов и А.И. Суслов. Дальнейшее развитие и совершенствование войск РКО диктуют необходимость не прерывать, а продолжать подготовку достойных офицеров в этой академии.

Элитность оставшихся теперь только на территории России частей войск РКО сохраняется. Поддерживаются и традиции, что родились и окрепли вместе с нами. И отличие это определяется не уникальностью техники и вооружения, а прежде всего людьми, ею владеющими.

В условиях экономического хаоса и правового беспредела, захлестнувших страну, они остаются такими благодаря своему высокому профессионализму, патриотизму, честному исполнению сыновнего долга перед Родиной. В этом я убедился, когда в июне 1993 года побывал на встрече по существу уже с третьим поколением руководящего состава отдельной армии предупреждения о ракетном нападении. С поколением, способным не только сохранить, но и преумножить славные традиции войск РКО.

В 1978 году благодаря решительной поддержке Главнокомандующего А.И. Колдунова удалось пресечь реформаторский зуд высокопоставленных должностных лиц Главного штаба Войск ПВО страны, ГОУ Генерального штаба и не допустить развала управления и войск РКО. Теперь же управление раздергано по службам главкомата. Насколько это оправданно и какова участь войск, покажет будущее.

В 1986 году по моей просьбе я был уволен из рядов Вооруженных сил СССР. Вместо себя на должность Командующего

ПРО и ПКО предложил две кандидатуры: Командующего 3-й АО СПРН генерал-лейтенанта Н.И. Родионова и заместителя начальника Главного штаба войск ПВО страны генерал-лейтенанта авиации В.М. Красковского. При назначении предпочтение было отдано В.М. Красковскому.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вот так, в условиях строгого режима секретности, ковался ракетно-космический щит великой страны, исключавший возможность внезапного безответного ракетно-ядерного удара со стороны какого бы то ни было агрессора. В длительный период «холодной войны» военно-политическое руководство США и НАТО не могли не учитывать постоянную боевую готовность войск РКО и могучий ракетно-ядерный потенциал СССР.

В нашем постоянном соревновании с американцами по системам вооружения войск РКО ни победителей, ни побежденных нет. Наличие этих систем у обеих сторон предостерегало раньше, да и теперь, от самоубийственного соблазна решать возникающие проблемы при помощи «дубинки».

Как ни тяжело, но необходимо признать: политический и экономический развал Советского Союза привел к существенному нарушению группировки войск РКО, понизились их боевые возможности, в том числе и по защите России. Обидно и горько сознавать, что почти 30-летний напряженный труд ученых, оборонной промышленности, военных в определенной степени оказывается ненужным.

Обратимся к фактам. Большая часть радиотехнических узлов обнаружения баллистических ракет на траекториях полета оказались теперь на территории Латвии, Беларуси, Украины, Азербайджана, Казахстана. С середины 80-х годов на позициях всех этих узлов велись крупномасштабные работы по замене устаревших станций и созданию новых типа «Дарьял-У» и «Волга». В ценах того времени общая стоимость затрат составляла порядка 2,5 млрд. рублей. На январь 1990 года было освоено около 1,5 млрд. В настоящее время финансирование прекращено. Работы практически не ведутся. В таком же положении в ближнем

зарубежье оказались и оптико-электронные комплексы контроля космического пространства. Может оказаться, что уже в ближайшие годы СНГ останется без наиболее надежных и точных средств СПРН на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном ракетоопасных направлениях, а также без средств СККП на высотах до 40 тыс. км.

Что можно предпринять в сложившихся обстоятельствах? Думаю, прежде всего, внимательно отнестись к предложениям Президента Казахстана Н.А. Назарбаева. Россия, Беларусь и Казахстан могли бы заключить договор о коллективной безопасности, в котором наряду с другими вопросами были бы определены условия дислокации, обеспечения эксплуатации и организации несения боевого дежурства узлов войск РКО, а также финансирования работ по завершению создания новых станций.

При этом на пункты государственного управления и КП министерств обороны за соответствующую оплату выдавалась бы информация предупреждения о ракетном нападении и космической обстановке. В дальнейшем к этому договору могли бы подключиться и другие страны СНГ, или заключить двусторонний договор с Российской Федерацией, взяв на себя обязательства, по которым узлы надгоризонтной радиолокации СПРН и оптико-электронные узлы СККП остаются российскими базами на согласованных и четко определенных условиях аренды, без права их захвата и дискриминации обслуживающего персонала.

Особо следует оговорить право России на завершение создания новых станций. Если политическое и военное руководство стран СНГ понимает ответственность за безопасность своих народов, то предлагаемые договоры – конкретный путь к сохранению и совершенствованию войск РКО. Важнейшее условие, которое непременно должно быть определено в договорах, – сохранение Межгосударственной корпорации «Вымпел», конструкторские организации и заводы которой оказались не только на территории России, но и на Украине и в Беларуси.

Ныне принято утверждать, что у нас нет противника, а с США и НАТО установились доброжелательные, партнерские отношения. Но надежные партнерские отношения могут быть только с равными по силе. Со слабым говорят языком диктата, навязывают свою волю. Россия же существенно ослаблена. Осталась одна великая держава – США. И теперь именно она диктует миру свои условия. Создание войск РКО потребовало решения сложных научно-технических задач.

Поистине космическая высота поставленной цели определила выбор людей, способных создавать комплексы, системы вооружения и управлять ими. На моих глазах молодые инженеры и офицеры – представители различных национальностей – выросли в крупных ученых, конструкторов и военачальников. Далеко не всем мы смогли воздать должное за их самоотверженный, беззаветный труд на пределе человеческих возможностей.

Многие конструкторы, ученые, командиры, политработники и инженеры вошли в историю войск ПРО и ПКО как первопроходцы в создании новейших видов боевой техники и видов вооружения. О выдающихся ученых и конструкторов, с которыми мне посчастливилось работать, о них мною было доброго сказано на страницах моих воспоминаний. Здесь же хочу отдельно назвать офицеров и генералов, которые действительно были первопроходцами в создании войск противоракетной и противокосмической обороны страны.

Среди них: А.Б. Антощенко, И.Д. Баштан, И.Е. Барышполец, А.П. Блинов, Г.А. Вылегжанин, А.П. Зайцев, А.Е. Зикеев, О.И. Катунин, Н.В. Кисляков, М.М. Коломиец, М.А. Красноярский, В.Н. Крюков, А.Г. Кубарев, В.А. Маликов, А.К. Михайлов, С.Д. Мастовой, В.И. Моторный, И.Д. Непокрытый, В.В. Никольский, А.Б. Навицкас, Л.К. Оляндр, И.Р. Орел, С.П. Панжинский, В.П. Панченко, М.И. Парфенов, А.П. Пеньков, И.В. Поддубняк, А.Ф. Поздеев, Е.В. Попов, Н.А. Просолов,

Д.Л. Пушкарев, Н.И. Радионов, В.В. Рожков, В.А. Савин, Н.К. Сергеев, И.А. Слухай, В.М. Смирнов, А.В. Соколов, В.К. Стрельников, М.Т. Тюрин, А.Р. Чесовской, В.М. Шумилов и много-много других, перед которыми низко склоняю голову и с глубочайшей благодарностью буду помнить о совместной службе.

30 марта 2017 г. исполнилось 50 лет со дня образования ракетно-космической обороны России

В честь полувекового юбилея начала формирования Войск ПРО и ПКО, а впоследствии – Войск РКО в Музее Войск противовоздушной обороны (ПВО) в подмосковном поселке Заря состоялась торжественная церемония чествования ветеранов Управления командующего Войсками ПРО и ПКО, образованного 30 марта 1967 г. в составе Войск ПВО Вооруженных Сил СССР.

Около 30 ветеранов решением главнокомандующего ВКС награждены ценными подарками и ведомственными наградами Минобороны России.

Ветеранов Войск РКО чествовали и в подмосковном поселке Тимоново, в котором дислоцируется сформированное 30 марта 1967 г. соединение предупреждения о ракетном нападении (ПРН), а также в соединениях контроля космического пространства (ККП) в подмосковном Дуброво и противоракетной обороны в подмосковном Софрино.

В настоящее время воинские формирования, входившие в Войска РКО, выполняют задачи в составе ВКС.

Главный центр предупреждения о ракетном нападении (ГЦ ПРН) и Главный центр разведки космической обстановки (ГЦ РКО), на вооружении которых стоят системы ПРН и ККП, успешно развиваются и совершенствуются в составе 15-й армии (особого назначения) Космических войск ВКС.

Основу наземного эшелона системы предупреждения о ракетном нападении составляют радиолокационные станции высокой

заводской готовности (ВЗГ) нового поколения «Воронеж», развернутых на территории Ленинградской, Калининградской, Иркутской областей и Краснодарского края, которые несут боевое дежурство по контролю ракетоопасных направлений в установленных зонах ответственности.

Еще три новых РЛС «Воронеж» заступили на боевое дежурство в Красноярском и Алтайском краях, а также в Оренбургской области и Заполярье.

Так же проведена существенная модернизация радиолокационных станций предыдущих поколений.

В рамках совершенствования космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении проведена полная модернизация пункта управления космического эшелона СПРН.

К 2020 г. орбитальная группировка космических аппаратов нового поколения СПРН позволит обеспечить глобальный контроль территории и акватории земного шара.

Всего за весь период несения боевого дежурства средствами СПРН были обнаружены более 1,5 тыс. пусков иностранных и отечественных баллистических ракет и ракет космического назначения.

В рамках реализации программы совершенствования и развития российской **Системы Контроля Космического Пространства (СККП)** сегодня более чем на 3,5 тысячи космических объектов увеличилось состояние Главного каталога космических объектов.

Космические войска ВКС приступили к развертыванию специализированных наземных средств СККН нового поколения. Создание на территории России 4 новых лазерно-оптических и 4 радиотехнических комплексов распознавания космических объектов позволит к 2020 г. осуществить глобальный и непрерывный контроль космического пространства во всех высотах, плоскостях и наклонениях. Первый лазерно-оптический комплекс нового поколения уже прошел государственные испытания и

заступил на боевое дежурство на территории Алтайского края.

Всего за весь период несения боевого дежурства по контролю космического пространства средствами СККП проведены сотни тысяч специальных работ, в ходе которых обнаружены и приняты на сопровождение свыше 15 тыс. космических объектов, выданы свыше 300 предупреждений об опасных сближениях космических объектов с действующими космическими аппаратами отечественной орбитальной группировки.

Важнейшая, огневая составляющая системы РКО – соединение ПРО.

Сегодня оно успешно выполняет задачи в составе 1-й армии ПВО-ПРО (особого назначения) войск противовоздушной и противоракетной обороны ВКС. Силы и средства соединения ПРО, как и 50 лет назад, обеспечивают защиту Москвы и Центрального промышленного района от ракетно-ядерного удара вероятного противника.

Для дополнительного информационного обеспечения систем ПРН и ККП, а также для оценки технического состояния средств, система ПРО регулярно привлекается для обнаружения запусков ракет космического назначения и пусков баллистических ракет с российских и зарубежных космодромов и полигонов, стартов баллистических ракет с подводных лодок из морских акваторий. Всего за время несения боевого дежурства, начиная с 1978 г., средства системы ПРО обнаружили более 1000 баллистических ракет.

Кроме того, в интересах оценки боевой готовности средств системы ПРО ежегодно проводятся испытательные пуски противоракет на полигоне Сары-Шаган.

Таким образом, соединения РКО в составе ВКС России полностью боеготовы и успешно совершенствуются. Современная система РКО находится на качественно новом высокотехнологичном этапе своего развития, способна противостоять любым ракетным угрозам и гарантированно обеспечить безопасность России в воздушно-космическом пространстве.

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Юрий Всеволодович Вотинцев прожил долгую и счастливую жизнь и как человек, оставил в сердцах людей, с которыми ему приходилось служить заметный след в судьбе каждого из них. О Юрии Всеволодовиче, еще при его жизни было много публикаций в газетах о его благородных и чисто человеческих поступках, и мне удалось найти об этом воспоминания конкретных людей: как они его воспринимают, как к нему относились, как к военному и просто человеку. Ему писали письма, получали ответы. Вот несколько строк из двух писем. Одно из них от сослуживца М.Е. Швеца с обращением к Юрию Всеволодовичу: «Я лично не встречал в своей жизни, даже в академии, личность, которая хоть чем либо превосходила вас. Ваша Ленинская память, эрудиция, деловая выкристализованная чистоплотность, честность, прозорливость, внешний вид и походка даже не подряжаемы. Я вас всегда называл «литературный генерал». Вы постоянно даже только внешним видом дисциплинировали от рядовых, до генералов. Даже когда вы были в отпуске, дух ваш витал над каждым и дисциплинировал поступки… Спасибо Вам, что вы есть».

А вот как характеризует своего командира офицеры-ветераны П.И. Бганцев, В.Г. Блосткин, Н.В. Кардин. Письмо датировано 5-м февралем 1990 года, с поздравлением Днем Советской Армии. В письме говорится, о проделанной громадной работе, по формированию и становлению 12-й ОА ПВО, большом личном вкладе ее командующего. Его решительности и смелости, других замечательных качествах Юрия Всеволодовича. «Мы припоминаем, сбитого «перса» у Ак-Тепе и знаем, кто и как дал команду «Сбить!» и даже после напоминания командующего, что в Тегеране находится Леонид Ильич Брежнев. Мы всю

круговерть того случая переживали и каждый в душе был рад, что у нас есть командарм такой… Один из наших лётчиков в беседе со мной (Бганцев) сказал: «Когда этот артиллерист делает разбор авиационных учений – я слышу гул самолетов, еще был один человек, кто проводил разбор учений – генерал Зимин, но этот прирожденный летчик!»

Вот что писал в редакцию газеты «Правда» в октябре 1992 года сослуживец по Туркменистану майор в отставке Мажоренко Юрий Федорович: «Мне довелось служить около 10 лет под командованием этого видного военного деятеля и, я бы сказал, более того – выдающего военного стратега, и это вызывает чувство уважения к генерал-полковнику Ю.В. Вотинцеву…» Далее написанные слова благодарности в его адрес, за его чуткость и заботу об подчиненных с просьбой передать ему наилучшие пожелания и доброго здоровья. А вот какую оценку своему командарму дает летчик полковник А.С. Корпенко в 1984 году «1960 по 1965 годы мне пришлось в должности старшего летчика служить под командованием этого замечательного человека – в начале командира корпуса, а затем командующего отдельным объединением ПВО. Вспоминаю с большим удовлетворением, как он, артиллерист заставил нас, по-настоящему летать, повышать боевую готовность, приводить в соответствие быт и службу нашего и других гарнизонов, перешедших в его подчинение. Он нашел время, персонально, с каждым офицером, лично познакомится, узнать его нужды и запросы. Мы, летчики, особенно ощущали его заботу о нас. Мы поражались его авиационной эрудиции. Он часами выступал перед нами (без каких-либо конспектов, по вопросам техники и тактики ведения боя).

Нам бы хотелось, чтобы читатели молодого поколения обратили внимание как о своем дедушке Юрии Всеволодовиче Вотинцеве отзываются его внучки, которым уже более 20 лет.

Вспоминает внучка Анюта:

...Для кого-то Вотинцев Юрий Всеволодович – это генерал-полковник, первый командующий войсками противокосмической и противоракетной обороны, а мне повезло больше – это мой любимый дедушка.

Дед был почитаемым авторитетом для многих. Я благодарна высшим силам, что у меня такая семья, которая заложила в меня многое, а главное – любовь, достоинство, честность и отзывчивость. Когда мама сказала, что будут издавать книгу про дедушку, я очень обрадовалась, но вот уже месяц каждый день я думаю о нем и бабуле, постоянно возвращаюсь и проживаю заново какие-то моменты и истории в моей памяти и откладываю это задание на «завтра». Ведь как можно рассказать о таком строгом, справедливом, невероятно умном и начитанном человеке, которого все знают, которому сложно соответствовать, как мой любимый дедушка, с которым у нас были бесконечные смешные истории, просмотры матчей ЦСКА до утра, разгадывание кроссвордов, длинные застолья, анекдоты, споры, делание домашней работы для школы и выслушивание доводов, почему я не права, да-да, бывало и такое. Но я попробую.

Наверное, как самой младшей, мне повезло больше всех, из дедушки можно было вить веревки в хорошем смысле этого слова. Любил он меня очень сильно, поэтому разрешал мне

буквально ВСЕ. Тем более, что мне назвали в честь бабушки. Родители рассказывали, как в детстве, сама я этого не помню, я подбегала к звонящему телефону, брала трубку, потом с недоумением смотрела на всех и спрашивала: «А кто у нас Юя Всеич?». И все хохотали. Бабуля называла деда «отец», и я долгое время считала, что его зовут именно так. Среди семейных баек есть еще одна моя фраза: мне было года два, я долго перечисляла всех своих родственников, дошла до деда: «Отец? Тоже хороший».

Вы не можете себе представить, что тот самый генерал-полковник, уважаемый человек, в мои школьные годы получал от меня «приказы» помочь решить 5 способами домашку по математике, а сама я весело убегала во двор. Ведь рекорды, кто пройдет по трубе до конца и не упадет, тоже надо было кому-то ставить. Авторитет «на районе» надо было заслужить. Приходя домой вечером, меня всегда встречала бабуля, наш ангел-хранитель, с приготовленным вкусным ужином, и говорила: «Не заходи к дедушке. Он пока очень сосредоточен на твоем задании. Потому что 4 варианта он решил, а с 5 пока мучается. Но обещал все сделать!». И, судя по всему, упорство и упрямство мне достались от него. Он меня никогда не подводил.

Помню, что в их с бабушкой комнате был огромный шкаф с книгами. Дедушка придумал специальную картотеку, чтобы было легче найти то, что нужно. Всегда помогал что-то подобрать, пользовался только этой картотекой и, не поверите, но в своей коллекции более, чем из 3000 книг, он ориентировался виртуозно. Мои друзья всегда приходили в гости и брали книги у нас, если они не могли что-то найти, потому что у деда было все.

А как он разгадывал кроссворды! В газете «Комсомольская правда» где-то на последних страницах всегда был кроссворд. Дедушка, мне кажется, ждал газету каждый день

только из-за него. И в течение дня его разгадывал. Не припомню случаев, чтобы там остались пустые строки и столбцы.

Я очень любила наши семейные праздники и всегда ждала, что же скажет дедушка. Всегда начинал торжество он, обязательно в руках была рюмка серебряная, его любимая. Наступала тишина. Деда можно было слушать часами. Его речь была идеально поставленной, и смысл был в каждом слове. Даже наша кошка, мне кажется, боялась пошевелиться и тоже слушала со всем уважением.

Благодаря моей семье праздник 9 мая – самый любимый. В этот день мы всегда вставали рано посмотреть парад. Телефон разрывался от звонков, внутреннее ощущение счастья и трепета есть в этот день до сих пор, хотя дедушка не любил рассказывать про войну совсем. С огромной гордостью мы, молодое поколение нашей семьи, шли в рядах Бессмертного полка с портретом Юрия Всеволодовича Вотинцева в парадной форме. Какой дед был красавец!

Еще я очень любила наблюдать, как в обед бабуля раскладывала красиво вышитые салфеточки, все накрывала и только потом звала деда. Он садился, наливал водочки в ту самую любимую серебряную рюмочку, включал музыку, бабуля начинала подавать салат, потом первое и основное блюдо. Эту традицию они никогда не нарушали, а наблюдать за ними было очень трогательно и романтично.

Помню, как он не хотел ни при каких условиях брать в дом беспризорную кошку Лизу. Однако если внучки просят, ничего не поделаешь. Первое время он делал вид, что ее не существует. Но они быстро подружились, хотя дед ей все же показывал, кто в доме хозяин. Однажды, играя с птичками, Лиза неудачно прыгнула и упала с балкона 7 этажа. Дедушка первым кинулся ее искать, и, вся переломанная, она откликнулась только ему. Дед принес Лизу домой и страшно переживал, когда ее пришлось усыпить. Только тогда мы поняли,

как сильно он ее любил, что она занимала особое место в его сердце.

Дедушка был настоящим мужчиной. Помимо грандиозных достижений в карьере и прекрасных человеческих качеств, он был романтиком, которому могут позавидовать многие. Одно воспоминание, когда он на 65 годовщину свадьбы встал при всех на одно колено и расцеловал бабушкины руки, вызывает у меня слезы. Дедуля, спасибо тебе за этот пример. Соответствовать тебе ой как нелегко, но и планку снижать не буду. Часто бывают такие ситуации сейчас, во взрослой жизни, когда я думаю: «Как бы поступил дедушка? Чтобы он подумал? Чтобы посоветовал? Понравилось бы ему?». Мне правда важно, чтобы ты мной гордился. Ты для меня достойный образец для подражания.

Скромный, настоящий, романтичный, отзывчивый, умный, строгий, смешной, властный, добрый, находчивый, любящий, настоящий друг, упорный, амбициозный, веселый, достойный, героический – все эти качества могут уживаться в одном человеке. Все это мой любимый дед. Спасибо, знаю и чувствую, что вы с бабулей всегда за нами присматриваете и помогаете. ЛЮБЛЮ ■

И внучка Катерина:

...Я всегда знала, что дедушка – очень серьезный и строгий человек. Что на работе он непререкаемый авторитет. Что он очень почитаем среди коллег и подчиненных. Что выдающийся профессионал.

Но у меня был не такой дедушка.

Мой дедушка брал меня с собой на стадион, а потом мы шли домой мимо Мальчиша-Кибальчиша, ели мороженое и болтали.

Мой дедушка часами, с невероятным терпением вкладывал в мою гуманитарную голову алгебру и геометрию.

Мой дедушка приходил в школу и безумно интересно рассказывал о военном времени. Все лоботрясы слушали его с открытыми ртами. А из школы он шел очень-очень долго, потому что его знал весь район, и с каждым надо было остановиться и поговорить.

Мой дедушка щелкал кроссворды, как орешки, такая эрудиция... У него можно было спросить все, что угодно, и он всегда знал ответ.

Мой дедушка говорил такие тосты, что я задумывалась, нет ли у нас в крови примесей от народов Кавказа...

Мой дедушка обожал бабушку, и уж какая там строгость, только нежность и забота!

Мой дедушка обожал нашу кошку, и когда бедолага упала с балкона, искал ее много часов. Вообще мы все искали, но слабо мяукнула из-под машины она именно ему. Доверила свое спасение.

Даже когда дед ушел на пенсию, дома разрывался телефон, и он мог часами консультировать бывших коллег.

Я обожала рассматривать ордена и медали, я была маленькая, это были сокровища, и их было очень-очень много! Но больше я любила, когда он надевал парадную форму! Такое волнительное предвкушение праздника...

Нет. Один раз я увидела и строгость, и суровость. Дед посмотрел на моего будущего мужа и спросил: «Уважаемый, а Вы в Армии служили?» Вот когда колени поплыли и подкосились ноги. И сердце заколотилось. Без его одобрения я бы не вышла замуж. Немного не дожил до свадьбы старшей внучки.

Спасибо, дедуль, что я знала тебя со своей стороны. Вечная память ■

ФОТОГАЛЕРЕЯ

ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ ВОТИНЦЕВ

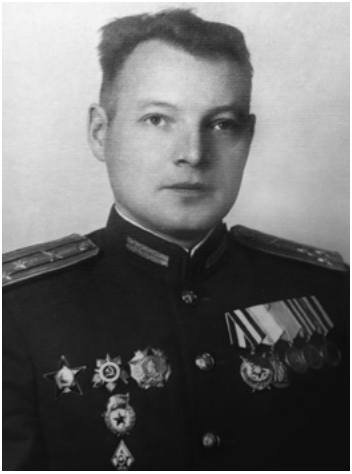
СОСЛУЖИВЦЫ Ю.В. ВОТИНЦЕВА И ВЕТЕРАНЫ ВОЙСК РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

Герой Социалистического Труда генерал-полковник артиллерии Ю.В. Вотинцев. Москва, 1984

Командующий ПРО и ПКО генерал-полковник артиллерии Ю.В. Вотинцев. Москва, май 1975

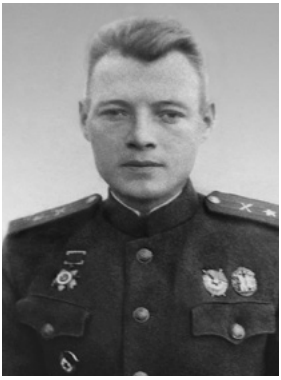
Командующий 12 ОА ПВО генерал-лейтенант артиллерии Ю.В. Вотинцев. Ташкент, 1962

Заместитель командующего 1 Зенитно-ракетной армии ПВО генерал-майор артиллерии Ю.В. Вотинцев. Балашиха, 1958



Гвардия-полковник
артиллерии Ю.В. Вотинцев.
1952

Гвардии-подполковник
Ю.В. Вотинцев.
1948



Гвардия-майор
артиллерии
Ю.В. Вотинцев.
1944

Старший лейтенант
Ю.В. Вотинцев. 1942

Звание капитана
Ю.В. Вотинцев
получил досрочно
в 1943 году за участие
в Курской битве

Лейтенант
артиллерии
Ю.В. Вотинцев.
Суммы, 1938

Вотинцевы: слева направо – Юра,
мама Анастасия Александровна, старший брат Владимир (4).
Ленинград, 1936

Командующий артиллерии гвардейской 90-й стрелковой дивизии гвардии-майор Ю.В. Вотинцев с боевыми друзьями.
1944

Гвардии майор Ю.В. Вотинцев – слушатель академии с боевыми друзьями. 1947

Гвардии-подполковник Ю.В. Вотинцев с женой Анной Макаровной и сыном. 1948

Очередная
командировка в войска.
Ю.В. Вотинцев на борту
самолета АН-26.
1964

Ю.В. Вотинцев
и командир в/ч 16605
В.М. Джаман после
вручения знамени части.
Оленегорск, 1970

Прием Ю.В. Вотинцева и В.К. Стрельникова в Почетные пионеры. Школа дер. Тимоново. 1972

Митинг по случаю постановки узла дальнего обнаружения ПРО с РЛС «Дунай-ЗУ» на боевое дежурство. Слева направо: Н.И. Родионов, Ю.В. Вотинцев, М.Н. Парфенов, А.Н. Мусатов. Чехов, 1973

Генерал-полковник Ю.В. Вотинцев принимает доклад командира части о готовности к вручению Боевого знамени. Чехов, 1973

Ю.В. Вотинцев и В.А. Савин в одной из частей ПРО

Генералы справа налево: Ю.В. Вотинцев, В.А. Савин, И.А. Слухай в Президиуме партийной конференции корпуса ПРО. Кубинка, 1981

С заместителем председателя Совета министров СССР Л.В. Смирновым. В первом ряду слева направо: генералы В.М. Каретников, В.К. Стрельников, главный конструктор В.Г. Репин, Л.В. Смирнов, генералы Ю.В. Вотинцев и Н.Г. Завалий, полковник В.А. Савин. Севастополь, 1988

Беседа Ю.В. Вотинцева с офицерами Мурманского узла

Беседа Ю.В. Вотинцева с офицерами центра

Ю.В. Вотинцев во время посещения 12 учебного центра. Кубинка

Они в разные годы командовали войсками РКО. Фото на память. Справа налево: В.М. Смирнов, Ю.В. Вотинцев, В.М. Красковский

Встреча ветеранов ВОВ и ветеранов войск РКО. Московское высшее училище радиоэлектроники.
1 ряд слева направо: А.В. Соколов, А.Я. Газизов, Г.А. Вылегжанин, А.М. Михайлов, И.П. Писарев, Н.Г. Завалий, Ю.В. Вотинцев, В.М. Смирнов, М.М. Коломиец, Н.И. Родионов, В.И. Кузиков, В.Н. Сколотяный, В.А. Пудовкин, И.В. Ювченко, В.А. Едемский и др.
Кубинка, 3 мая 1995 г.

Встреча Ю.В. Вотинцева с ветеранами 12 учебного центра.
Кубинка

Фото на память. Справа налево: генерал-полковник Ю.В. Вотинцев, полковник А.И. Дедов, генерал-полковник В.К. Стрельников. П. Заря, 9 мая 2001 года

Фото на память. Встреча ветеранов СПРН. В первом ряду слева направо: В.С. Гусаченко, Ю.В. Вотинцев, В.Г. Репин, А.Г. Чесноков, А.И. Савин, М.М. Коломиец, Н.И. Родионов, В.К. Стрельников, А.М. Меньшиков, Н.Г. Завалий, А.В. Соколов, Г.А. Вылегжанин; 2-й ряд справа: А.Ф. Поздеев, В.М. Красковский. 2003

Посещение музея Г.К. Жукова. Фото на память.
В первом ряду справа налево генералы:
Ю.В. Кабаков, Н.Н. Собинов, А.Ф. Поздеев, Н.И. Родионов,
А.В. Соколов, Ю.В. Вотинцев, Н.Г. Завалий, В.П. Панченко,
В.С. Федоров, В.И. Пронов, В.Н. Непомнящих.
С. Стрелковка Калужской обл., 2003

Встреча с отличником боевой и политической подготовки рядовым А. Новиковым. Фото на память. Слева направо в первом ряду сидят генералы: А.Ф. Поздеев, Ю.В. Вотинцев; 2-ой ряд: А. Новиков, В.К. Стрельников, И.А. Слухай, Г.А. Вылегжанин, В.П. Панченко, И.К. Горшков, Н.В. Бурчаков

Ветераны РКО в ГДО д. Тимоново. Фото на память. Справа налево генералы: Н.Г. Завалий, В.М. Красковский, Ю.В. Вотинцев, С.С. Мартынов, Н.И. Радионов, А.Ф. Поздеев, В.С. Федоров

Встреча ветеранов РКО на КП СПРН. Фото на память.
Справа налево генералы: Н.Г. Завалий, В.М. Красковский,
Н.И. Радионов, М.М. Коламиец, А.Ф. Поздеев, С.М. Курушкин,
Ю.В. Вотинцев, В.И. Пронов, В.С. Гусаченко

Генералы Ю.В. Вотинцев и В.М. Смирнов
среди ветеранов войск РКО. 2002

Ветераны РКО. Ю.В. Вотинцев и В.М. Красковский
в первом ряду слева (6,7)

Ю.В. Вотинцев среди ветеранов РКО и Космических войск

У могилы Ю.В. Вотинцева

ПАО «МАК «**ВЫМПЕЛ**»

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
ПАО «МАК «ВЫМПЕЛ»
СЕРГЕЙ ФЕДОТОВИЧ БОЕВ

Ветераны Ракетно-Космической Обороны, семья Ю.В. Вотинцева сердечно благодарят и выражают признательность за участие в выпуске данного издания ПАО «МАК «ВЫМПЕЛ» и лично Генеральному директору

Сергею Федотовичу Боеву

За поддержку
в подготовке материалов
для книги редакционная коллегия выражает
также благодарность руководству
ПАО «НПО «АЛМАЗ» имени академика
А.А. Расплетина, АО «РТИ» имени академика
А.Л. Минца, ОАО ПАО «НПК «НИИДАР»,
АО «РПТП «ГРАНИТ»
И АО «КОРПОРАЦИЯ «КОМЕТА»

ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ – РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ

Редакционная коллегия:
В.М. Смирнов (председатель),
В.П. Панченко (заместитель председателя),
В.А. Байкин, В.П. Богомолов, А.И. Дедов,
В.А. Никитин, А.Ф. Поздеев,
В.П. Сологуб, А.И. Суслов

Автор–составитель А.Ф. Поздеев

Отпечатано ООО «ТФП».
170006, Тверь, Беляковский пер., 46
+7 (4822) 35 32 13, +7 (495) 255-33-12
www.t-f-p.ru
Подписано в печать 16.09.19. Формат 60*90/16
Печать офсетная. Печ. л. 11. Тираж 300 экз.
Заказ №9327